

АЛЕКСАНДР ДЕРГУНОВ

элемент 68

Александр Дергунов

Элемент 68

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дергунов А. И.

Элемент 68 / А. И. Дергунов — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100614-3

Эрбий – 68-й элемент таблицы Менделеева – движущая сила самого страшного оружия: атомного. Отец Алексея Бальшакова разрабатывал такое оружие, но потом погиб при странных обстоятельствах, и в наследство сыну досталась полная странных сближений судьба. Сохранить открытие отца для человечества или выбрать путь тихой частной жизни с любимой женщиной и семьей – вот проблема, которую сразу не решить. Потому что одно тесно связано с другим, и когда на кон поставлены большие деньги, мораль отступает.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100614-3

© Дергунов А. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Русский интеллигент в эпоху интеллектуалов	6
Пролог	7
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр Игоревич Дергунов

Элемент 68

© Дергунов А., текст, 2019

© Славникова О., предисловие, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Русский интеллигент в эпоху интеллектуалов

Предположим, в одном полуразвалившемся в 90-е российском НИИ некоему гению удалось синтезировать вещество, способное пятью каплями окислить целый нефтяной бассейн. То есть сварить нефть до состояния битума. Мало того, под земляной шкурой образуется опасный кислородно-водородный пузырь, и если он рванет, то от территории мало что останется.

Нет, роман Александра Дергунова – не антиутопия. И не боевик в духе Яна Флеминга. Эпохальное открытие – может, оно состоялось, а может, и нет. Вещество нестабильно, сведения недостоверны, результаты экспериментов утрачены, сам ученый погиб на секретном полигоне в заполярной тундре. Где-то они есть, заветные микрофильмы, где-то близко, и герои романа ощущают их присутствие, как железки чуют магнит. Вроде бы у всех своя жизнь: бизнесмены делают деньги, бандиты крышуют, интеллигенты на старых дачах читают книги да копают огороды. Но в траектории каждой судьбы есть неуловимое смещение, роковая неправильность, выверт. Показать это общее смещение в многогеройной мозаике романа – настоящая удача автора.

Микрофильмы в конце концов найдутся (они и правда были близко, руку протяни). Загадка будет разгадана – но главные вопросы останутся без ответов. В роковые девяностые, когда все вокруг ломалось через колено, – был ли у интеллигенции выбор? Могла ли она не допустить, исправить, встать у руля? А если выбора не было, если весь ход событий вел к печально известному «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?» – тогда откуда этот груз ответственности и вины?

Главный герой романа Алексей Бальшаков – из пасынков девяностых. Это его отец синтезировал тетраоксид эрбия – вещество, один слух о котором привел в движение капиталы, спецслужбы, авантюристов всех мастей. До поры не знающий о своем наследстве, Алексей попытался делать бизнес, но оказался не из тех, кому на Руси разрешено зарабатывать деньги. Соблазнившись «схемой», предложенной старым знакомцем, он оказался вовлечен в рейдерский захват отцовского института и чуть не погубил последнюю действующую лабораторию. Сам же и попытался исправить. Усилия его значили не больше, чем жужжание залетевшей в самолет мухи. Но непонимание собственной слабости обернулось силой. А еще Алексей оказался умный. Действия его, как выяснит читатель в конце романа, были с двойными и тройными кодировками. Все закончится – нет, не миллиардами в банке и не всеобщим торжеством справедливости. Но главный герой сумеет оптимизировать собственную судьбу – в тех пределах, какие изначально интеллигенту заданы.

А еще в романе есть любовный многоугольник. Участвуют в нем только два человека: Алексей и его сложная женщина Ольга. Много углов образуется потому, что Ольга и Алексей не раз меняются за долгую совместную и несовместную жизнь. Сперва девяностые, потом эмиграция в Канаду, где правила, может, и понятнее, но ответов на главные вопросы по-прежнему нет. Но как бы ни искажала линии судьбы загадка тетраоксида эрбия, героев поддерживают прочные константы: любовь, нежность, совесть.

Роман Александра Дергунова – живое, ироничное чтение с изящной интригой. И сюрприз: «Элемент 68» – первый роман российско-канадского писателя, прежде публиковавшего только рассказы. Как принято в таких случаях говорить – от автора в будущем можно ожидать многого.

Ольга Славникова

Пролог

Скрип тормозов, кульбиты через крышу, огненный столб.

Ничего такого не было.

Лишь желтый «Пежо» и большеротая женщина за рулем. А после та же машина и женщина, спрессованные воедино жесткой опорой моста. Он сам не знает, как оказался на месте аварии, – в байковой пижаме и домашних тапочках.

Пугает даже не сама катастрофа, а минуты после нее. Человек в пижаме боится подойти к искореженному кузову и впустить в сны инсталляцию из порванного металла, уцелевших бус и рассыпавшегося лица. Он мечется у обочины, не зная, как следует себя вести. Следует курить одну за другой, но уже лет десять назад бросил. Еще уместно обезуметь и кататься по земле, но зеваки вокруг, и вообще, как можно взять и упасть на мокрую траву.

Потом придут милиционеры и врачи – люди, для которых чужая смерть – будни. Пройдут к железному узлу в кювете, что-то расскажут в рацию, подпишут бумаги. Доктора, убедившись, что спасти некого, уедут, а усталый милиционер – почему-то всегда усталый – начнет задавать вопросы. И тогда уже не надо думать, как себя вести. Надо просто рассказывать.

– Как звать?

– Алексей Павлович Бальшаков. Через два «А».

– Кем приходится погибшая?

– Жили вместе. Не в браке, скорее любовница. Пишите «гражданская жена».

– Как познакомились?

– Да лет пять назад, в магазине. Я за нее заступился. Не перед хулиганами, перед очередью. Но тоже, знаете ли.

– Как давно живем вместе?

– Да с того дня и живем.

– Почему не расписались?

– Не знали, что лежит в бархатном футляре.

– Где прописан?

– Там-то и там-то, да, Москва. Но адрес проживания другой – совсем маленькая деревня под Волоколамском.

– Кем работала погибшая?

– Полиграфический дизайн. По большей части из дома.

– Сам?

– Да уже лет десять не работаю. Был свой бизнес, но бросил. Тогда входил в моду дауншифтинг. Нет, это не курорт в Турции.

– Когда общались в последний раз?

– Она звонила около восьми, сказала, что выезжает. Но сейчас-то уже почти одиннадцать.

Ну, начало одиннадцатого, какая разница!

– Ругались с погибшей?

– Да кто не ругается.

– Из-за чего?

– По мелочам. Вот последний месяц из-за предстоящего отъезда. На две недели к маме.

Вы можете себе представить? Разве это нормально! Для вас, да? Ну, хорошо, пусть так.

Он устало прикрыл глаза.

С затворенными веками вспомнил, как они жили завершающий месяц – ссоры, недоговоренности, сборы втихаря. Почти задремал, но сон расшатало чавканье шин в луже перед калиткой. Потом свет фар распечатал на стене узор тюлевых занавесок. Заскрипели ворота,

тюлевый узор переполз на потолок, зацепился за рожок люстры, исчез. Мужчина в байковой пижаме перекатился по заматым бессонницей простыням, подтянулся к подоконнику и увидел желтый «Пежо» во дворе. Значит, сегодня беда прошла мимо. Можно спокойно жить еще пять дней.

Он сполз на кровать – слушать скрип калитки, шум воды в ванной, крадущиеся шаги в спальню. Скрючился под одеялом, разогревая обиду за свои страхи. Не отозвался на тихое «Милый, привет!». В ответ на несмелую ласку притворился спящим. А когда услышал рядом ровное дыхание, перевернулся на другой бок, приподнялся на локте и долго любовался выученным наизусть лицом.

Проснулся рано. Умылся холодной водой, вышел на улицу. Тщательно притворил дверь, чтобы не затекало в дом черное утро ноября. Ушел к обрыву.

Вернулся не скоро, когда оранжевая полоса на востоке уже отчеркнула прожитую ночь. Хлопотал по хозяйству, подтапливал печь, не смог удержаться от соблазна заглянуть в спальню. Застыл у кровати, подкарауливая улыбку первого пробуждения. Не дождавшись, ушел, но скоро надумал повод вернуться и снова ждал, пока, наконец, не дрогнули веки спящей. Тогда он решился пробраться в ее сон торопливым перебором губ по выкинутой из-под одеяла голени, смешным пофыркиванием у уха, щекотанием ресниц по отпечаткам подушки на теплой щеке. Она шурилась сонной улыбкой. Вертела головой – то ли уворачиваясь от поцелуев, то ли пытаясь поймать его губы. Пряталась за ладошками, досматривая сон.

Когда выглянула из-за пальцев, мужские зрачки спрятались.

Он вспомнил вечер, пробурчал зло: «Шляешься по ночам» – и ушел варить кофе. За завтраком вся поза его выражала обиду и раздражение. Молча разлил кофе, громко стучал ножом по разделочной доске, уселся за стол, отгородившись тяжелыми барьерами придуманных обид.

Женщина была легкой. Перемахнула обиды, подошла сзади, запустила ладонь под отворенный ворот клетчатой рубахи, прижалась к небритой щеке. Мягко перебирая ноготками, соскребала обиду с его сердца, мятным дыханием растопила холодный злой ком.

– Ты же знаешь, как я волнуюсь, – выдохнул он тревоги прошлой ночи.

– Ты же знаешь, что со мной ничего не случится.

– Я люблю тебя.

– Милый...

Имен не было. Имена нужны, чтобы различать подобное, а они были в этом деревенском доме единственными мужчиной и женщиной. Как первые люди в Раю. У тех тоже не было имен, пока потомки не начали разбираться, кто кого родил.

Часть первая

Багра́т стоит прочно на земле короткими раскочанными ногами. Руки жилистые, пальцы цепкие, шерстистые до ногтей. Высокий, с вмятиной, лоб. Остальное по мелочи: пестрые фасолины глаз, изломанные уши, три золотых коронки невпопад.

При всей своей приземленности Багра́т склонен к театральным эффектам. Примчался в деревню к Алексею на угловатом «Мерседесе», сорвал гудком грачей с веток дуба, выдавил зубастыми колесами мутную жижу из подсыхающей земли. Возвышаясь на подножке, обвел широким жестом деревенский двор и пропел, отчаянно фальшивя, строфу из неофициального гимна студенческих строительных отрядов:

Пускай работает железный самосвал,
Не для того меня папаша создавал.

Алексей наблюдал за представлением, обвиснув локтями на черенке лопаты. За ним, в кильватере, тянулся короткий след вспененной земли. Вместо чаек по перевернутым жирным комьям важно разгуливали склочные вороны и выщепляли из развала тянучки дождевых червей.

– Забор придется укрепить, – голос Багра́та прервал мечты Алексея, – а вот здесь мы поставим охранника.

– Что охранять? – поинтересовался Алексей.

– Дом-музей олигарха, – пояснил Багра́т. – Народ захочет знать, как живут лучшие люди.

– Ты купил мне лотерейный билет?

– Пять дней назад, но ты не выиграл.

– Соблазнил мною богатую вдову? – догадался Алексей.

– Немилосердно подсовывать тебя убитой горем женщине.

– Приехал известить меня о наследстве?

– Бинго! – заорал Багра́т.

– Мне некогда участвовать в розыгрышах, – сообщил Алексей. – Но если поможешь с огородом, я займу тебе «пятихатку» на пару недель.

Багра́т соскочил с хромированной подножки и зашагал к дому. Шел аккуратно. Прежде чем сделать очередной шаг, надавливал лакированным ботинком на серую тротуарную плитку и лишь после переносил на ногу тяжесть тела. Блестящие туфли, белые носки, идеальная стрелка на брюках. У крыльца мощеная дорожка заканчивалась. Багра́т пощупал голую землю, та засочилась влагой. Гость отступил.

– Для весенних сельхозработ ты оделся несколько легкомысленно, – заметил Алексей, ополаскивая руки под уличным умывальником.

Умывальник он собрал сам, привязав к столбу большую пластиковую бутылку. Бутылка с отрезанным дном вешалась горлышком вниз, а винтовая крышка протыкалась расплавленным гвоздем. Если нажать на гвоздь снизу, то польется вода. Не самая совершенная конструкция, но зато можно не ходить лишний раз в дом и не разносить грязь по комнатам. Алексей вытер руки висевшим на том же столбе полотенцем и двинулся к гостю для официального приветствия.

Багра́т распахнул объятия. Алексей тоже развел руки в широком жесте, но, рассмотрев невозможной белизны сорочку гостя, передумал и отгородился протянутой для пожатия рукой. Багра́т пробежался взглядом по Алексею: джинсы с зелеными коленками, майка в пятнах земли – и на объятиях настаивать тоже не стал. Зато руку сжал крепко, даже больно.

– Дурью меряешься? – выдернул ладонь Алексей.

– Проверяю, достаточно ли крепка твоя рука, чтобы поднять два центнера.

– Почему не три?
– Потому, – пояснил гость, – что миллиард рублей весит два.
– Ты переборщил. В миллион я бы, может, и поверил.
– Нет у меня миллиона, бери, что дают. Свое счастье можешь забрать в любое удобное для тебя время, в помещении юридической конторы. – Баграт извлек из полы пиджака визитную карточку и двумя пальцами протянул Алексею: – Время работы и адрес указаны на обороте.

Алексей повертел в пальцах кусок бумаги, тисненый золотом. Гербовый орел на лицевой стороне, схема проезда на обратной. В пористый прямоугольник впитались отпечатки черных пальцев Алексея. Он сунул бумажку в задний карман брюк. Спросил, глядя за плечо бывшего однокурсника:

- Как там наши?
- Да никак особо. Секретарь сдулся, Никодимыч прет, Анастасия тебе привет передавала.
- Прямо так уж и мне?
- Да, так и сказала: «Встретишь наших – передай привет».
- Понятно... – протянул Алексей.
- Хорошо, – одобрил Баграт.

Помолчали. Алексей затирал носком ботинка в землю головку одуванчика. Баграт смотрел на экран телефона.

- Сколько жрет твоя железная лошадь? – Алексей указал рукой на джип.
- Какая разница?
- Хочу узнать, сколько денег ты потратил на топливо зазря.
- Ради друга я готов на все! – воскликнул Баграт.
- Мы знакомы сто лет, и я не верю в твои сантименты. Был рад тебя видеть, но как раз сейчас мне некуда девать миллиард.
- Мне кажется, физический труд плохо влияет на твои умственные способности.
- Возможно, – согласился Алексей, – но патология необратима. У меня есть все, что мне нужно.

- Вот в этой дыре?
- Ты еще в доме не был.
- Закрой глаза и попробуй ощутить себя на миллиард счастливее.
- Ощущаю сплошной головняк и обострение атипичного геморроя.
- Мой телефон указан на визитке. – Баграт пробрался к своей машине, ступая с прежней брезгливостью, хлопнул дверью, развернулся, чиркнув бампером о забор, и пропал в конце улицы – свернул у церковной ограды.

Алексей вышел за калитку, штыком лопаты крест-накрест проткнул глубокий отпечаток протектора, залюбовался нежным майским днем. Весна стояла чудесная, сострадательная, с духом прелого чернозема над перепаханными огородами и клейкой порослью на липовых ветвях.

Дом под Волоколамском Бальшакову достался от деда. Тому – от прадеда. Пока не покинула деревню жизнь, в каждом пятом срубе жила семья родственников, столь далеких и не похожих, что проще было считать их однофамильцами. В начале пятидесятых уехал в Москву и дед Алексея – учиться на машиниста метро. В Москве же защищал свою диссертацию отец Алексея – Павел. Бальшаков-младший родился уже городским, и отчая деревня вкрапливалась в детские воспоминания лишь жесткими ладонями деда и свободой ночных костров, немислимой для десятилетних городских пацанов.

После поступления в институт в деревню Алексей почти не навещался – он сдал вступительные экзамены в год Указа, тогда свободы хватало и в городе. Хотя указов тогда было

много, но Указом с большой буквы их поколение привыкло считать майский – антиалкогольный.

Время было непонятное. Пригрозили перестройкой. Говорить разрешили все. У вино-водочных магазинов сколачивались первые бригады предпринимателей, которые держали очередь, спекулировали водкой и до полусмерти избивали недовольных перед толпой испуганных людей, слепо высматривающих затылок впереди стоящего.

Предпринимательство в галстуках – при райкомах комсомола – разрешили в Союзе позже, когда бригады у ликеро-водочных отделов уже набрали свою нахрапистую силу. Возможно, поменяй изобретатель гласности указы местами, то забродил бы в стране иной капитализм. Но история не знает сослагательных наклонений.

Неожиданно разрешили быть богатыми. У Алексея завелись деньги. Сеть торговых павильонов росла быстро, и через два года выручку собирал бронированный автомобиль. Кевларовые инкассаторы, подозрительно поводя по сторонам рыльцами коротких автоматов, затаривали нутро броневишка опечатанными денежными мешками. Проворные пальцы банковских служащих оттирали купюры от кислого запаха торговых палаток и складывали на счет Балшакова семизначными цифрами. Дурные деньги без сожаления прожигались на дорогую выпивку, недорогих женщин и на подражание жизни из гляцевых журналов. Остаток средств тратился то на жилье в Испании, то на квартиры в новостройке.

В начале нулевых выяснилось, что быть богатыми разрешили не всем. За удовольствие иметь свой бизнес приходилось уже доплачивать. Алексею повезло выйти из дела без особых неприятностей. Попытался найти хорошее местечко, но оказалось, что «директор» – это не профессия.

Заграничные хоромы пришлось продать почти задарма после получения счета от управляющей компании. Российские девелоперы пропали еще на нулевом цикле строительства. А домик в деревне вот остался – классическая изба-пятистенок.

Пока водились деньги, успел довести деревенское жилье до ума, обеспечив собственной водой и удобствами не во дворе. Стены стояли на века, а печь совсем развалилась. Новую класть не стал. Купил входящий тогда в моду пиролизный камин – с большой стеклянной дверцей и вместительным поддоном для пепла. Застелил пол перед камином пестрым ковром. Вынес кухню на теплую террасу.

Жил без телевизора и газет. Латал дворовые постройки по мелочам. Мир сузился до размеров участка, и, засыпая, он придумывал, как завтра половчее починить двери сарая. Иногда по старой памяти брал в руки карандаш и, шаркая рейсшиной по ватману, придумывал остроумные бесполезности.

Так и провел свое первое безработное лето. А затем осень.

Городскую квартиру сдал. Денег тогда еще могло хватить и на другую жизнь – на теплых морях или даже за океаном. Друзья, толкаясь, покидали страну, а вот ему не хватило разбега. Долго думал, приценивался, даже отправил пару анкет, а потом уехал под Волоколамск да там и осел.

Местных жителей в деревне осталось человек пять, еще десяток домов был скуплен про запас городскими. Начиная с ноября про существование жизни вокруг можно было узнать лишь по серому дыму над щербатыми трубами да по следам соседа Василия.

Василий остался единственным в округе дееспособным аборигеном, и основным его занятием было ходить. Как догадался Алексей, ходил сосед чаще не из надобности, а из презрения к правам накупивших дома чужаков. Свой ежедневный маршрут сосед выбирал без оглядки на заборы и кадастровые планы. Шел напролом, протапывал тропу через чужие участки, перемахивал жерди старых ограждений. Вреда не чинил, к посадкам относился дели-

катно. В друзья не набивался, проходил, словно слепое привидение, сквозь кучку суесящихся у мангала дачников.

Сначала Алексей пугался мосластой фигуры в пиджаке, надетом на майку-алкоголичку. Потом привык и даже окликнул как-то ходока, когда стало совсем уж тоскливо курить одному в беззвездной ноябрьской ночи.

– Эй, мужик, выпить хочешь? – позвал он и протянул в темноту налитый для себя стакан.

Сосед не откликнулся, но через пару дней, обходя деревенские владения, остановился напротив сидевшего на крыльце Алексея. Так молча и смотрел на хозяина дома, пока тот не догадался сбегать на кухню.

– А меня, значит, Василий, – сообщил новый знакомый, возвращая посуду. – Воду слей. И утóпал в темноту.

Алексей понюхал водку, ничего плохого не обнаружил, а про воду понял лишь с утра, когда увидел, что бочку с дождевой водой разворотило льдом первых ночных заморозков.

С того момента Василий включил дом нового жильца в свой маршрут. Когда Алексею нужна была помощь, он ждал появления деревенского патрульного, сидя на крыльце. Василий иногда помогал работой, чаще отделялся советом, а бывало, не дослушав просьбу, молча поднимался и уходил.

Позже Алексей догадался, что расхаживал Василий не просто так, а присматривал за деревней – за парой доживающих свой век старушек, за домами, прозябающими зимой без хозяев, за развалинами храма, у ворот которого сосед замирал надолго, всматриваясь в вышину, шурился, словно от блеска видимых лишь ему золотых куполов.

Мог Василий зайти и в неурочное время, чтобы сообщить что-то, по его мнению, важное.

– Вот там шука хорошо берет, – говорил он без повода, указывая рукой на заросший травой берег. – Картошку пора выкапывать, а у обрыва молитва хорошо звучит.

Молиться Алексей Павлович научился еще в должности директора. В середине нулевых мир образца девяностых начал осыпаться. Звонки на заветные номера утратили свою спасительную силу. Кураторы из официальных и прочих структур лишь разводили руками и объясняли, что вопрос не в их компетенции. Процветающие бизнесы массово обретали новых собственников, без особой выгоды для прежних владельцев.

Как-то в марте, возвращаясь с беседы по делу, где значился пока свидетелем, Алексей вышел на станции «Сокол». Обманутый яркостью мартовского утра, оделся по-весеннему и пожалел об этом, как только покинул теплый вестибюль. В модном по-европейски пальто не было карманов, и бездомные руки стыли на плотном ветру.

Втирая тепло в обмерзшие до синевы костяшки пальцев, Алексей двигался вдоль торговых рядов. Спрятался от ветра, бьющего вдоль переулка, у желтой арки церковной ограды. За приотворившейся дверью почувал теплый полумрак. Протянулся к горячей дрожи свечей.

В храме сиюминутная благодать на него не сошла, но ослаб тугой узел иррационального ужаса. Алексей стоял в толпе, беззвучно шевелил губами вместе с молящимися, неуверенно и невпопад осенял себя крестным знаменем.

Втянулся в неспешный молитвенный речитатив, пропитался сопричастностью к тайне, и прежняя жизнь показалась мелкой, суетной, ненастоящей.

Потом заходил в церковь регулярно. Не то чтобы уверовал, но решил, что хуже от этого не будет. Освоился с порядками. Молитв не знал, но слова «Господи помилуй» в неразборчивом церковнославянском уловил и почти их выкрикивал, стараясь обратить внимание адресата именно на свои чаяния. Может, и вправду был услышан – по меньшей мере, уберегся от суммы, от тюрьмы и от клеветы на ближнего.

Церковь делила пополам центральную улицу деревни. С шершавыми стенами красного кирпича, расшитого толстым слоем желтоватого раствора. Рваные заплатки белой штукатурки еще цеплялись за пилястры под звоновым ярусом, но давно осыпались с фасада, продавив проплешины в густых зарослях чертополоха. На немой колокольне свили гнездо аисты. Сложно представить, кого могут здесь облагодетельствовать продолжением рода эти длинноногие, неторопливые птицы.

Каменные столбы ворот стянуты железными скобами. К скобам прикреплен почтовый ящик, светло-голубой, еще советского образца – с гербом Советского Союза и табличкой: «Выемка писем – один раз в сутки».

Решетку церковных ворот змеиными кольцами оплетала жирная цепь. На цепи болтался пудовый замок с застрявшим в скважине ключом. Алексей как-то пытался ключ провернуть, но тот приржавел намертво.

Служб в церкви не проводили давно, и Алексей по утрам ходил к обрыву. Не потому, что поверил болтовне соседа, а просто под обрывом жила река, горбатая широкой излучиной. Светилась за рекой прозрачная березовая роща. За рощей бесконечно волновались луга, густо окропленные многоцветием.

К этой живой бесконечности и обращался Алексей с немногими запомнившимися молитвами. Стоял подолгу, то шевеля губами, то впадая в оцепенение. Очнувшись, продолжал шептать. К тексту из псалтыря обязательно добавлял просьбы – так сказать, «в конце позвольте и от себя». Просить приходилось много: все, казалось, не хватает денег, удачи, инструментов, мировой справедливости.

Василий старался не беспокоить замершего у обрыва горожанина.

– Не суетись, – во время очередного обхода посоветовал сосед, – а то шумишь только. Чего по мелочам выпрашивать, если он сам все знает.

– А ты откуда знаешь, что я прошу? – удивился Алексей.

– Если молитва зазвучала, то ангел всегда за плечом.

– Ангел? Это который с крыльями?

– Твой, похоже, бескрылый. Кстати, котенок не нужен?

Алексей отгородился рукой в жесте отказа, но Василий, развернув ладонь Алексея вверх, вложил в нее взъерошенный рыжий комок.

– Все равно не нужен.

– Тогда с вас соточка, – нахально заявил Василий.

– Это за что?

– Да за зверюгу.

– Мне и за бесплатно не надо.

– За бесплатно не положено, – согласился Василий. – Примета такая.

– Что от кота пользы? – отбивался Алексей.

– Зато кормить мышей макаронами великая польза, – заметил сосед.

– Мне на днях предлагали породистого, – отнекивался Алексей.

Нерешительные люди врут часто и неубедительно.

– От породистых в деревне мало толку, – согласился сосед. – А этот кот местный. Боевой.

Из пролетариев.

У котенка была дерзкая морда, тяжелая поступь и отходчивый характер. Основной своей заботой он считал охоту на Алексея с целью получения дневной нормы пропитания. В ход шли приемы от грубой лести до требовательного ора. Учитывая пролетарское происхождение кота, Алексей был уверен, что орет тот исключительно матом. За особо наглые выступления кот получал тапкой, но не обижался, а улепетывал за сарай, высоко закидывая пушистый зад. Из вынужденной ссылки появлялся через пару часов с заискивающей мордой и поджатым хвостом.

Получив свою порцию, кот считал план на день выполненным и уходил по своим кошачьим делам. Мог принести на порог задушенную мышь или даже крысу. Не брезговал птичками и мелкими лесными зверьками. Следы кровавых преступлений гордо складывал у порога.

По ночам котяра бурно имитировал охрану границ. Гулко топал по половицам, тяжело обрушивался на пол в смертельном прыжке, громким мявом оповещал хозяина о победе. Но следы его ночных побед обнаружить удавалось не всегда.

С котом в доме порядка стало меньше, зато суеты внутри Алексея поубавилось. Теперь он ходил на обрыв слушать, и как-то все начало потихоньку прилаживаться. Приладилась к косяку амбара огромная тяжелая дверь, приспособился к деревенскому труду бывший горожанин, появилась в его доме и женщина.

Женщину под Новый год Алексей поначалу придумал. Можно сказать, что он себе женщину приврал, спасаясь от навязчивого соседа.

Новогодняя ночь в деревне ничем не отличается от любой другой зимней ночи – та же ватная тишина и шершавая чернь. Исключением из темноты – ярко-желтый параллелепипед на снегу с черным контуром посередине – это выплеснулся на улицу свет лампы из распахнутых сеней. Из макушки силуэта выползают колечки дыма и скользят в темноту по умасленной сиянием дорожке.

Докурив, Алексей нащупал в кармане брелок, замки машины шелкнули, дважды вспыхнули оранжевые огни. Алексей поднял с пола ящик и понес к машине. Опустил ящик на снег, открыл дверь багажника – кнопка заиндевела и вдавливалась с трудом, – погрузил бутылки и отправился за сумкой. Уложил спортивный баул с суточным запасом одежды на заднее сиденье, занырнул в салон, пытаясь дотянуться до скребка, а выбравшись из машины, вздрогнул от неожиданности. В яркое пятно на снегу вписался чужой силуэт – угловатый, растрепанный, одноногий из-за широких галифе, сросшихся в одну бочковатую тень. Алексей поднял глаза и увидел на крыльце спину соседа Василия.

– Василий! – позвал Алексей. – Меня ищешь?

– А кого еще? – обернулся Василий. – Вечер добрый. Собрался куда?

– Да к друзьям отмечать.

– Далеко?

– В Москву.

– Seriously затарился, – с уважением протянул Василий, разглядывая запасы в багажнике.

– Ну так ведь Новый год, – пояснил Алексей.

– Ясное дело, – согласился Василий. – Ты не волнуйся, я за домом присмотрю.

– У меня брат нечего.

– Кому надо – найдут. А не найдут – так без дела разворотят.

– Да кому у нас тут надо.

– И то верно, пока некому, – согласился Василий. – Когда вернешься?

– Через пару дней.

– Дело хорошее, а то ты все один и один. Молодой вроде еще мужик.

– А может, уже и не один, – ответил Алексей, выпроваживая соседа, который про хозяйку в доме заводил разговор не в первый раз.

– Приглядел кого? – спросил Василий из-за калитки.

– Может, и приглядел.

– Так не тяни. С суженой отмечаешь? – любопытствовал Василий.

– Может, и с ней, – ответил Алексей уклончиво.

Врать напрямую он не умел.

– Эка смутился. Вижу, что с суженой, – решил сосед для себя. – Там все и порешите. Новый год – новая жизнь.

– Может, и так, – спешно согласился Алексей и скрылся от настойчивых расспросов в дом.

Там лежал костюм Деда Мороза и мешок с подарками – роль деда из Великого Устюга Алексей исполнял много лет подряд. Когда Алексей переделся, Василия у калитки уже не было.

Алексей завел мотор и осторожно стал пробираться по деревенской улице. Снег здесь расчищали нерегулярно, но, планируя выезд, Алексей договорился с трактористом, и тот расчистил дорогу ровно на ширину ковша. В свете фар Алексей снова увидел Василия – тот стоял посередине пути.

– Чего, Василий? – Алексей открыл водительское стекло.

– Да вот пожелать доброй дороги.

– Спасибо, Василий.

– И еще, подарок, – Василий протянул в водительское окно бархатный футляр: тяжелый, пыльный, с золотыми вензелями на вытершихся углах.

– Да ни к чему, Василий.

– Как – ни к чему? – обиделся Василий. – Новый год все-таки, нехорошо без презента.

– Мне презент?

– До свадьбы сбережешь. Ты же жениться собрался.

Алексей пожалел о своей лжи:

– Я сказал, что подумую.

– Ну вот и я говорю: подумай, – позволил сосед, коробки не отпуская.

– Спасибо, Василий.

– И тебя пусть спасет. А презент знатный, еще от отца.

– А отец твой жив еще, Василий?

– Чудной ты человек, Алексей, иначе быть не может. Но я тебе про другое. – Василий футляр придерживал и, похоже, намеревался завести длинную беседу.

– Спасибо, Василий, мне пора ехать.

– Езжай, езжай. Алексей. А то я и говорю, что без подарка на Новый год нехорошо.

Алексей сообразил, чего ждет сосед. Пришлось вылезать из машины, пробираться к багажнику, зачерпнув в сапог снега, и при свете тусклой лампы разыскивать в ящике бутылку чего попроще. Бутылка сразу же утонула в огромном кармане галифе Василия, как будто ее и не было.

– Спасибо, Алексей, давай подтолкну.

– С праздником, Василий. Думаю, я сам смогу.

– Когда-нибудь да сможешь. Садись за руль, принимай потихонечку.

Алексей перегазовал, колеса джипа вырыли в снегу аккуратные ямки, и выбраться из них машина не могла, пока Василий не подналег сзади и враскачку, наваливаясь на счет «три», не вытолкнул автомобиль на плотный снег.

Алексей встретил ее за пять часов до Нового года, в Волоколамске, в очереди в бакалею. Очередь чудесным образом подобралась из прошлой эпохи – сердитые мамы с повисшими на руках детьми, похмельный работяга с зажатými в кулаке купюрами, дородная дама со сросшимися аж у середины носа бровями. Стояли плотно, прижавшись друг к другу, уткнувшись обмерзшими носами в вытертые меховые воротники. Заскучавшие дети возились, пихали шапочными помпонами дородные зады сплотившихся в очереди домохозяек. За одну из подобных тыловых атак чуть не схлопотал по грустному лицу работяга, стоявший непосредственно после дамы, задетой за живое. Оскорбленная мадам энергично развернулась к обидчику, воинственно освободила от связки пакетов правую руку, но, рассмотрев сведенное похмельной

мукой лицо, остыла. Не найдя на подозреваемом обручального кольца, даже припудрила лицо улыбкой.

Удерживая дистанцию, за пролетарием стояла девушка, в которую Бальшаков был влюблен уже минут восемь. Очень воздушная девушка, как, наверное, все девушки, слепленные из ворсинок: беспокойных ворсинок мехового воротника, широко расклешенных ворсинок ресниц, медового ворса над верхней губой. Женщина ответила на звонок. Алексей подслушал имя.

С тревогой наблюдал, как Ольга заболталась и выпала из очереди. Стоявшая следом бровастая дама сразу же рванула вперед и закрыла брешь в линии обороны прилавка. Ольга пристроилась к боку пролетария, и тот на всякий случай переложил купюру в дальнюю руку. Когда очередь перетопталась еще на шаг, Ольга попыталась втиснуть плечо между недоверчивым мужчиной и бровями. Тетка с бровями действовала решительно и с силой расплющила свой бюст о спину работяги. Тот на наезд сзади отозвался легкой мечтательностью лица.

– Позвольте, – попыталась Ольга.

– Женщина, вам чего? – Бровастая дама приняла воинственную позу. Очередь встрепенулась и для лучшего обозрения занесла хвост вправо. Словно гигантский скорпион перед атакой.

– Обнаглели совсем! Всем надо побыстрее! – раздались воинственные выкрики.

Ольга закусила нижнюю губу и отступила от прилавка. Ситуация требовала вмешательства.

– Товарищи! – провозгласил Алексей и решительно двинулся к бровастой даме.

Очередь с удивлением рассматривала Деда Мороза-самозванца со сверкающим посохом, седой курчавой бородой и в отороченном мехом колпаке. Подозрение граждан вызывало отсутствие красных сапог и длинной, до пят, шубы, но объемистый мешок с подарками свидетельствовал о благонадежности старика.

– Товарищи, – повторил Дед Мороз и громко ударил посохом в пол. Воцарилась тишина.

– С Новым годом! – поспешил закрепить успех Алексей. – Поздравляю вас с первой крупной удачей в наступившем уже кое-где Новом году. Подарки и призы от нашего спонсора! – Тут Алексей быстро проговорил название конфет, только что закупленных в соседнем отделе.

При слове «призы» очередь оживилась, но суровая женщина смотрела с подозрением.

– Подарки достанутся лишь хорошим мальчикам и девочкам. Вот вы, например, – шагнул Дед Мороз к Ольге, – вы хорошо себя вели в уходящем году?

Маленькая женщина все еще стояла, закусив нижнюю губу, но в глазах ее появились искорки смеха.

– Вижу, что хорошо, – решил за женщину Алексей и извлек из внутреннего кармана бархатный футляр. – Колье «Сваровски», от нашего спонсора. Примерять будем позже, в крупном плане.

– Не верьте ему! – выкрикнула недоверчивая старушка реплику из какой-то книги. – Это аферисты, я читала. Пока они тут дурачатся, остальные по карманам шарят.

Очередь принялась обхлопывать себя по бокам на предмет сохранности имущества, словно стая жирных, растревоженных гусей.

– Гражданочку из кадра вырезать, – крикнул куда-то вверх Алексей, которому близость провала лишь добавила куражу. – А вы, товарищи, можете сообщить своим родным, чтоб смотрели вас через час по местному каналу.

Очередь потянулась к мобильным телефонам. Работяга, наконец, отоварился и, открыв пивную бутылку о тяжелое звено часового браслета, приложился к горлышку с зажмуренными от удовольствия глазами. Кадык его ритмично ходил вверх-вниз, и с каждым тактом разглаживалась маска тихого страдания.

– Во! – радостно показал он горлышком опустевшей бутылки на новогоднего деда.

– Сама вижу, что «во», – сурово отозвалась женщина с пакетами. – А вы, мужчина, чем по сторонам глазеть, помогли бы лучше даме.

С этими словами она перевесила полиэтиленовую гроздь на руку чинно опохмелившегося мужика. Ближе всех к продавцу теперь стояла бровастая женщина, но ее внимание было занято Дедом Морозом.

– Вы, гражданочка, как вели себя в прошлом году? – Дед Мороз подтолкнул Ольгу к прилавку, а сам, прихватив бровастую под локоток, буквально натянул ей на руку горловину мешка с подарками. – Испытайте свою удачу. Не подсматривать!

Дама долго вслепую перебирала содержимое мешка, потом раздраженно вытянула ладонь, вцепилась в кончики пальцев зубами, содрала перчатку и стала нащупывать счастье обнаженной рукой. Но пальцы в сиреновом маникюре находили лишь фигурки шоколадных зайчиков, конфеты-«батончик» и какие-то бумажки.

– Главные призы – в конвертах, – шепнул Алексей даме, краем глаза убедившись, что Ольга забрала пакет с покупками.

Дама тут же выдернула кулак с тремя зажатými между пальцев конвертами.

– Лишь один в руки, – строго заметил Дед Мороз, вырвал лишние бумажки и засунул себе в карман.

В этот раз очередь была на его стороне.

– Ну, тогда еще зайчика, – не сдалась мадам и выцепила шоколадную фигурку, прежде чем мешок перешел к следующему в очереди.

– Побыстрее, товарищи, время ограничено, – почти кричал Алексей, пытаясь вырвать мешок и поскорее ретироваться. – Конвертики открывать до Нового года нельзя, иначе купоны будут недействительны.

Угроза помогла, но подозрительная старушка, у которой из-за такого вот промедления в девяносто восьмом году пропали все сбережения, поспешила надорвать бумажный угол.

– Отходим! – крикнул Дед Мороз, оставил мешок на растерзание очереди и, схватив Ольгу за руку, выдернул ее из магазина. Проскочив сквозь горячую воздушную стену, они пробежали, держась за руки, еще метров двадцать, затем женщина начала отставать, остановилась, выскользнула узкой ладошкой из сжимающей ее пятерни.

– Спасибо.

– Давайте я вас подвезу.

– Меня встречают с электрички, – отказалась было Ольга, но от дверей магазина к ним растянулись боевой цепью подозрительная старушка, бровастая дама, гражданка, что была с пакетами, и влекомый ею работяга.

Боялись опоздать и объезжали сутолоку центрального перекрестка по плохо расчищенным переулкам. Старенький джип то и дело пугал пассажиров проскальзыванием всех четырех колес по снежному месиву. Пару раз машину кидал в занос сам Алексей – ему нравилось играть в ночные гонки. Точнее, нравилось слышать протяжное женское «ооох», когда машину тащило юзом.

Торопились зря. Ни на условленной электричке, ни на следующей никто не приехал. Поезда останавливались, и из разъезжавшихся с шипением дверей вываливались толпы пассажиров. Прибывшие осторожно скатывались по крапленным желтым песком лестницам и спешили по домам, на проводы года уходящего.

– Я пойду, – сказала женщина, – как-то нехорошо вас задерживать.

– Вы меня очень хорошо задерживаете.

– Скоро полночь.

– Бойтесь, что карета превратится в тыкву?

– Страшнее, если кучер в крысу.

- А принцесса в кого?
- В дурнушку принцесса превращается. Замызганный халат, грязные ногти, волосы секутся.
- С двенадцатым ударом?
- Все по-разному.
- Но потом принц найдет избранницу по потерянной туфельке, и опять все красивы и счастливы.
- Принц счастлив. Новая избранница, которой подростковая туфелька подошла, – тоже ничего так, довольна. Не понимает, что лет через десять престарелый принц новую дуру на эту туфельку ловить побежит.
- Интересная интерпретация.

Время от времени звонил телефон. Пассажирка торопливо хватала трубку, но, взглянув на экран, отвечать не спешила. С каждым звонком говорила в трубку все более раздраженно: «Да, на станции, жду, начинайте без нас».

Закрутив снежный вихрь, прогремел скорый. Телефон пропищал сигнал входящего сообщения, и Ольга, взглянув на имя отправителя, торопливо прикрыла экран ладошкой. Пальцы опускала медленно, строка за строкой. Дочитав, отвернулась к окну. Там раскачивалась какая-то уж слишком показательно-новогодняя сосновая лапа: с шишкой в идеальных треугольниках чешуек, с длинными иголками, облитыми глазурью безупречной белизны. Даже покачивалась ветка чересчур осторожно, оберегая собственное совершенство.

Подъехала следующая электричка, но Ольга в толпу больше не всматривалась.

- Ладно, я пошла, – она потянулась к ручке.
- Куда? – поинтересовался Алексей.
- Отмечать самый веселый праздник в году. – Пассажирка выкинула ногу в высоком сапожке на снег.
- Неужели не хотите ничего спросить?
- Например?
- Ну, например, с чего старушка пустилась за нами в погоню.
- Не хочу.
- А вы верите, что в Новый год желания у всех сбываются?
- Если двое желают разного, то сбудется не у всех.
- Ну, если не туфельку, то оставьте хоть телефон. – Алексей занес карандаш над прикрепленным к торпедо блокноту. – Дайте я угадаю. Ваш номер начинается с цифры. Верно?
- Поразительно! – Нога вернулась в салон. – А вы сами-то куда едете?
- Ехал в Москву, к друзьям. Но, похоже, придется слушать бой курантов в дороге. Говорят, как встретишь, так и проведешь. Хоть в это вы верите?
- Не хотелось бы. Какого цвета поезд?
- Длинно-зеленого.
- Ольга посмотрела на водителя с любопытством:
- Дайте руку.
- Алексей протянул раскрытую кверху ладонь. Женщина приладила сверху свою ладошку и держала ее с минуту, притворив ресницы.
- Хотите встретить Новый год с нами?
- С вами – это с кем?
- С моей компанией, тут десять минут пешком.
- Да кто же меня там ждет?
- Все. Все ждут меня с другом.
- С каким?

– Какая разница, с каким. Вы хотите быть моим другом?
– Очень хочу, – сознался Алексей. – А можно – лучшим?
– Что, лучшим?
– Лучшим другом быть можно?
– А почему не сразу единственным?
– Ну, лучший – он единственный по определению. Остальные же хуже.
– Лучший про остальных просто не знает. Он для этого слишком лучший. Поехали, я покажу дорогу.

Алексей потянул рычаг, на панели приборов загорелась зеленая буква «D», джип вырлил с парковки.

– Через сто метров поверните налево, – командовала пассажирка. – Через пятьдесят метров налево. Через десять. Третий фонарь. Сейчас налево. Не туда.

– Я повернул налево! – возмутился Алексей.

– Я же показывала в другую сторону.

– Так это направо.

– Не спорьте с опытным штурманом. Развернитесь в безопасном месте.

Приехали, припарковались, втиснулись в незапертую прихожую, долго искали свободную вешалку, не нашли и бросили свои одежды на кучу других, наваленных в углу.

Заглянул в комнату: много молодых, живых лиц. Всплыло в памяти, как отмечали Новый год в общежитии лет двадцать назад.

В общежитии жил Багра́т. Алексей частенько заходил в гости. Порой на день – на два.

Алексей с Багра́том были тогда однокурсниками. На втором курсе боролись за сердце первой красавицы. В техническом вузе на курс всего-то три дамы и было. Отличник Алексей за вторую и третью красавицу бороться не желал. Багра́т с ними перебивал уже во время осенних сельхозработ. Поэтому выбора у соперников не оставалось. А у первой красавицы факультета выбор был – она предпочла комсорга. Первую красавицу звали Анастасией. Протягивая собеседнику голую от плеча руку, она настаивала, чтобы именно Анастасией, а не Настей звали ее. Красота Анастасии была точеной, но какой-то мелкой: тонкий носик, близко посаженные глаза, ровные зубки. Рот маленький, очеркнутый яркой помадой от бледного лица, с очень подвижным треугольником верхней губы.

Алексей на почве несчастной любви с Багра́том задружился, а с комсоргом поссорился. Багра́т дружбу Алексея принял, но и с комсомольским лидером ругаться не стал. Дружба с активистом оказалась очень полезной лет через пять, когда первые ростки предпринимательства всходили при отделах технического творчества районных комитетов ВЛКСМ.

Багра́т – жучила. Смотрит подозрительно, говорит осторожно, своего не отдаст. Воображение у Багра́та приземленное: Форбсом не замечен, но в четырехместной комнате в общежитии жил один, курса с четвертого. Холодильник в его комнате урчал всегда сыто. Вскоре рядом с тем холодильником пристроился первый в общежитии видеомэгафон. Весь этаж ходил любоваться проделками Фредди Крюгера. Сначала весь. А потом лишь те, у кого деньги на просмотр были. Нужные люди, конечно, бесплатно.

Алексей жил с родителями, недалеко от института, но в общежитии зависал частенько. Иногда и правда там к экзаменам готовился, но чаще подготовка заключалась в разведении водой спирта «Рояль» в пропорции три к двум. Лить надо было спирт в воду. Ни в коем случае не наоборот. Если спирта было мало, то раствор загоняли в оплетенный серебряной сеткой сифон и газировали. С газированного спирта болели даже здоровые головы пятикурсников.

Как-то в новогоднюю ночь в комнатушку Багра́та набилось человек тридцать. Сидели на подоконнике, на верхних ярусах кроватей – буквально на головах. Среди гостей отметилась и

Анастасия – им с комсоргом выделили отдельный стул, и было сложно понять, как в переполненной до отказа комнате хватило места на свободный разворот гладкой Анастасьиной спины, на раскинутые по мужниным плечам руки и на бесконечность ноги, вынесенной из высокого разреза платья на середину комнаты. Красавица устроилась на колене мужа вполоборота ко всем, закинув ногу на ногу, и указывала висящим в воздухе острым концом туфли на просящего тост – будто милостиво предоставляла слово.

И ведь умудрялись студенты-второкурсники в этой тесноте слышать друг друга, и передавать гитару, и петь, положив руки на плечи друг друга и раскачиваясь из стороны в сторону:

Быть может, декан нас осудит,
Быть может, кефир он лишь пьет,
Но все мы, товарищи, люди,
И каждый студент нас поймет.

Когда за столом мы все рядом,
Грустить нам, конечно, нельзя.
Давайте ж бутылки с малиновым ядом
За счастье поднимем, друзья!

В тот Новый год отчислили с факультета лишь двоих. С очень расплывчатой формулировкой: «За нарушение учебной дисциплины». По факту, за то, что из окна второго этажа громко болталась студентка. И даже не из-за громкой студентки, а из-за ее ботинка, упавшего на голову проверяющему. То ли девушка вылезла из окна на спор, то ли из пьяной удали хотела перебраться на бетонный козырек над главным входом – теперь уже сложно вообразить, что могло прийти в голову выпившей третьекурснице. Тем более если она занимается в секции альпинизма. Факт остается фактом: двоих собутыльников, которые удерживали ее за руки и пытались затянуть в комнату, от учебы отстранили. Попал в список на отчисление и Баграг – как хозяин комнаты. К счастью, выгоняли тогда лишь на год, с одновременным направлением бойцами в постоянно действующий студенческий строительный отряд. По существу, приговорили к году принудительных работ на благо родного вуза. В молодости подобные несчастья переживаются легко, через пару недель все в той же комнате провожали товарищей отбывать трудовую повинность в глубокое Подмосковье.

Ни комсорга, ни Анастасии, как установили позже, на момент новогоднего дебоша в комнате не было. Разбирая проступок нарушителей на расширенном заседании комитета комсомола, влиятельный супруг Анастасии хмурил брови, задавал сердитые вопросы и осуждающе качал головой. Баграг на все вопросы отвечал по существу, имена присутствующих вспомнить затруднялся и поэтому отделался легким выговором, даже без занесения в личное дело. В отличие от честного Арнольда, которого память подвела, он комсорга на дебоше вспомнил и тем собственную участь только усугубил.

Отчисленные за новогодние безобразия в институт, кстати, так и не вернулись: один предпочел коммерцию, а Арнольд перевелся поближе к дому – в Рижский институт гражданской авиации.

После института Алексей с Баграгом редко встречались, но часто перезванивались. Продавали друг другу несуществующие вагоны сахара, серые партии видеодвоек и грузовики «двести восемьдесят шестых». Выстраивали невероятные цепочки, выторговывали себе откат натурпродуктом. Клялись в честности и полном доверии к собеседнику, но телефон следующего в цепочке посредника сообщать отказывались категорически.

Уже к пятому курсу Баграг был директором десятка фирм, и к нему обращались друзья, если надо было обналичить деньги, получить справку на вывоз валюты, растаможить автомо-

биль – иными словами, провести операцию, не то чтобы запрещенную законом, но предписанную к исполнению в таком неудобном виде, что соблюдение официальных инструкций становилось практически невозможным.

Алексей ни разу на посредничестве и «серых» операциях не заработал, устал от призрачных миллионов и стал строить свой бизнес по копеечке: сам приторговывал на рынке, потом расставлял по лоткам первокурсников, открыл пару палаток. Поднимал бизнес осторожно – на территории закрытых институтов и предприятий.

Начал Алексей со своего родного вуза и процветал на охраняемой территории пару лет, пока жадный проректор не удвоил арендную плату. Алексей столько платить не мог, и проректор прикрыл лавочку, отомстив несговорчивому коммерсанту увольнением за прогулы – Бальшаков числился сотрудником монтажного управления. Испорченную трудовую книжку было жалко – Алексей подрабатывал то здесь, то там с первого курса, и месяцы случайных работ сложились к пятому курсу во вполне солидный стаж.

В город Алексей вывел бизнес в начале девяностых, в сопровождении вполне уважаемых людей, так что мелкая шпана торговле не мешала. С уважаемыми людьми, и даже, не всеу будь помянут, с майором, познакомил Алексея тот же Баграт, который обзавелся очень весомыми связями через спарринг-партнеров своей борцовской секции.

Десять лет встречал Алексей Новый год чинно, с бизнес-партнерами. Выпив, любили гадать, как все вместе встретят новое тысячелетие. И вот для Алексея век начался в совсем незнакомой компании.

– Знакомьтесь, это Андрей, – заявила Ольга громко и вытянула Алексея в гостиную.

– Андрей – это для близких, – поправил Бальшаков, – в миру я Алексей. До первого брудершафта можете меня так и называть.

– Оригинально! – восхитилась женщина в золотых очках. – А как вы зовете Ольгу?

– Зайчик, – соврал Алексей.

– Вы романтик! – изумилась женщина.

Ольга затолкала Андрея обратно в прихожую. Маленький тамбур был завален шубами, пуховиками и обувью. Тяжелые тупомордые сапоги Алексея стояли у самого входа и уже успели напустить под себя лужу.

– Какой зайчик! – прошипела Ольга.

– А какой Андрей? – возразил Алексей Павлович.

– Вам что, тяжело один вечер побыть Андреем?

– Зачем?

– Ну не могу же я с порога признаться, что в соседнем магазине нашла незнакомого мужика.

К ним втиснулась дама, собранная из полусфер: тяжелый купол волос, налитые щеки, окатыши плеч. Грудные полусферы были утянуты алым вечерним платьем без бретелей. Из жесткого треугольного корсажа торчали ушки серебряного зайца-аппликации.

– Это Марина. Со школы дружим, – представила Ольга.

– Надеюсь, для меня вы тоже станете Алексеем, – Марина предоставила руку для приветствия.

Руку она подала скорее для пожатия, но Алексей, освобожденный новым именем от условностей, зафиксировал на запястье продолжительный поцелуй.

– Ох, какой вы галантный! – Марина сделала паузу для взволнованного вдоха. При этом корсаж пополз вниз, и зайчик подмигнул из-за жесткого бордюра. – Прошу к столу.

Гости уже расселись. Большинство моложе Алексея лет на десять-пятнадцать. Красивые, раскрасневшиеся от ощущения праздника, которое к двадцати пяти годам еще не успева

потускнеть. Подвигав стульями, Алексея впихнули между Ольгой и дамой в очках. Все торопливо представились. Имен Алексей, конечно, не запомнил, но расклад был самый обыкновенный.

На дальнем конце большого стола расположились: инициативный дурак, перекрикивающий всех; красавец-спортсмен, добродушный от уверенности в собственном превосходстве; парочка, которой ни до кого нет дела. В середине сидели молодые родители, достаточно интересных дам, пара одиноких кавалеров, определивших свой интерес на сегодня, и стайка холостяков, еще с планами не определившихся. Все холостяки проявляли живой интерес к притулившемуся на Марининой груди зайчику. В компанию зайколюбов входил даже один женатый, маневренность которого серьезно ограничивалась супругой, повисшей на локте.

Провожали старый год. В суете не заметили, как приблизилась полночь. Спортсмен долго боролся с упрямой пробкой – тряс бутылку и целился в люстру. Хозяйка делала испуганные глаза, но напрасно – шампанское переморозили, пробка вылезла с трудом. Инициативный дурак схватил пробку, изображая полет, побежал вдоль стола, бросил корковым спутником легонько в люстру. Все закричали: «Бабах!»

Новогодний тост разливали второпях, широко наполняя из бутылки сгрудившиеся над центром стола узкие бокалы. Чокались практически одной пеной. В этой суете пропустили смену власти в стране. Телевизор включили с первым ударом курантов.

– С Новым годом! С Новым счастьем! – кричали гости и старались потереться бокалами каждый с каждым. После первого тоста молодежь ожидала чуда, и все, кому полагалось по статусу, начали целоваться. Застыла в показательно-долгом поцелуе женихающаяся парочка, строго соединились губами молодые родители. Женатый ловелас быстро поцеловал жену и, имитируя порыв восторга, впился губами в Марину, которая возмущенно махала ладонями, как застывшая у поилки колибри, и так же, как колибри, тянула вперед вытянутые трубочкой губы.

По любопытному взгляду инициативного дурака Алексей понял, что от него с Ольгой тоже ждут чего-то подобного, и он развернулся, повинувшись подсажке ее рук. Ольга приложилась к губам Алексея плотно сжатым ртом, косила глазами на собравшихся и больно прикусила кончик нахального языка, когда заместитель Андрея попытался проскользнуть за границы дозволенного.

Потом было весело. Алексей даже ощутил неловкость перед старыми товарищами, на Новый год к которым не доехал. Представлял себе, как сидят те сейчас в большой московской квартире, осоловев от обжорства и алкоголя, который на четвертом десятке лет уже не добавляет веселья, а лишь тяжело тянет ко сну. А он тут, дезертир, сбежавший с обязательного ежегодного мероприятия, хохочет на шуточной викторине, сгибается в три погибели, протягивая за руку через ручеек незнакомую подружку, залихватски распевает «Бояре, вы зачем пришли» и обнимает Ольгу, не сумевшую разбить схваченные замком руки.

Кидались снежками, лепили снежную пару с ненужными детям подробностями, соревновались, кто оставит лучший отпечаток в белой целине. Сложность заключалась в том, чтобы упасть наотмашь спиной в глубокий снег, а затем встать так хитро, чтобы не обвалить форму. Тут требовалась помощь, и Алексей поспешил протянуть руку рухнувшей на спину Ольге. Тут же помощь предложила другая рука, в ярко-оранжевой перчатке. Ольга выбрала руку Алексея, и он с силой выдернул ее из сугроба. Дернул, пожалуй, даже слишком сильно, отступил, чтобы поймать равновесие, обо что-то споткнулся и завалился на спину, увлекая за собой Ольгу с ее невозможным «ооох». Их лица оказались совсем рядом. Они затаились от всех на дне глубокого снежного окопа. Алексей залюбовался снежинками, вплетенными в веер Ольгиных ресниц, она очень по-своейски стряхнула снег с его белой бороды и засмеялась:

- Да ты и впрямь настоящий Дед Мороз!
- Будешь моей Снегурочкой?

Ольга не успела ответить, она вдруг начала отдаляться, полетела вверх и оказалась на плече инициативного дурака, который схватил пленницу оранжевыми перчатками и, подражая бегу оленя, поволок в дом.

С мороза отогревались чаем, потом время раскрошилось на фрагменты, с танцами, глубокомысленными беседами, откровениями малознакомых собеседников. Сказать надо было многое, и поэтому собеседники для надежности вцеплялись Алексею в лацкан пиджака.

Вначале Алексей держался вровень с молодежью. Но к концу новогоднего марафона разница в возрасте дала о себе знать, он то и дело проваливался в сон, невпопад отвечал на вопросы. Ближе к трем задремал на плече дамы в очках во время слишком уж медленного танца. Обнаружив свою голову на женском плече, не придумал ничего лучше, как оттолкнуться от сухой шеи быстрым поцелуем.

– Андрей, – сказал дама недостаточно укоризненно.

– Для вас Алексей, – сократил он дистанцию.

– Вы же пришли со спутницей!

– Женщины непостоянны, – громко пожаловался Алексей в сторону Ольги.

Ольга не отреагировала. Она смеялась в танце с кем-то из неопределившихся холостяков.

Когда все потихонечку успокоились, Алексей выбрал себе кресло в дальнем углу и перестал бороться со сном.

Первый раз его разбудил настойчивый шепот и рывки за бороду.

– Я тебе говорю – настоящая, никакой это не костюм.

– Не может быть настоящей, Ольга говорила, что Андрей младше ее.

– Спорим, что настоящая?

– На что?

– Кто проиграл, завтра весь день дежурит по кухне.

– По рукам?

– По рукам. Кто разобьет?

Судя по голосам, спорили спортсмен и дурак.

Второй раз он проснулся в кресле от жаркого спора уже под утро.

– Да пусть человек спит, – убеждала Ольга.

– Ты чего, Оль? Знаешь, чего мне стоило освободить для вас отдельную спальню?

– Да ладно...

– Никаких ладно! Андреей! – Марина принялась тормошить Алексея за рукав.

Спящий разлепил веки неохотно, пытался отказать от общего ложа, но решительная подруга, схватив скромников за рукава, буквально отволокла их в отведенное для счастья помещение.

– Смотрите, а вы идти не хотели, – укорила подруга, ощупывая огромную, человек на шесть, кровать.

Подруга была девушкой энергичной, из породы тех, что уж если решили сделать вас счастливым, отбиться от этого практически невозможно.

Проснулись они вполне довольные друг другом. Алексей встал первым. Достал из своего чемоданчика электрическую бритву и тщательно, клоч за клочком, выстриг бороду. А вместе с ней и седину – волосы у Алексея были черные, без добавок серебра, а вот борода пестрила белыми заплатками с самых ранних лет.

Утро первого января самое тягучее. Все двигаются медленно, словно продираются сквозь поток времени, загустевший до вязкости золотистого меда. Восстают разбросанные по матрасам гости и не спеша подтягиваются на горьковатый запах кофе. Истратив все силы на пробуж-

дение, подолгу щурятся от слепящей белизны окна. Заглядывают в холодильник, в три ряда нашпигованный кулинарными излишествами, и с отвращением захлопывают дверцу.

Вышла Ольга, растерянно-сонная, на вопросительный взгляд Марины ответила утвердительно.

– Ну как?

– Супер! Даже не знаю, что бы мы без тебя делали.

– Сколько?

Ольга что-то показала на пальцах, Марина подняла бровь. Потом Ольга признала Алексея без бороды, смутилась своей лжи, стряхнула хвастливую руку, забилась в кресло и все утро исподтишка изучала нового знакомого.

Вломились, громко и в обнимку, дурак со спортсменом, разворошили пижамный уют утренней кухни похмельной клоунадой, набухали прямо в кофейник коньяка, не признали Алексея и предложили вновь прибывшему выпить штрафную до дна.

– Да мы же вчера знакомились, я Алексей, тот, который Андрей, – напомнил бывший Дед Мороз.

– Да мы сразу догадались! – соврал без зазрения совести спортсмен, в то время как его простоватый товарищ еще не мог осознать тонкостей чудесного превращения.

– Да, кстати, ребят, а вы бороду мою не видели? Снял вчера и куда-то бросил, – спросил Алексей с самым невинным видом и по опавшему лицу дурака понял, кто сегодня дежурит по кухне.

В первый вечер нового века Ольга обняла Алексея, и они вдруг сделались вместе. Еще не настолько вместе, когда можно молча стоять обнявшись. Надо о чем-то разговаривать, пока тела пообвыкались друг к другу через колючую шерсть свитеров.

– Нравится? – спросила Ольга, заметив, что он разглядывает развешанные по стенам картины.

– Задумчиво писано, – похвалил Алексей.

Более точного определения придумать он не смог. На всех полотнах художник изображал резиновых человечков, непомерно раздутых в одних частях и туго стянутых тесемками у щиколоток и в запястьях. Чтобы нарушение пропорций не бросалось в глаза, художник накрошил холст на дюжину треугольников, а треугольники тщательно перемешал.

Алексей всмотрелся и обнаружил на полотнах осколки женщин. Иногда голых, иногда наполовину одетых. Причем одежда прикрывала не верх или низ, а именно правую или левую половину. Грудь со всех полотен прокалывала зрителя острым конусом с широким основанием. Вершину конуса художник драматизировал то выключателем, то пробкой, то дулом пистолета.

– Вы любите искусство?

– Был воспитан на соцреализме.

– Переметнулись в импрессионизм?

– Слишком общепризнанно. Все равно что любить Бродского.

– Кубизм?

– Похоже на сложный чертеж. Если не приложено либретто, не поймешь, о чем поют.

– Так уж и не поймешь?

– Абсолютно. Хотя постойте! – Забавная догадка пришла Алексею в голову: – Я правильно понимаю, что на всех картинах изображена одна и та же женщина?

– Возможно.

– Постойте, постойте, и эта женщина – вы? Ты?

– А говоришь, невозможно понять.

Алексей и сам не мог сообразить, как из беспорядочной мозаики, разбросанной по стенам, вдруг сложился образ Ольги. Узнать можно было, пожалуй, лишь брови – они были состав-

лены у Ольги как бы из двух частей – взлетающей от переносицы густой полосой и через пробел ниспадающей к виску стрелки. У художника Ольгины брови получались в два прохода кисти – с тяжелым нажимом вверх, отрыв, и вниз по диагонали, почти не касаясь холста. Стали понятны перевязи на запястьях. Запястья Ольги были тонкими до хрупкости, до невидимости, до неосязаемости. Алексей поймал себя на том, что уставился на грудь Ольги и сравнивает ее с изображением. Он смутился и быстро отвел глаза, но Ольга поняла это по-другому:

– С тех пор я изменилась. Мы дружили лет десять назад.

– Вы дружили? – переспросил Алексей и вдруг уловил в пестроте треугольников элементы интерьера.

– Ты позировала здесь?

– Да.

– Не в одежде?

– Тебя это смущает?

– Нет, но раздеться перед чужим человеком...

– Он был мне не чужим. Моя первая любовь. Нас пустили на зиму здесь жить.

– Так мы ждали вчера на станции художника?

– Нет, программиста. Художник покинул меня давно.

– Художники непостоянны. Влюбился?

– Можно сказать, и так. В свою картину. Здесь только эскизы, но пара полотен ему действительно удалась. Принесли признание. Успех, выставки, интервью, международные поездки. Ему стало как-то не до меня. Уже месяца через три нашего счастья я поняла, что картину он любит больше. Этаким Пигмалион наоборот.

– Почему же наоборот? Самый настоящий Пигмалион. Ведь у того тоже была натурщица, но он предпочел влюбиться в статую.

– Ты тоже склонен к свежим интерпретациям.

– Это правда. Ведь была же наверняка женщина из плоти и крови, с которой он лепил. Но этому подавай холодный мрамор. Впрочем, в наше время на комплексе Пигмалиона построена вся массовая культура. Берут человека, ретушируют, закатывают в глянec, влюбляются в обложку, а после удивляются, что та несколько холодна.

– Да ты философ!

– Доморощенные философы – побочный продукт российской провинции. Вспомни Тургенева. Ты переживала?

– Из-за Тургенева?

– Из-за художника. Все-таки первая любовь.

– Переживала.

– Зря.

– Почему?

– Он был с тобой несчастен. Подавлен, не уверен в себе.

– Что еще придумаешь?

– Ты любишь джаз и позицию амазонки.

– Забавно, – улыбнулась Ольга. – Объяснишь?

– Про неуверенность в себе – просто. На всех картинах черный треугольник, символизирующий женское лоно, увеличен, вынесен на первый план. В то же время многочисленные символы, которые можно интерпретировать как фаллические, разбросаны, поломаны композицией, иногда многократно. Посмотри на этот зонт, оплывший в подставке.

– Допустим.

– Все мужские символы находятся в нижней части полотен, черный треугольник всегда расположен визуальнo выше.

– Это про всадницу?

- Да.
- А джаз-то ты где увидел?
- Неужели ты не видишь на картинах контрабас и саксофон?
- Нет.
- Я тоже. Но джаз ты вчера попросила включить, пока мы ехали.

Они сошлись как части некогда единого. Совпали до противоположностей. Срослись кожей.

Обсуждать будущее казалось бессмысленным. Даже не стали заезжать в город за вещами. Мелочи для Ольги купили в местном универмаге. Все остальное в доме Алексея нашлось. Предметы подчинялись прикосновениям внимательных пальцев и соглашались Ольге служить. Теплые рубахи служили халатами, огромные валенки – домашними тапочками, рыжий кот с первого дня служил верой и правдой.

Утварь в доме была почти не нужна. Первое время и одежда казалась лишней. Любовники могли провести всю ночь на ковре перед камином, существуя в виде трехголового змея с телом из шотландского пледа и торчащими над ним головами: мужской и женской. За третью голову была бессовестная морда кота, торчавшая из-под пледа отовсюду попеременно.

Могли валяться в кровати целый день, прислушиваясь к жалобам ветра за окном и разговаривая абсолютно ни о чем.

– Когда придет весна, мы полетим за подснежниками в Париж.

– На чем полетим? – переспрашивала Ольга.

Визит за подснежниками именно в Париж казался ей вполне логичным.

– На золотом вертолете, – отвечал Алексей.

– Таких не бывает.

– Бывают. – Алексей приподнялся на локте и посмотрел на Ольгу серьезно.

Ольга выучила: чем серьезнее у Алексея лицо, тем бессовестнее будет он сейчас выдумывать.

– Золотой вертолет существует. По меньшей мере, существовал. – Алексей говорил вполголоса. – Когда мы ездили под Уренгой шабашить, то встретили несколько бригад кладоискателей. Корыстные романтики спешили в короткое северное лето на поиски загадочного золотого вертолета.

– Они трясли ветхими картами капитана Флинта, – в тон Алексею зашептала Ольга.

– Карт не было. Но... – Алексей показательно приподнял подушку, картинно заглянул под диван, словно желая убедиться, не подслушивает ли кто-нибудь. – Но в каждой группе был человек, который лично видел свидетелей падения золотой машины и даже держал в руках остатки крушения.

– Какие?

– Все говорят про золотой поршень.

– Это такой перевернутый стакан?

– Да. Стакан.

– Забавная легенда.

– Каждый второй житель района в нее верит. Вертолет там правда в конце девяностых упал, про это много материалов в газетах. Местные были на месте крушения и, как обычно, раньше спасателей.

– Мародеры.

– Твои моральные ценности применимы не ко всем культурам. Оленеводы издавна считали своим все, что послано свыше. Так вот, прибывшие на место аварии люди нашли среди обломков поршень из чистого золота. Да еще и осыпанный рубинами.

– Один только поршень?

– Тут слухи разнятся. Кто-то говорит, что четыре. И еще золотой коленвал. Правда, коленвал почти никто не видел. Но, возможно, его забрали те, кто прибыл еще раньше. Ты мне что, не веришь?

– Сейчас проверю, – отвечала Ольга, впивалась ртом в губы Алексея и после минуты общего дыхания заявляла: – Я ощущаю сладковатый привкус лжи. Но продолжай. Я люблю сладкое.

Центром их вселенной служил массивный дровяной камин. Металлический куб поднимался от пола на высокой подставке и цеплялся за потолок черным отростком трубы. Начиная с октября Алексей приносил в дом охапки тяжелых дров и складывал их досушиваться в углу. Бросал подсохшие поленья в распахнутую пасть.

Кот устраивался на коленях у Ольги, и она, составив пальцы в сложный аккорд, извлекала из зверя рокочущее мурчание.

Огонь разыгрывал за стеклянной дверцей яркие представления. Пылал красными языками на кленовых поленьях, раскалялся до белого свечения на кромке дуба, легкомысленно искрил по чуркам лиственницы. Когда пламя расходилось, то отдельных штрихов было не различить – оранжевые протуберанцы бились в огнеупорное стекло и истончались на нем до прозрачной плазмы. Тогда Алексей прикрывал воздушную заслонку, и горячие языки оседали вниз, сияние впитывалось поленьями, которые отдавали тепло с неохотой, через сетку красных разломов на обугленной поверхности. Жар доедал дерево, поленья рассыпались в угли, и те мерцали через подкопченное уже стекло. Алексей с Ольгой гадали, пытаясь опознать в горячем узоре профили, знаки, предметы, созвездия, но получалось не всегда: картина слишком быстро меняла свои очертания.

Они устраивались в гостиной: Алексей с книгой, Ольга с компьютером, и занимались каждый своим делом, пока вдруг не выяснилось, что Алексей давно уже отложил книгу и медитирует на укрощенное пламя, а Ольга обняла его сзади, проскользнула узкой ладонью под рубашку и впитывает счастье своими любознательными пальцами, кошачьими зрачками и скулами, румяными от жара.

– Про что ты читал?

– Про одно забавное племя.

– Чем же в них забавного?

– Слово «любовь» у них точно такое же, как «ненависть».

– Как они отличают?

– Исключительно по интонации.

– Какой первый звук?

– Сложно произнести. Означает «ты принадлежишь».

– Во многих языках с этой буквы начинаются и ненависть, и любовь.

– Вторая буква означает пустоту. Она не произносится. Третья буква означает «миг» и передается транскрипцией из сорока трех знаков. По продолжительности не менее двух третей от всего слова.

– Две трети от любви – это иногда очень долго. Сколько же времени надо, чтобы произнести все слово?

– Иногда не хватает и жизни.

В эти минуты они были так близки, что ночь добавить в их отношения уже ничего не могла.

Первый февраль тысячелетия ничем не отличалась от всех февралей, уже прожитых Алексеем.

От влажного февральского холода Алексей прячется с Баграмом в пивном ресторане на Тверской улице столицы.

– Понимаешь Баграт, мы – потерянное поколение, – жалуется Алексей.

– Ты звал меня вещать о миллиарде, – морщится Баграт.

– Я не звал, – возражает Бальшаков, – ты сам напросился. Мы вообще-то собирались с Чистяковым посекретничать.

– Я не напрашивался, – обиделся Баграт, – а предложил совместить приятное с полезным. Ты же из деревни раз в сто лет появляешься.

– Давай тогда по десять сантитров приятного, – предложил Алексей, – а для полезногождемся бухгалтерию.

– Давайждемся, – откинулся Баграт на высоком стуле. – Пока выкладывай про поколения.

Алексей продолжает философствовать. Баграт слушает внимательно, смотрит мимо – на гостиницу «Пекин» за площадью Маяковского.

Ярко освещенная высотка целиком помещается в окно пивного ресторана. Баграт подносит к глазам стопку охлажденной до глицериновой густоты водки и рассматривает через нее зиму. Холодная линза искажает белую площадь, седобровых прохожих и палатку с хот-догами. Под крупными хлопьями заблудившегося снега они кажутся игрушечными миниатюрами, заключенными в стеклянный шар, который хорошенько встряхнули, чтобы закрутить вихрь из мелко нарезанной бумаги.

Баграт ловит в линзу рюмочного прицела голые коленки. Коленки мельтешат на морозе, раскидывают на ходу полы цигейкового полушубка. Баграт несет коленки в рюмке до входа в ресторан, потом шумно выдыхает и опрокидывает себе в горло напиток с растворенным в нем привкусом снега, коленок и хот-догов. Не дышит. Вытаскивает из высокой подставки длинную соломку черного сухаря, но не откусывает от промасленной чесночной гренки, а старательно втягивает носом прогорклый ржаной аромат.

– Нет, ну ты сам посуди, – продолжает Алексей. – Мне за тридцать. Я работу найти так и не смог, тебя лишь ноги кормят.

– Пока вроде досыта.

– Пока да, но ноги не железные. Все, кто из нашей группы еще работает, получают как практиканты.

– Потому и работают еще.

– Это как?

– Это просто. У нас в институте на военной кафедре умный капитан преподавал, и, когда мы возмутились, зачем новоиспеченных инженеров на два года отправляют отдавать воинский долг, он очень доходчиво объяснял, что в армии лейтенантских должностей полно, а полковничьих мест гораздо меньше. Даже картинку рисовал – пирамидка с основанием из лейтенантов. Доказывал, что выпускники вузов – идеальные лейтенанты. Два года послужили, потерялись в основании пирамиды рабочими лошадками, и до свидания, мальчики. Нечего тут с кадровыми военными задницами толкаться в узких коридорах Генштаба.

– Двигай от армии к потерянному поколению, – попросил Алексей.

– Двигаю, тут недалеко. Жизнь, она от армии мало чем отличается: лейтенантских должностей полно, а генеральских – раз, два и обчелся.

– Глубокомысленно, – согласился Алексей.

В зал вошли две пылающие девушки – с синими коленками из рюмки Баграта и ее подружка. Принесенные с холода щеки уводят отлив румян ближе к сиреневому, носики просвечивают сквозь тональный крем морозно-пунцовым. Алексей любит мягким наполнением свободных, крупно вязанных свитеров. Любуется, как кажется ему, незаметно. Баграт сидит ко входу спиной, вошедших не замечает. Девушки длинно растирают замерзшие пальцы, выискивают кого-то среди посетителей.

– Когда поколение подползает к сорока, немногие закрепились на уровнях выше среднего, – продолжает Багра́т. – А снизу уже молодежь карабкается и старичков с теплых мест выколупывает. Старички сверху отбрыкиваются, как в игре «Царь горы». Но здоровья у молодых побольше. Да, будем честны, и квалификация неофитов зачастую повыше. Не говоря о том, что, собственно, царям горы нанимать молодежь дешевле и спокойнее. Так было всегда.

– Думаю, нам не повезло особенно.

– Нас накрыло сразу двумя волнами перемен. Сначала кардинально изменилась социальная парадигма. До корок изучив марксизм-ленинизм, мы были вынуждены жить по законам Адама Смита. Это раз.

– Давай два, несут закуски.

– Два – это технологическая революция, в результате которой поколение наших детей гораздо эффективнее в мире цифровых технологий. Мой сын укладывал айпад спать с собой вместо медвежонка. В десять лет он помогал мне с виндой. Что он делает за монитором сейчас, мне даже страшно представить. В мире, где люди рождаются под монитором, живут перед монитором и умирают, подключенными к монитору, у меня нет шансов с ними конкурировать. Такое вот два.

– Ты обещал, что два – это всего.

– Тогда завершу на оптимистичной ноте: нам еще повезло. У нас был выбор.

– Нас к этому не готовили, – возразил Алексей. – И мы не знали правил. Про какой выбор тут можно говорить?

– Никого не готовили, просто кто-то оказался поживучее. Наверх пролезли те, кто первым догадался, что никаких правил нет.

– Самые отмороженные?

– В дарвинизме нет таких терминов. Принято говорить о навыках адаптации.

– У нас они оказались слабее?

– У кого – у нас?

– У интеллигенции. Пусть даже с уменьшительно-ласкательным префиксом «техническая».

– В эпоху перемен у вас не было шансов. Пока интеллигенты сострадают зарубленным старушкам, цари горы вырубают их сотнями тысяч.

– Старушек или интеллигентов?

– Всех без разбора. А заодно леса и вишневые сады. Не по злобе, а чтобы не мешали шестиполосным магистралям новой жизни. Это естественная психология вида, выведенного в результате жесткого эволюционного отбора. Интеллигент не может к этому виду принадлежать по определению.

Девушки у входа оттаяли до пятнисто-розового, не обнаружили ничего интересного в верхнем зале и направились к лестнице на нижний этаж.

– Девушки, вы не нас ищите? – поинтересовался Багра́т, наконец их заметивший.

Та девушка, которая сзади очень выпуклая, обернулась на звук, скользнула взглядом по столику с чесночными гренками, часам Алексея, графину водки – и продолжила свой путь в нижний зал.

– Мы не просто потерянное поколение, мы еще и поколение невидимое, – грустно заключил Алексей.

– Юные пчелки не вьются над пустоцветом. Но в этом сосуде, – Багра́т приподнял со стула рыжий портфель, – я принес волшебную пыльцу, учуяв запах которой целые стайки легкокрылых прелестниц будут бороться за право приземлиться рядом с тобой.

– Тебя не тошнит от их меркантильности?

– Это лишь естественная забота о благополучии потомства.

Официант, пробегая мимо, заинтересовался, не готовы ли друзья заказать горячее. Хотел по привычке поменять пепельницу, но лишь забрал мятую салфетку со стола. С тех пор как в ресторанах запретили курить, у добросовестных официантов осталось меньше способов проявить свою предупредительность.

– А, вот вы где! – Близорукий Чистяков опознал спорящих, когда уже практически наткнулся на их столик.

– Привет, Никодимыч, – обнялся Алексей с вновь прибывшим.

– День добрый, Петр Батькович, – протянул руку Баграт.

Пришедший на голову ниже Баграта, но локоть он задрал высоко, так что при рукопожатии его рука снисходит к встречной ладони, здоровается как бы сверху вниз.

Чистяков Петр Никодимович – их институтский товарищ. В начальники никогда не лез – как завершил экономический факультет, так всю жизнь бухгалтером и работал. Хорошо работал, кстати. Менялись начальники, законы и национальные идеи, а бухгалтер Чистяков все стучал в кабинете сухими пальчиками по крупным клавишам калькулятора и обрастал должностями, семейством и международными сертификатами.

Курса с третьего его звали больше по фамилии или имени-отчеству: Петр Никодимыч. Иногда просто – Никодимыч. Казалось, что родился Чистяков уже старым: стянутое к острому носу лицо, высокие залысины, сухие маленькие кулачки. Глаза Никодимыча плавали за выпуклыми линзами огромных очков. В институте Никодимыч был известен как зануда, правдоболец и первый женатик на их потоке. Женился Чистяков на втором курсе на девушке из пищевого института.

Невеста была хорошей, но доброй. Убежав в город из-под тотального диктата патриархальной семьи, она уже на первом курсе сменила троих кавалеров, не решившись обидеть кого-нибудь отказом. Каждый раз пыталась спасти романтические отношения борщами, выпечкой и кружевными салфетками на расцарапанном пластике общежитийского стола. Ухажеров не привлекал домашний уют – они неслись дальше, спеша нарисовать побольше звездочек на потертых простынями фюзеляжах. А Никодимыч вот остался. Из любви, жалости да, в конце концов, из-за ребенка.

Новобрачная сразу стала Никодимовной, и по имени ее уже никто не помнил. Молодой семье дали целую комнату в новой общежитии: удобства общие, но зато свой холодильник и кухонька, оборудованная на тумбочке. На тумбе пристроилась плитка, на ней пытели кастрюльки. На запах борща подтягивались голодные бывшие, которых сострадательный Чистяков не гнал.

После родов Никодимовна округлилась, налилась молоком и домовитостью. Бывших хахалей умело пристраивала по хозяйственной части, так что Чистякову почти не приходилось отвлекаться на бытовые мелочи. Выполнивших норму ухажеров Никодимовна подкармливала, но без баловства – за похабные намеки можно было схлопотать по физиономии грязным полотенцем. Все трое бывших баловали Чистякова-младшего, старались чего-нибудь на радость малышу притащить, и каждый пытался увидеть свои черты в человечке, что день за днем вылуплялся из тряпичного кокона.

Институт Никодимыч закончил с красным дипломом, в то время как Алексей, блестяще отучившийся первые три курса, увлекся коммерцией и дотянул до диплома с трудом.

Баграта из института тоже чуть не выгнали. За драку в общежитии. Потасовка была так себе, но общежитие принадлежало соседнему институту, и замазать историю было нелегко.

Дело происходило в самом конце восьмидесятых. Институт назывался пищевым, а общежитие, соответственно, женским, с блоками на пять коек – три в одной комнате и две в другой. Потерпев фиаско в родном институте, Баграт с Алексеем долго выгуливали пару подружек из

трешки, но их строгая соседка категорически была против поздних визитов. Однажды молодые люди, наконец, получили приглашение. Не то чтобы их пригласили напрямую, но между делом подруга из Новгорода сообщила об отъезде соседки. Номер комнаты такой-то, вахтерша дежурит сговорчивая.

Купив в тридорога у таксиста бутылку и сговорившись с вахтершей, искатели приключений поднялись на этаж. Постучались. Вошли. Подруги изобразили удивление, но гостей впустили. По пустоте в комнате, которая в общежитиях символизирует порядок, было видно, что их ждали. Даже хлеба на закуску нарезали. К хлебу много горчицы. Достаточно для студенческой вечеринки. Но гости пришли голодные, захмелели после первой рюмки и с жадностью заглядывали под койки, где запасливые провинциалки частенько хранили привезенные из дома запасы, в основном консервы и сало.

Девушки выкладывать угощение не спешили – возможно, не были уверены в намерениях ухажеров. Баграт многозначительно прошелся по комнате, присел на кровать и попрыгал на ней. Ничего твердого под тонким матрасом нащупать не удалось. Девушки истолковали поступок Баграта по-своему, переглянулись о чем-то, обменялись одним им понятными знаками и решили событий не форсировать. Из общей кухни по коридорам вкусно тянуло едой, и Алексей непроизвольно сглотнул слюну.

– А может, супчика сварим? – закинул удочку Баграт.

– А ты чего на суп принес? – посуrowели подруги. Время было голодное, и своих на хлебников хватало.

– Принес, все принес, – кивнул Баграт на свою сумку, – только овощей нет. Найдется пара картофелин?

– Ну, пара картофелин, может, и найдется, – замялись подруги.

– И морковка с луковицей, – продолжил список Баграт.

– Может, тебе еще и грудинки? – сурово поинтересовались подруги.

– Грудинка своя.

– Ну, тогда, может, и найдем, – сменили подруги гнев на милость.

Настрогав овощи в кастрюлю и засыпав их солью, Баграт отправился на кухню. Через пару минут вернулся забрать свою сумку и одолжить пару вилок. Алексей знал, что в сумке никакой еды нет, хотел ретироваться вслед за Багратом, но тот велел ему оставаться развлекать девушек – мало ли до чего они могли додуматься, оставшись наедине. Достали карты и начали лениво перекидываться в «дурака». Во время игры почти не разговаривали, только девушки ехидно шипели «а это на погоны», докидывая парные карты оставшемуся в очередной раз Алексею.

Баграт во время игры заходил пару раз, смотрел на карты, молча уходил. Алексей сидел ближе к двери, на случай если затея Баграта сорвется и придется спешно ретироваться. Что за затея такая, Алексей не понимал, но как-то беспечно доверял товарищу. Тем большим было его удивление, когда Баграт вернулся с кастрюлей волшебного пахнущего супа, где кубики картошки плавали в ароматнейшем золотистом мясном бульоне. Собственно, мяса в кастрюле не было, но девушек эта мелочь не беспокоила.

Под водку с супом события развивались стремительно и бестолково. Внезапно вернулась третья соседка. Уселась недовольно и хмуро поглядывала на часы. Баграт придумал пригласить третьего, для нейтрализации недовольных. Алексей бегал звонить на вахту, наконец кому-то дозвонился, предупредил вахтершу, отправился развлекать девушек.

С этим несчастным супом случились одни неприятности. Началось все неплохо. Чистяков – а именно ему в день осады двух дам из пищевого дозвонился Алексей – прибыл быстро. Не то чтобы он был охоч до женского пола, но Алексей надавил на мужскую солидарность. Объяснил, что друзья в беде.

На строгую подругу Никодимыч произвел самое положительное впечатление: аккуратно поставил ботинки у входа на резиновый коврик, четко параллельно друг другу; серьезно поздоровался с девушками, представившись по имени-отчеству; испросил у дам разрешения снять пиджачок с надшитыми локтями и повесил его на спинку стула. Строгая соседка подобрела, под села к столу и в знак примирения съела пару ложек супа из женской тарелки. Глубоких тарелок в комнате оказалось лишь две, и поэтому суп хлебали из двух общих лоханей. Здесь Багра́т сплеховал. Дамы так интенсивно работали ложками, что над столом повисла тишина. Багра́т знал, что тишина не к добру, и поспешил разрядить обстановку анекдотом. Ничего смешнее, чем рассказать историю про суп, он не придумал. А история была следующая.

В сумке у Багра́та в тот день никакой грудинки, конечно, не было. И он возложил все надежды на запах бульона, поплывший с кухни, а также на шаркающие шаги. Шаги были тяжелые, с характерным приволакиванием. Отправившись на разведку, Багра́т обнаружил рослую девушку в ярком байковом халате, снимающую навар с белой эмалированной кастрюли. Повариха посмотрела на Багра́та нехорошо и, закончив свою работу, с кухни не ушла, а стояла, в упор его разглядывая.

Ясно дала понять, что Багра́т под подозрением.

Багра́т между тем включил соседнюю конфорку и, убедившись в ее исправности, кухню покинул. Маневр не удался – когда Багра́т появился на кухне со своей кастрюлей, подозрительная девушка все еще была на страже. Багра́т несколько не смутился, а, залив водой нарезанные кубиком овощи, поставил кастрюлю на плиту. Помешал варево перекрученной алюминиевой вилкой. Закрыв крышкой. Девушка не уходила. Багра́т отошел к окну, достал из сумки толстый учебник и принялся читать. Девушка с подозрением взглянула на обложку. Подождала еще пару минут. Багра́т читал. Девушка вышла с кухни, шаги затихли. Багра́т хлопнул книгой о подоконник. Тут же из-за косяка показалось женское лицо. Багра́т продолжил чтение. Лицо пропало, и в коридоре раздались характерные чередующиеся шаги – удар, пошаркивание, удар, пошаркивание. Причина такой походки была в обуви: на правой тапке подошва наполовину оторвалась и при ходьбе мела по пыльному общежитейскому коридору. Прежде чем хлопнула дверь комнаты, Багра́т насчитал тридцать два удара и тридцать одно пошаркивание.

По хлопку двери Багра́т отложил учебник, подошел к плите и двумя вилками аккуратно переложил мясо в свою кастрюлю. Взял книгу. Продолжил читать.

Через пятнадцать минут, услышав в коридоре характерную походку, Багра́т произвел обратную операцию и успел накрыть обе кастрюли крышками до того, как подозрительная девушка появилась на кухне. Повариха подошла к плите, подняла крышку, убедилась, что все нормально, и потрясла над кастрюлей солонкой. Багра́т видел, что из солонки ничего не вылетело – девушка принесла ее лишь для того, чтобы оправдать свой рейд.

Как только шаги удалились, мясо опять оказалось в кастрюле Багра́та. На этот раз хозяйка говядины задержалась в комнате подольше, и Багра́т чуть не пропустил ее появление. На шестнадцатом пришаркивании Багра́т еще искал вилку, в результате перебрасывал мясо кое-как, уронил кусок в кастрюлю, поднял брызги и ощутимо обжегся. Стряпуха застала Багра́та, отмачивающего руки под краном с холодной водой. Учебник валялся на полу. Девушка нашла это подозрительным, но, убедившись в целостности своих продуктов, над остальными загадками решила подумать потом.

Через два проверочных рейда и приблизительно час времени Багра́т решил, что суп готов, и, схватив кастрюлю лапами своей рубашки, понес трофей в комнату. Он загромычал в дверь ногой, и его невольная кормилица выглянула из смежной двухместной комнаты. Увидев Багра́та с кастрюлей, она почти побежала на кухню, видимо рассчитывая схватить вора с поличным, если обнаружит какой не порядок. Придраться было не к чему.

Вот эту историю и рассказал Багра́т, чтобы развлечь чавкающую компанию. Алексей хохотал от души, девушки тоже искренне веселились. Особенно выразительно смеялась

избранница Баграта – округляя нарочитым удивлением глаза и делая ртом заглавное «О» задолго до того, как озвучить свой восторг отрывистым «Ох-ха-ха». Пару раз улыбнулась даже строгая соседка. Не смеялся только Чистяков. Когда стала понятна суть махинации, он отложил ложку и стал смотреть на Баграта все с большим неодобрением.

– Так получается, ты это украл? – прервал он повествование в самом неудачном месте.

– Я же рассказываю, – хохоча, ответил Баграт, который Никодимыча до этого не знал и принял вопрос за возглас восхищения.

– Мы не имеем права есть украденный суп, – заявил Чистяков и встал из-за стола.

– Да ты шутишь? – все еще не верил Баграт.

– Не шучу.

– Ну и катись отсюда, – Баграт серьезно обиделся.

– Сначала мы должны вернуть украденное. – Чистяков взялся за ручки кастрюли, но те оказались еще горячими, и он стал искать взглядом прихватки.

– Да ты совсем, что ли, офигел, коротышка? – Баграт вскочил и положил руки на плечи Никодимыча. – Сядь и успокойся.

С этими словами он попытался вдавить правдолюба в стул. Но оппонент оказался гораздо крепче, чем выглядел, и, главное, очень болезненно относился к намекам на его скромный рост. Чистяков хитро вывернулся, дернул Баграта за протянутые руки, и тот завалился вперед, лишь чудом избежав удара лбом об острый металлический угол кровати. Падая, Баграт задел стол, кастрюля устояла, а вот недоеденный суп в тарелке вылился прямо на кремовые брюки. Суп был чуть теплым, но Баграт все равно обиделся. Алексей бросился дерущихся разнимать, строгая девушка недвусмысленно открыла дверь и попросила разбираться на улице. В это время дверь смежного номера открылась и в проеме показалась хозяйка говядины.

Потасовка приостановилась.

– Она? – спросил Чистяков.

– Она, – ответил Баграт, все еще державший недруга за грудки.

– Девушка, мы хотим вернуть ваш суп, – заявил Чистяков и, отряхнув с рубахи руки Баграта, схватил кастрюлю и прошептал в двушку.

– Придунок, – прошипел Баграт. Чистяков замечание проигнорировал.

В объяснения про украденное мясо пострадавшая долго не могла поверить, а когда поняла, в чем дело, не поленилась сходить в комнату напротив и вlepить Баграту звонкую затрещину. Не столько из жадности, сколько из обиды, что он ее все-таки провел.

Суп, кстати, вернулся в трешку. Вместе с Никодимычем и гитарой. Здесь уже Баграт проявил чудеса дипломатичности. Настроение дракой было подпорчено, девушки тосты не допивали, и строгая соседка начала недвусмысленно поглядывать на часы. Тут могла помочь только лирика. С гитарой подвыпивший Алексей был абсолютно неотразим. Самое приятное, что и гитара нашлась. Правда, в комнате у пострадавшей соседки. Баграт был человек целеустремленный: в комнату напротив пошел, перед соседкой извинился, Чистякову предложил помириться на почве полного своего раскаяния. Товарищи пошли на мировую, в комнату напротив перекочевали гитара, Чистяков, соседка и даже злополучная кастрюля супа. С гитарой все пошло на лад. Алексей красиво заносил руку над струнами и душевно затягивал:

Так наливай, студент, студентке,
студентки тоже пьют вино.
Непьющие студентки редки,
они все вымерли давно.

Во время куплета расторопный Баграт ловко раскидывал «беленькую» в чайные чашки. Разлив всем по ранжиру, он еще успевал присоединиться к мужской партии в припеве. Но

самое главное было в конце припева: когда женщины хором кричат «а я не пью», ответить настырным мужским «врешь – пьешь». Здесь уже у дам не оставалось выбора, и тост осушался до дна.

Открыли еще одну бутылку. В белых чайных чашках сложно было разобрать, кого и по сколько оделяет коварная рука Баграта. По результатам вечера стало понятно, что наиболее щедр он был к красавице из Новгорода и еще к Никодимычу. По поводу новгородки Баграт вынашивал свои планы, а Чистякову откровенно мстил. Второе ему почти удалось – редко пьющий Никодимыч быстро размяк и отполз на кровать строгой соседки. Что удивительно – строгая девушка недовольства не высказывала. Зато проявила решительность дама из смежной двушки – она схватила Никодимыча и отволокла к себе.

Через пару лет после свадьбы Никодимовна рассказывала Алексею, что сперва просто испугалась помятого коротышку, который пытался вручить ей чужую кастрюлю. Потом присмотрелась. Долго не могла найти в новом знакомом ни одной черты, которой обязан обладать ее будущий муж. Поразмыслив, решила полюбить каким есть. Чего Никодимовна никогда не говорила – так это что борщ в тот день она пассеровала совсем для другого кавалера.

Надежды Баграта на бурную личную жизнь в тот вечер, кстати, не сбылись. Его избраннице стало плохо, потом плохо совсем, и строгая соседка, поблагодарив юношей за вечер, просила заходить как-нибудь очень потом.

Двенадцать лет миновало после истории с супом. Друзья сидят в ресторане на Тверской.

Чистяков устроился рядом с Алексеем и выжидательно уставился на Баграта. Баграт попытался растопить лед их первой за много лет встречи общими воспоминаниями, но беседа постоянно спотыкалась о неудобные темы. Чтобы подготовить мизансцену, Баграт попросил официанта поменять тарелки и заказал еще триста граммов водки.

– Итак, господа, – Баграт выдержал театральную паузу, – одиноко стоящее здание в центре Москвы ищет нового собственника.

– Ты переквалифицировался из юристов в риелторы? – Чистяков Баграта недолюбливает. – И серьезно веришь, что Алексей стал бы у тебя покупать? Даже имей деньги, не стал бы.

– Как профессиональный юрист, я проигнорирую оскорбления оппонентов. – Баграт отвернулся смотреть в окно.

– Баграт, ты же прекрасно знаешь, что денег у меня нет, – пытается смягчить ситуацию Алексей.

– С деньгами и дурак может! – оживился Баграт от верно поданной фразы. – А ты без денег попробуй. Тут, брат, мозги нужны.

– Только мозги?

– Ну, еще немного удачи.

– А еще?

– Терпения, амбициозности и мудрого друга-юриста.

– Заметь, что порядочность в список не входит, – влез Чистяков.

– И без порядочности список слишком длинный, – ответил Алексей. – Не думаю, что я обладаю хотя бы половиной этих богатств.

– Наличие друга-юриста компенсирует отсутствие всего прочего.

– И этот друг – ты?

– Без сомнений.

– И готов бескорыстно осчастливить меня во имя бывшей нашей дружбы?

– Практически бескорыстно, если не считать накладных расходов и скромных комиссионных. Аплодисменты в финале можно добавить вместо чаевых.

– Накладные расходы, надо полагать, ты желаешь получить вперед и наличными? – Это опять партия Чистякова.

– Никаких предоплат, – заверил Баграт. – Расчет строго по завершении сделки, все работы выполняются бригадой профессионалов, качество гарантируем, интим не предлагать.

– Послушай, Баграт, – вступил Алексей, – ты же знаешь, что у меня нет состояния. За мои больные почки ты не выручишь и сотни тысяч, а тот орган, за который власти предрержащие готовы платить миллионы, врачи еще не научились пересаживать.

– Ты имеешь в виду мозг?

– Ну не совесть же.

– У тебя есть еще квартира.

– Там свои сложности, – ответил Алексей, неприятно пораженный, насколько товарищ осведомлен о его материальном положении.

– Вы даже не представляете себе, как скучно работать с людьми без воображения. Короче, – Баграт поднял со стула портфель с тяжелыми медными замками, – здесь лежит твое счастье. Высота счастья, по показаниям независимых оценщиков, равна полутора миллиардам рублей. Площадь счастья, по данным БТИ, равна шести тысячам метрам. Местоположение счастья – в самом центре страны, где сто сорок два процента населения, по утверждениям политологов, поддерживают действующую власть. Такое вот огромное и стабильное счастье в обмен на скромную подпись.

– Баграт, я знаю тебя уже много лет и убедительно прошу не раскрывать замков и не выпускать этого счастья наружу. Предложи его кому-нибудь другому. – Чистяков непреклонен. – Ты согласен, Алексей?

Алексей с сомнением смотрит на чемодан.

– Мог бы я задать выступавшему пару вопросов?

– Да, хотя я и оскорблен таким холодным приемом.

– Деяние, которое я должен совершить, уголовно наказуемо?

– Нет.

– Придется ли мне носить значок с надписью «Спроси меня, как похудеть»?

– Не придется.

– Документ подписывается кровью?

– За души сейчас почти ничего не дают.

– Последний вопрос. Можешь ли ты предложить это счастье кому-нибудь другому?

– И снова нет. Это был, пожалуй, единственный вопрос по существу.

– Тогда я тебе верю. Раскрывай портфель и рассказывай, зачем я тебе нужен.

Баграт раскрыл, откинул замок и выложил пару черно-белых копий.

– Это списки акционеров одного не слишком известного ООО.

– Допустим.

– Фамилия Бальшаков – третья на первом листе.

– Вижу.

– Инициалы тоже совпадают.

– Баграт, я это знаю. Я переоформлял эти акции на свое имя после смерти отца.

– А твой отец получил их в процессе первичной приватизации сотрудниками.

– И ни он, ни я никогда не получали по ним дивидендов.

– Так самое время восстановить справедливость.

– Не представляю тебя борцом за справедливость.

– Вообрази меня борцом за законные права миноритарного акционера.

– Методы борьбы?

– Оставь подробности специалистам.

– Что ты думаешь, Никодимыч? – Вопрос Алексея адресован Чистякову.

– То же, что и раньше. Никаких дел с этим человеком не иметь.

– Но тут же все законно.

– На первый взгляд – да.

– Алексей, не будь чудачком, от тебя требуется лишь подпись. Ты доверяешь мне представлять тебя как акционера и взамен получаешь свой миллиард.

– Доверенность готова?

– Почти, мне нужны твои паспортные данные. Документ с собой?

– Да, вот.

– Алексей, не спеши.

– Какого хрена?

Никодимыч схватил паспорт сухонькой ручкой и засунул во внутренний карман.

– Отдай документ, чудила! – Багра́т потянулся волосатыми руками к Чистякову.

– Желаеть второй раунд? Диплом юриста не добавил тебе хороших манер.

Официанты заинтересовались оживленной дискуссией за столом. Как будто случайно в дверях зала образовался охранник. Не то чтобы верзила, но связываться не стоило. Багра́т положил руки на стол и затянул волосатые пальцы вокруг графинчика с водкой.

– Не травмируй посуду фантазиями о моем горле. – Никодимыч наблюдателен. – Давай договоримся по-хорошему. На сегодня торг прекращаем. Завтра я отдаю Алексею паспорт, все равно он ночует у меня. И далее он волен поступать, как сочтет нужным.

– Договорились?

– Да мне пофиг. Пусть копается в своем навозе, если ему так нравится.

– Значит, договорились, – резюмировал Чистяков. – За это поднимаем по крайней. Так о чем вы там беседовали до моего прибытия?

– Обиды потерянного поколения.

– Чушь! Мы поколение оппортунистов. И ныть здесь нечего, – заявил Никодимыч категорично. – У нас была возможность стать кем угодно. Все почему-то решили стать начальниками и бизнесменами. А когда гоблины прибрали к рукам самые жирные куски, выяснилось, что мы делать ничего и не умеем. Чему учили в институтах – давно забыли. В начальники новые хозяева ставят своих. На экспертов мы не тянем. В обслугу не хотим. На кого тут обижаться?

– Ну, за это и выпьем, – завершил вечер Алексей.

Расходились долго. К Чистякову приехали за полночь, но в семь утра Алексей уже пробирался к Рижскому шоссе. Спешил успеть к пробуждению Ольги.

Ольга просыпалась поздно – любила работать по ночам.

Алексей обычно вставал часов в семь, успевал до пробуждения Ольги запустить нехитрый механизм деревенской жизни: растопить камин, вскипятить воду, полить огород или расчистить дорожку от крыльца до калитки. Часам к девяти Алексей, весь упругий, налившийся энергией, возвращался в спальню, чтобы первая улыбка этого дня досталась ему.

Спала Ольга обычно на спине, закинув голову на низкой подушке, обнажив два крупных передних зуба. Просыпались у Ольги сначала веки – они вздрагивали, оживали морщинками в уголках, трепетали ресницы. Ольга улыбалась, потягивалась: выкинув локти вверх, заломив кисти к затылку, вытянув невесомые свои щиколотки из ставшего вдруг коротким одеяла. Не открывая глаз и с сонной улыбкой, Ольга перекатывалась на правый бок, выбрасывала левую руку вверх, перехлестывала ею через весь диван и тянула к себе, как невод из глубины морской. Если Алексей успевал улечься после утренних трудов обратно, то невод Ольгиных тонких пальцев приходил полным, она прижималась к Алексею грудью, животом, бедрами, пропитанными еще горячей, сонной негой.

Алексей подносил ладонь к виску Ольги, освобождал от паутины волос щеку, продавленную узором подушки, пробирался пальцами по шее к тонкому совсем, под шлемом волос, затылку. Удерживая голову Ольги в своей ладони, Алексей приникал к ее лицу губами и сначала дыханием, а после внимательным перебором губ совершал ритуал пробуждения теплых

век, изломанных бровей, высокого лба. Перемалывал губами нежно морщинки в уголках глаз. Запрокинув голову Ольги, проходил дыханием по ее шее, прикусывая по-щенячьи зубами хрупкую линию от пульсирующих выступов скул до упрямо выпяченного вперед подбородка.

Ольга вертела головой, пыталась поймать озорничавший рот, но Алексею удавалось удержать ее, пока их губы не сближались почти вплотную. Она хватала ртом Алексея, вдыхала его в себя, и губ было уже не разлепить. Ольга становилась дыханием, стоном, изгибом тела, текучестью языка. Мужская рука соскальзывала с затылка Ольги на ее спину, крепко прижимала, так что грудь ее размывалась по груди Алексея, затем сильная рука падала вниз и срашивала их животы. Рука текла ниже, Ольга, забросив бедро на Алексея, обвивала его икрами, и хорошо, что в этот день им никуда не надо было спешить.

В иные дни, протянув руку через диван, Ольга никого не обнаруживала, или в утреннем улове ей попадался плюшевый медведь, которого Алексей подкладывал вместо себя. Тогда она лежала удивленно еще пару минут, потом приоткрывала глаза и обычно обнаруживала Алексея, который сидел в кресле напротив и ожидал ее пробуждения. На стуле рядом с диваном стоял поднос с утренним кофе. Каждая мелочь их отношений была эликсиром счастья в чистом виде.

Счастье нельзя измерить, а значит, и сравнить. Никто и не знает, что такое счастье. До двадцати лет Алексею вдалбливали, что счастье в труде, но, отработав практику на заводе, помотавшись по студенческим строительным отрядам, Алексей в труде счастья не обнаружил. Была почти первобытная радость в победе над материей, когда порода поддавалась напору упругих мышц и осыпалась под ударом лопаты – бригада Алексея тогда «конусила» откосы мостов под Уренгоем. Была радость завершения рабочего дня – когда все мышцы ноют, тело крючит, пальцы, окостеневшие на древке лопаты, с трудом расстегивают пуговицы. Но вдруг находятся силы смыть лому с мышц и спешить на репетицию студенческой самодеятельности, таскать дрова для ночного костра, до рассвета обмениваться двусмысленностями с поварами. Тогда, конечно, бродило в Алексее счастье молодости – бестолковое, пороссячье счастье. Было то счастье неосознанным, неуправляемым, даже дурным иногда – когда хотелось бежать без повода, хохотать, сотворить что-нибудь необычное.

Когда наступил капитализм, Алексей решил, что счастье в деньгах. Денег у Алексея появилось много, гораздо больше, чем он умел потратить. Но деньги не были счастьем, это были лишь бумажки, на которые Алексей пытался накопить счастья, одурманивая себя алкоголем, адреналиновыми приключениями, бесконечным кутежом среди друзей и дам. Но счастье не получалось купить. За деньги Алексей получал дешевый суррогат, от которого по утрам жутко болела голова, постреливала печень. Под утро раскаяние наваливалось приступами депрессии.

Алексей выпивал с одноклассниками, которые поднялись гораздо выше его и покупали счастье задорого – упакованным в паруса морских яхт, нитки бриллиантов, уважаемые приемы. Но и богатые одноклассники, втянув носом пыльную полоску суррогата счастья, жаловались на безрадостное похмелье. Дорогое счастье оказалось даже страшней – с белых его дорожек не так просто было сойти, и за несколько лет въедливый порошок пожирал носы, глаза, мозг богатых одноклассников, как белый сифилис, натасканный на людей, достигших успеха.

За единицу счастья можно, наверное, принять день, запомнившийся из детства, когда родители были рядом, когда осуществлялось какое-то обычное для детства чудо – например, твой день рождения и поход с папой в парк Горького. И вся любовь окружающих, все счастье мира, включая большой пломбир и коробку солдатиков, в этот день принадлежали тебе – смешному человечку в гольфиках и шортах, уже закапанных мороженым. Ты тогда этого счастья не понимал, ты вообще не думал о счастье, даже и слова такого, наверное, не знал. Просто в тот конкретный момент мир казался тебе таким, каким он и должен быть всегда. Но мир таким уже никогда не будет, он стал другим на следующий же день, и всю последующую жизнь

ты будешь измерять счастье как разность ощущений между текущим моментом и моментом, когда мальчик в гольфиках, затаив дыхание, только собирался содрать с подарка бумажную упаковку. Разность эта всегда будет отрицательной. Так устроен мир. За исключением моментов, когда Вселенная благословит тебя любовью.

В день благословения свыше ты поймешь, что счастье было не в пломбире и не в солдатиках. Просто все, кто любил тебя: родители, бабушки, Вселенная, даже вредный брат – в твой особенный день приостановили суетливый бег и посмотрели на тебя, любви не скрывая. И свет любви, отраженный тем днем, как огромным параболическим зеркалом, сфокусировался на маленьком тебе целиком. Пломбир и игрушки были лишь вещественными доказательствами минутной благосклонности мира. Как будет и позже просачиваться любовь через мелочи – человек слишком погряз в предметах, утратил способность замечать милость Вселенной, не завернутую в подарочную упаковку.

Первый год – века, тысячелетия – их совместной жизни принадлежал только Ольге с Алексеем. Порой они вылезали из постели лишь после обеда. Голодные, взъерошенные, нездешние. Бежали, толкаясь, в душ – кто успеет первым. Побеждала всегда Ольга – одним из запрещенных для Алексея приемов, и он ждал бездеятельно. Ни умываться, ни готовить в это время было нельзя – манипуляции с кранами отзывались выбросом кипятка из фыркающего душа.

Возвращались в реальность медленно: погружаясь в предметы одежды, узнавая вещи в комнате, заново учились говорить неважное. Плотный завтрак в обеденное время, иногда в полном молчании, потому что любое замечание могло вызвать абсолютно несвоевременный приступ смеха, с бульканьем в чашку, с плескающимся через край кофе, с крошками хлеба, разлетающимися изо рта.

Сидеть дома целыми днями было все же нельзя. Шли гулять. Ольга утопала в раструбах валенок и безразмерности телогрейки. К образу беспризорника она добавляла серую кепку и развинченную походку с ладошками, втиснутыми в щели джинсовых карманов. Джинсы Ольга любила узкие, натянутые на бедрах так плотно, что в карман удавалось впихнуть лишь кончики пальцев. Алексей на весенние прогулки надевал застиранную до мышиного цвета шинель и шапку-буденовку – настоящую, по словам отца.

Шли гулять вдоль центральной улицы. Полуслепая табличка на покосившемся углу утверждала, что улица называется «Октябрьская». Дворов через десять улица Октябрьская упиралась в храм и от храма бежала до грунтовки, уже под именем вождя мирового пролетариата.

В начале марта все дома стояли пустыми – деревня оживлялась лишь с наступлением майских праздников: криками вывезенных на лето детей, крупными загнутыми в грядки огородниц, волнением тюлевых занавесок в распахнутых окнах. Ольга с Алексеем не знали нынешних владельцев домов и любили придумывать, кто, когда и как жил за этими тяжелыми стенами из круглых почерневших бревен. Ольга любила разыгрывать роли придуманных ею персонажей, а Алексей подыгрывал по мере таланта.

Доходили до храма и останавливались у обвитых тяжелой цепью ворот. Ольга рассказывала про неф, портал, абсиду и дорисовывала в воздухе, водя рукой перед глазами Алексея, узоры, отгрызенные временем от разрушающегося здания. Алексей следовал за воображением Ольги, его фантазия бежала вперед, и он, всемогущий от собственного счастья, рассказывал Ольге, что обязательно соберется – с чем надо собраться, было неясно – и восстановит этот храм. Обязательно восстановит.

Ольга брала его лицо своими узкими ладошками, смотрела на него снизу вверх – серые ее глаза в такие моменты пропитывались небом до прозрачной голубизны – и обещала, что все

у Алексея получится. И пригубила вниз его голову, и терлась носом о колючий подбородок, и щекотала губы Алексея ресницами, и приговаривала: «Получится, все у тебя получится».

Если Ольга просыпалась без улыбки, то Алексей оставлял ее в одиночестве и за завтраком беседу первым не начинал. В такие дни в Ольге просыпался мелкий чертенок, и можно было нарваться на ехидное замечание, на демонстративное молчание или, того хуже, потянувшись губами к сердитому лицу, встретить сморщенные в жесткую гармонь губы. Алексей как-то попытался разжать запертые губы языком, но Ольга, коварно пропустив его язык за линию обороны, прихватила агрессора острыми резцами. Не сильно, но весьма чувствительно.

В такие дни гуляли они молча, Ольга вышагивала вся в себе, тяжело ступая, выдавливая галошами на снегу сложные узоры, всем видом своим давала понять, что нужно человека оставить в покое. Потакая Ольге, Алексей уходил вперед, не обращая на нее внимания, но тут же бывал наказан за равнодушие – тяжелый комок мартовского снега впивался в спину. Алексей заводил игру, делал вид, что его смертельно ранило, начинал оседать на снег.

– Царю-батюшке скажи, что англичане кирпичом ружья не чистят, – хрипел притворно Алексей, но Ольга игры не принимала и проходила мимо, пустыми ладонями демонстрируя непричастность к инциденту со снежком.

Летом ходили гулять к обрыву – Алексей любовался рекой, Ольга собирала полевые букеты. Нигде больше не цвели такие крупные маргаритки.

В одну из прогулок Алексей начал вслух мечтать, стоя у ворот храма, как он тут все отреставрирует. Говорить он стал лишь для того, чтобы вовлечь в беседу хмурую спутницу.

– А что тебе мешает? – сухо спросила Ольга.

– Так цепь же, – резонно возразил Алексей.

– Значит, сними, – разрубила воздух рукой Ольга.

– Нельзя снять, замок. – Алексей изобразил ладонями большой шар.

– А ты пробовал? – Ольга подошла к воротам и сильно дернула за цепь. Тяжелая цепь поддалась неожиданно легко, заструилась к земле, стуча крупными звеньями, и опала. Дужка замка придерживала один конец цепи, оставшаяся часть была лишь трижды обвита вокруг прутьев ворот.

– Волшебница! – восхитился Алексей, впрочем, без энтузиазма.

– Какие еще будут отговорки? – поинтересовалась Ольга сердито, но было видно, что она довольна своей мелкой победой.

Вошли на территорию храма. Прошлись по пропитанной влагой земле. Осторожно ступили на кривые ступени паперти.

В начале мая Ольга выполола траву, выглянувшую сквозь ступени, а Алексей подогнал аккуратно тротуарные плитки, которыми вымощена была дорожка от церковной калитки.

Вставали они теперь гораздо раньше – майское солнце заглядывало в спальню в начале пятого, да и было ради чего вылезать из-под уютного одеяла. Дело продвигалось небыстро – всю работу Алексей делал сам, расходы на реставрацию сжирали значительную часть их бюджета, и, прежде чем купить новую партию материалов, Алексей был вынужден ждать неделями очередного платежа за аренду квартиры. Днем они расчищали церковный двор от мусора, а по вечерам Ольга рисовала эскизы. Она пристроила большой лист фанеры к стене наподобие кульмана, и в несколько касаний карандаша на бумаге проявлялись воздушные контуры.

Для заказчиков Ольга рисовала на компьютере, но как художница признавала только карандаши. Перед работой она аккуратно выкладывала на столе своих подручных: в горчично-желтых кафтанах, с благородной осанкой, в деревянных жабо под пикой грифеля. Акт творчества происходил в момент касания грифелем бумаги, словно замыкалась электрическая цепь. От карандаша к мольберту проскакивала сварочная дуга, и руку было уже не оторвать,

пока узор не въедался в пористый лист. Взгляд Ольги не отвлекался от рисунка на поиск нужного инструмента – их она брала на ощупь: набрасывала контуры податливым полумягким карандашом, его нащупывала как бархатный, после отрезала важные элементы карандашом двойной жесткости, который пальцы узнавали по тяжелому металлическому холоду, и в конце растушевывала тени мягким грифелем, поддающимся пальцам, как пластилин.

Алексей любовался рождением рисунка из-за плеча Ольги. В такие моменты Ольга-творец Алексея просто не замечала. Ее глаза становились лазурно-прозрачными, словно художница все еще стояла, закинув голову к небу. В момент творения бесконечность не отражалась от солнечного свода, а просвечивала изнутри.

Потом они вместе шли к храму. Ольга держала свернутый лист ватмана под мышкой, разворачивала его уже на подходе к зданию, дойдя до места, где топталось накануне ее воображение. Алексей смотрел на рисунок, после на храм, два образа совмещались в его сознании, и видел он не погрызенный временем фасад, а одетый в легкие паруса небесный корабль, рассекающий своими мачтами-куполами звонкую небесную плоть.

В начале июня Алексей с Ольгой вносили последние поправки в проект абсиды – они стояли за оградой с чертежом в руках, но их работа была прервана деликатным покашливанием за спиной. Алексей обернулся: на дороге появился человек в черном костюме, с пушком на треугольных ушах и в фетровой шляпе.

– Здравствуйте, – поздоровался человек в костюме.

– Здравствуйте, – ответили одновременно Алексей и Ольга.

– Значит, ремонтируете? – спросил человек.

– Только собираемся, – осторожно ответила Ольга.

– Замечательно. Как замечательно, что есть такие люди, как вы! – восхитился гость.

– Тоже хотите помочь? – осведомился Алексей.

– Конечно, – человек всплеснул руками, – непременно помочь.

– Что хотите делать?

– Документы?

– Какие документы?

– Документы, я спрашиваю, вы уже на ремонт оформили? – осведомился приехавший.

– В райсовете вроде возражений не было, – ответил Алексей.

– Эскизы я им отправила, – добавила Ольга. – Обещали все оформить, как полагается.

– Это замечательно, что обещали. – Человек открыл пухлый портфель. – Как оформят, так и помогу. А пока, извините, порядок.

С этими словами человек вытянул из портфеля тяжелую цепь и, стянув вместе створки ворот, принялся душить их железными звеньями. Набросив цепь в три оборота, достал замок, нанизал два звена на стальную дугу и замкнул ее с лязгом.

– Вот теперь порядок, – полюбовался своей работой человек.

– Вы не поняли, – Алексей растерялся. – Мы же за свой счет ремонтируем!

– Понятно, что за свой, – похвалил человек, отряхивая руки от ржавчины. – Не вам же из казны таскать.

– Это для всех, – пояснила Ольга. – Мы пока все расчистим, а там и согласования будут готовы.

– Как будут, так милости просим. – Гость продел через цепь грубую нить, размял в пальцах сургуч и вдавил в него тяжелой печаткой концы нити. – Надеюсь, вам не надо объяснять, что противодействие действиям (именно так и сказал: «противодействие действиям») официальных лиц является преступлением и карается по всей строгости закона. Всего доброго.

Гость ушел, до конца улицы была видна его сутулая спина, прихрамывающая на сторону тяжелого портфеля походка и шляпа с таким глубоким прогибом посередине, что издали она уже начала казаться не шляпой, а парой затупленных, покрытых пушком рогов. Алексей с

Ольгой так растерялись, что даже не успели спросить у чиновника удостоверение. И лица его не разглядели. Запомнилась лишь эта продавленная шляпа и еще странные ботинки, точнее, их следы: каблук имел такую вогнутую форму, что след его напоминал, скорее, след копыта.

Солнце склонялось к закату, с реки принесло ветром горячую влагу с запахом гниющих водорослей и металлическим привкусом. Ветер дул не сильно, но настойчиво, пролезая между мужчиной и женщиной, распахивая их.

– Я все равно это сделаю, – пообещал Алексей и прижал к себе Ольгу крепко, чтобы гнилой ветер не ерзал между ними.

Ольга смотрела на Алексея, закинув вверх голову, держала в ладонях мужской подбородок и повторяла: «Конечно, ты сможешь».

В серых глазах ее отражалось все то же небо, но теперь оно дрожало и отекало влажно к уголкам глаз.

Документы на реставрацию продвигались медленно. Невозможно было понять, кому принадлежит здание. В советские года вся недвижимость была передана на баланс местного Совета. В конце восьмидесятых храм было решено вернуть церкви, но процесс пробуксовывал в бумажной волоките, место было непрестижное, особой выгоды не сулило, никто бумагами заниматься не хотел. Алексей поднял старые связи, но те коллеги, что были готовы общаться, помочь ничем не могли. Те друзья, что остались у власти, на связь не выходили – Алексей упирался в неприступные бастионы приемных, словно напротив фамилии «Балышаков» уже стояла метка выпавшего из обоймы неудачника.

В начале нулевых, так же как и в прошлом веке, процветала полуофициальная профессия, называемая на жаргоне «решала». Из знакомых решал-профессионалов у Алексея оставался только Баграт, но этот неприятный звонок откладывал Балышаков на самый крайний случай.

Алексей пошел на прием к кандидату в депутаты – накануне выборов в Государственную думу третьего созыва чиновники были временно близки к чаяниям простых людей. Хозяин кабинета выслушал Алексея внимательно и обещал проблему решить. Пожал руку. Вопреки всем домыслам, мзды не потребовал. Одобрил погружением подбородка в шейное желе смету работ. В конце беседы торопливо попросил уточнить цифры в строительной организации.

– В какой организации? – переспросил Алексей.

– Да в любой лицензированной для работы в районе, – пояснил депутат и, провожая гостя к двери, добавил: – Главное, чтобы сметчик был с пониманием, а не студент-недоучка.

Алексей обзвонил строителей. Начинал с вопроса, есть ли у тех лицензия на работу в Волоколамском районе. Ему сначала терпеливо объясняли, что лицензия выдается на федеральном уровне и действует на территории всей России. Потом солидные фирмы с Алексеем уже не хотели разговаривать, а по объявлениям в газетах отвечали на плохом русском, что лицензия любая есть. Платить таким подрядчикам Алексей побаивался.

Наконец, после месяца поисков раздался в телефоне вежливый голос. Голос проявил осведомленность, поблагодарил за благородные помыслы и заверил Алексея в готовности нужную смету разработать.

– А лицензия у вас есть? – осведомился Алексей.

– На работу в Волоколамском районе?

– Да.

– Конечно, есть. И сметчик у нас с пониманием, а не студент-недоучка.

Упоминание про квалификацию сметчика Алексея убедило окончательно. Заплатил аванс. День в день, как договаривались, поехал в город и забрал смету – в красивой папке. Подписи, печати – все как полагается. Отдал оставшиеся деньги клерку – чернявому юноше с

беспокойными глазами. Алексей вышел на улицу, сел в машину, запустил быстро остывающий зимой двигатель.

Распахнув папку сразу на последней странице, Алексей с силой ее захлопнул, потом открыл уже осторожно, словно опасаясь появления с разворота страниц ядовитого паука или змеи. Вместо паука на последней странице в строке «Итого» притаилась жирная цифра, на порядок превышающая первоначальную оценку. Алексей начал читать документ внимательней – стоимость материалов почти не изменилась, но смета болезненно набухла затратами на согласования, разработку проектно-строительной документации, многочисленные экспертизы, и даже появился пункт о добровольном взносе в какую-то благотворительную программу.

Алексей заглушил мотор и вернулся в контору сметчиков. Чернявый клерк встретил его с улыбкой, как будто знал, что Алексей вернется.

– Есть вопросы? – клерк приподнялся из-за стола навстречу Алексею.

– Это безумие! – Алексей тыкал пальцем в итоговую цифру.

– Ваша смета, извините, безумие. А теперь, извините, полный порядок.

Клерк извинялся через слово, но «извините» его звучало скорее как грубое ругательство.

– Первую смету делал профессиональный сметчик, – напирал Алексей.

– Первую смету делал какой-то, извините. . .

– Студент-недоучка? – подсказал Алексей.

– Вот именно, – согласился клерк.

Сразу от сметчиков Алексей попытался попасть к знакомому кандидату, который, кстати, депутатом не стал. Приемная была уже закрыта. К избранному кандидату было уже тоже не попасть. Ольга пошутила позже, что депутаты, словно спутники с очень вытянутой эллиптической орбитой, приближаются к земле раз в четыре года и потом опять исчезают за горизонтами, не доступными простому избирателю.

Алексей нашел местных «решал», но все возвращались с одним и тем же ответом:

– Смета правильная, за меньшие деньги сделать не получится.

– У нас в районе? – уточнял Алексей.

– Бери шире, – разводили руками консультанты.

Кончался третий год их совместной с Ольгой жизни. С реставрацией ничего не выходило. Денег не хватало даже на элементарные вещи – решалы бегали не задаром. Но карточку с телефоном Баграта Алексей искать не стал. Обошелся без нее еще целых три месяца.

Встречать Новый год ездили на ту же дачу, в ту же компанию. Посидели уютно, но без куража. Алексей был при Ольге, и уже не ему подмигивала лошадка из обреза Маринино декольте. Марина не изменилась за два года ни на грамм, добавила к наряду золота и, не дождавись боя курантов, ушла укладывать своего малыша. Комната с большой кроватью в тот год принадлежала ей.

Над столом висела тишина – инициативный дурак больше не боролся за внимание Ольги. Женатый ловелас берег лицо и все время дарил своей подурневшей супруге.

Алексей был старше других гостей лет на десять, но ощущал себя атавизмом иной эпохи. Поколение Бальшакова отрезано от последователей событиями девяностых. Друзья Ольги в двадцать пять – тридцать лет лишь вступали в жизнь, с хорошим образованием и четкими жизненными планами. Алексей к их возрасту уже успел поднять и потерять большой бизнес, прожить несколько жизней, потерять прежние веры и поверить в горячо раньше отрицаемое.

С дачи заехали в столицу – в их жизни появилось место для вещей. В магазин Ольга заманила Алексея фантазиями о новом белье. Вместо белья купили костюм, где все строгое: гладь юбки ниже колен, диагональный разлет лацканов, как линии дорожного знака «запрещено», непроницаемая белая блузка.

Потом за бельем все же заскочили в огромный торговый центр. К кружевному боди с дюжиной застежек прикупили новый кухонный стол. А заодно приобрели два кресла, где теперь они проводили вечера, не прижавшись друг к другу, но раскинувшись на мягких подлокотниках.

Ольга хотела диван. Алексей уперся и оплатил кресла. Ольга спорила и утверждала, что так нечестно – если они вместе живут, то должны и вместе решать.

– Почему, – спорил Алексей, – ведь деньги-то мои?

– Но жить-то нам вместе, – возражала Ольга.

– Решать должен я.

– Кто тебя выбрал решающим?

– Деньги меня выбрали. Вот эти мятые бумажки назначили меня господином.

– Деньги не выбирают господ, они выбирают рабов, – заявила Ольга сердито и через три недели стала зарабатывать сама.

В прошлой жизни Алексей, тогда еще Павлович, гордился своей пунктуальностью. Назначал собрание на восемь сорок три и жестоко штрафовал опоздавших. Появлялся на встречи вовремя, не принимал дорожные пробки в качестве оправдания. Алексей верил, что время есть функция не скорости, но воли. А воля – это внутренний стержень, который не позволяет человеку согнуться и пропасть.

На рабочем столе Алексея Павловича лежал календарь, где любому часу отведен прямоугольник. Каждый прямоугольник расцарапан грифелем простого карандаша. Если партнер отменял встречу, то Алексей жесткой резинкой выскребал необязательного человека и ставил ему жирный минус в записной книжке. Тут же заполнял полосочку новым делом, которые всегда стояли в очереди. Делать записи в планировщике Бальшаков не доверял секретарше – только сам, исключительно остро отточенным карандашом, каллиграфическим почерком, с глубоким нажимом. Продавливал грифелем плотную бумагу, будто подчинял время своей воле, вышивая графитовой вязью на его бесконечном полотне.

В деревне этот стержень подтаял и закип. Сперва Алексей еще пытался заводить внутренний хронометр, но перестал за ненадобностью. Отлаженный механизм давал сбой. Встреча назначалась приблизительно. Сначала с девяти до десяти. Потом и это стало напрягать – договаривался, например, встретиться где-то после обеда. Или завтра. А лучше на той неделе. Импортный календарь висел на холодильнике почти без надобности. Недели сияли белоснежной улыбкой семи дней-зубов, с розовой припухлостью десен на выходных. Пометки о необходимых делах вносились толстым черным маркером поперек провинившегося дня. Черные дни смотрелись кариесом и отравляли всю неделю ожиданием.

В первые годы их совместной деревенской жизни занятых дней в календаре почти не было. После спора о деньгах Ольга нашла работу. Теперь регулярно, на месяцы вперед, Алексей закрашивал вторники и среды.

Ольга устроилась в дизайн-студию, выторговав себе удобный график и достойную оплату труда. Теперь она уезжала в город каждый вторник, очень рано, чтобы успеть до утренних пробок попасть на планерку, а потом, переночевав у Марины, провести в офисе еще один день: споря, согласовывая, отбивая ежечасно «и я тебя» на экране смартфона.

Возвращалась Ольга по средам, почти в ночи, продравшись через патоку дорожных пробок.

Алексей ждал дома. Ждать начинал не сразу, часа через три после того, как цыплячьего цвета «Пежо» исчезал за поворотом. Сначала ожидание было радостным, и, творя мелкую починку, он представлял себе, как Ольга изумится новым ступенькам или переставшему течь

крану. Иногда радость предвкушения была столь велика, что он так и проводил все утро в мечтаниях, не успев даже достать инструмент.

После обеда в ожидание Алексея подмешивался привкус тревоги, перерастающей к вечеру в страх. Страх был красного цвета. К вечеру ужас смешивался с мышинной акварелью сумерек и застывал лиловым. Если Ольга не отвечала на ночной звонок сразу или не могла долго говорить, то ревность прижигала сердце. Ожоги отслаивались струпами гнева.

Всю среду страх закисал, а к вечеру прорывался наружу кислыми пузырями бешенства. Работа не помогала. В такие моменты не слушались инструменты в руках. Алексей укрощал свой гнев бормотанием, усаживался на террасе и выключал свет. В темноте ждал Ольгу. Сидел с открытым окном – прислушивался к шуму моторов, слышных издали в беззвучии деревенской ночи.

Раздавался далекий звук, трассирующим снарядом мелькал между деревьями свет фар. Мелькание замедлялось, и два ярких конуса сваливались с шоссе влево и вниз – на грунтовую дорогу. В этот момент Алексей, осаживая нетерпение, выходил из дома, отпирал ворота и застывал, облокотившись на калитку. По грунтовке машина ехала совсем медленно, словно ощупывая каждый метр бездорожья длинным ярким посохом. Свет фар приближался к деревне, скрывался за дальним домом и оттуда скакал к Алексею золотым нимбом с крыши на крышу.

Последней озарялась церковь: оживали светом окна, вспыхивали своды. В алтаре дрожали тени. Казалось, старый приход очнулся от сна для благодарственной вечерни. Арки колокольни обжимали рассеянный свет фар в плотный луч, который простреливал над головой Алексея почти параллельно земле и по мере приближения машины задирался все больше вверх, становился почти вертикальным, ударившись о луну, рассыпался крошкой Млечного Пути в момент, когда машина приближалась к церковной ограде. Небо опять становилось черным, а Алексей оставался стоять, задрав лицо к звездам. Звезды забирали гнев и страх, оставив человеку только ожидание.

Машина Ольги огибала церковную ограду, упиралась раструбами фар в Алексея. Блеск приближался, поток света достигал ураганной плотности, и ослепленный человек пропитывался счастьем насквозь. Казалось, что выше этого счастья быть не может, как не может певец, вскарабкавшийся к верхней ноте, хватить голосом еще хотя бы четверть октавы.

Алексей знал, что главное – впереди. Они оттягивали момент соприкосновения: машина медленно заезжала во двор, Алексей не спеша запирали ворота, щелкал засовом и приближался к водительской дверце. Торопливо протягивал руку, и ладонь с невесомым запястьем прорастала из темноты салона.

Затем они стояли, обнявшись, одни во всей Вселенной, под немыслимой глубины небом кружили в танце со звездами. В танце без музыки и без движений. Обнявшись, входили в дом. Исполняли ритуал разоблачения.

Заломив за спину рукава, соскальзывал на руки Алексею жесткий пиджак Ольги. Торговалась за каждую пуговицу блузка и, уступив последнюю петлицу, беспомощно разводила лапами. Ртутной каплей стекала по бедру застежка-молния. Замок лифа не слушался торопливых пальцев, пока не опознавал Алексея по прилежному отпечатку губ. Чашки бра откидывались и обнажали свечение молочно-розовых жемчужин на блюдах из шершавого коралла. Алексей подбрасывал жемчужину языком, коралловые плато разрывались хребтами тектонических разломов. Осколки взрыва скатывались по склонам мелкой дробью. Алексей кольцом торопливых губ пытался удержать рябь, но тщетно – дробинки под кожей перетекали к животу, затем еще ниже, и в погоне за ними губы Алексея сползали к бедрам.

Ольга освобождалась из кольца его рук, вышагивала вперед из съезжившейся юбки и убежала в ванную. Алексей раскидывал по деревянным плечикам офисную строгость костюма и

слушал звуки наливающейся ванны. Водный насос работал исправно, и поток воды из крана грохотал, как недоступный Ниагарский водопад.

Потом Алексей кончиками пальцев втирал Ольге в волосы душистый шампунь. Промывал каждую прядь тщательно, словно перебирая золотой песок, пока она сидела в ванне, закинув голову назад и по-детски доверчиво зажмурившись. Так же с закрытыми глазами она подставляла тело мягкой губке. Вода из крана пульсировала, взбивала на поверхности слой плотной пены.

Алексей хватал радужные шарики в горсть, выкладывал на волосах Ольги искрящуюся корону, бросал мантию на плечи, прятал в пузырьках ее грудь.

Затем протыкал пену ладонями и скользил по влажной коже, не отрывая рук ни на секунду, пока тело Ольги пульсирующим выдохом не отпускало его.

Свою первую большую зарплату Ольга повезла Алексея отмечать в Москву. Перед большой зарплатой она получила три маленькие. Первую – с удивлением, вторую – с раздражением, после третьей вломилась в кабинет директора. Секретарша визгливо кричала, что нельзя, на шевеление дверной ручки директор по-туалетному истошно завопил, что занято. Ольга распахнула дверь и застигла руководителя в самый неподходящий момент. Сделав вид, что не замечает неловкой ситуации, очень доступно изложила свое видение их договоренностей. Директору пришлось согласиться.

– И я очень надеюсь на вашу скромность, – завершил разговор шеф.

– Я ничего не видела, – поклялась Ольга.

Это событие они и поехали праздновать. Ольга умела гулять с размахом.

– Сначала по переулкам внутри Садового, – инструктировала она Алексея, – потом на выставку, потом перекусим и – смотреть ночную иллюминацию.

Алексей отвык от суеты города, но позволял Ольге себя выгуливать. Москва Ольги была другой – без центурий пешеходов, без кислотности неона и без имперского величия центральных проспектов. Ольга умела нащупать тайную дверь в прошлое, обнявшись, они ныряли в узкую щель между домами и вываливались в кривой переулок, с арками подворотен, с обведенными лепниной окнами и не крикливой чинностью опрятных храмов.

– Ничего тебя не возбуждает? – остановилась Ольга у витрины.

– У меня даже голые манекены зимой вызывают скорее жалость. А что должно возбуждать меня в музыкальном магазине?

– Не узнаешь?

– Нет.

– Черный треугольник от великого толкователя кубизма. Твоя великая эротическая фантазия в первый день нашего первого года. Ты объявил тот треугольник моим лоном и приделал к нему всю меня на заднем плане.

– Где треугольник?

– Вот прямо на витрине.

– Но это метроном.

– Именно он. Прибор, отсчитывающий время.

– Время отсчитывают часы.

– Часы врут, потому что время у них всегда одинаковое. Ритм задается метрономом.

Поэтому он принят моим художником за центр кубических миров.

– Не понимаю.

– Кубизм – это не хаос, это ритм. В любом искусстве важен ритм, но в кубизме особенно. Полотно Шишкина может продержаться на целостности пейзажа, оно склеено воедино визуальным опытом зрителя. А абстрактное произведение без ритма просто рассыплется.

– Можно я три раза подпрыгну и крикну «Иа-иа»?

– Зачем?

– Чтобы все видели, каким идиотом я себя ощущаю.

– Лучше продолжай кивать, так гораздо заметнее. Видишь нарост, что ты принимал за раздутое мужское эго?

Алексей интенсивно закивал.

– Это всего лишь грузик, который определяет ритм, – продолжила Ольга. – Мой художник тогда много размышлял о связи между временем и пространством. Когда грузик опущен – ты, кстати, трактовал это как выражение мужской несостоятельности, – то ритм очень высокий. Картины с высоким ритмом расколоты на мелкие фрагменты. Это как большой город: бешеный ритм, загнанные объемы, время измельчено до гранул.

– Да я замечал это в своем еженедельнике.

– А медленный ритм задает большие пространства.

– Или большие пространства задают медленный ритм?

– Не умничай, это одно и то же.

– Можно еще один вопрос?

– Попробуй.

– Ты всегда влюбляешься в идиотов?

– По статистике, женщины предпочитают именно эту категорию.

– То есть в первый день нашего года ты просто смеялась над моей глупостью?

– Нет, я восхищалась. Ты совершал подвиг в мою честь – не испугался показаться смешным.

– А чем еще я поразил тебя? Хотя я помню. Тебе понравилась моя шутка про номер телефона. Помнишь, ты сказала «поразительно» и вернулась в машину?

– Я сказала «поразительно», потому что именно с этой банальности начал знакомство мой бывший. Я тогда и подумала, что какая, собственно, разница.

Ресторанчики в Москве были у Ольги свои, уютные, камерные. С глиняной посудой и свечками на столах. В этот день решили выбрать что-то особенное. Гуляли на Ольгину зарплату, и Алексей, который в бытность свою Павловичем платил за всю компанию, ощущал себя неуютно. Небрежно полистав меню, ткнул во что-то самое дешевое.

– Милый, мы безумно богаты.

– Ты ограбила банк?

– Круче: застучала шефа на горячем.

– Дай угадаю.

– Даже не хочу слушать перед едой.

– Он и секретарша?

– Хуже.

– Он без секретарши?

– Фу!

– У меня не осталось ни одной приличной версии.

– Он и танчики! Ты представляешь, этот урод лишил недавно премии целый отдел, когда в обед поймал за игрой пару стажеров. А сам режется с утра.

Ресторан в тот день Ольга и вправду выбрала не из дешевых. С очень дорогим уютом: глиняная посуда, но золотого ампира стулья; приглушенный свет, но неоновая вывеска над баром; стилизация под деревянные балки и подделки классических скульптур.

Меню отпугивало неизвестными названиями блюд и ценами. Цены Алексея испугали не сразу: в тяжелой папке меню их просто не оказалось. Он дважды перелистал все страницы, потом забрал экземпляр у Ольги – там цифры присутствовали.

Зал не был переполнен. Две потрескавшиеся дамы кисти неизвестного художника громко мерились своим прошлым. Принесенные блюда они брезгливо разворошили вилками и отставили на край стола. Даже кусочка не попробовали. Им нужна не еда, а лишь повод вспомнить, когда, где и, главное, с кем они пробовали это раньше. Не это, конечно, – на порядок лучше. Здесь от былой утонченности одни названия. Их дамы произносили гнусаво, на французский манер. Рестораны в их воспоминаниях все были сплошь заграничные, а сотрапезники звездные.

В дальнем углу скучала девушка. Юная и грустная, с лицом бледно-голубым от свечения смартфона. Красивая, как любовница депутата.

Через пару столиков спиной к Алексею сидел успешный чиновник. Алексей как-то видел его фото. Нашпигованные жиром брюки свисали с обеих сторон стула. Жесткий воротник подпирает трехэтажную шею. Посетитель схватил за запястье официантку и что-то ей выговаривал. Слов слышно не было, но официантка, видимо, работала недавно, успешных чиновников встречала редко, поэтому сейчас собиралась заплакать. Мужчине нравился собственный голос. Он запивал нравоучения вином, и с верхней кромки бокала стекали мутные пятна. Алексею казалось, что и слова между чиновничьих губ выдавливаются такие же сальные.

– Элегантное местечко, – заметил Алексей.

– Прости, я здесь не была сто лет.

– Сто лет назад здесь было по-другому?

– Да как-то попроще.

– И меню выдавали с ценами?

– Да, оба меню выдавали с ценами. Мне кажется унижительным выдавать даме слепое меню.

– Еще более унижительно, когда его выдают кавалеру.

– Не бери в голову, официант просто перепутал.

– У официантов нюх. Они чувствуют, кто платит.

– Не будь таким мнительным.

На следующий день Алексей позвонил Баграту и подписал все доверенности. Никодимычу ничего решил не говорить.

Доверенность на Баграта Алексей подписал в марте, и вскоре Баграт отзвонился и сообщил, что есть первые новости. Попросил приехать в город. Чем быстрее, тем лучше.

– Чемодан для денег брать? – пошутил Алексей.

– Быстро сказка сказывается, да не скоро деньги делаются. – Короткие гудки.

Встретились в сетевом кафе с бедным меню, большими витринами и приторно-сладкими кофейными коктейлями по десять долларов за порцию. Алексей приехал раньше, занял низкое удобное кресло недалеко от входа. С заказом хотел обождать, но официант напоминал о себе каждые пять минут. Пришлось взять чайник кипятка с щепотью заварки в металлическом ситечке.

В сутолоке машин Алексей заметил угловатую черную крышу, а после и сам автомобиль, который полз по правой полосе, выискивая местечко на тротуаре. Обнаружив место, джип осторожно попробовал колесом высоту бордюра, перевалился с проезжей части, спугнул пару тинейджеров на автобусной остановке. Баграт выпрыгнул из машины, хлопнул дверцей, и машина затворилась с тремя короткими гудками.

– Хреновы пробки.

– Рассказывай.

– Слушай. С налета ничего сделать не удалось. Пытались договориться с директором по хорошему, но дура упертая – ни в какую.

– Ты же говорил, мне по закону положено?

– Положено. Но хитро положено. Как кошелек на веревочке: ты нагибаешься, а он убе-
гает. То, что лежит, еще надо уметь взять.

– И как теперь?

– В установленном законом порядке. Российский суд встанет на стражу.

– Ты уверен, что имеет смысл?

– Хорош ныть. Подписывай здесь и здесь.

– Что это?

– Обычные формальности.

– Сначала объясни.

– Алексей, если ты работаешь со мной, то попробуй помогать, а не тормозить на каждом углу. Я не в состоянии разъяснить тебе за пять минут нюансы Гражданского процессуального кодекса. Если интересуешься – сам прочитай. Не забудь проштудировать тома изменений и дополнений. Лет через пять, когда управишься, встретимся опять, и я с удовольствием объясню тебе смысл бумаг, что лежат перед тобой.

– Суды требуют дополнительных вложений? – переспросил Алексей.

– Суды требуют колоссальных вложений. Чтобы весы Фемиды склонились в правильную сторону, на них надо что-нибудь бросить.

– Взятка?

– Ни в коем случае. Лишь тонкая калибровка инструмента.

– Большие деньги?

– Не твоя забота. Деньги будут, я договорился с людьми.

– А отдавать чем?

– Метрами и литрами. Люди согласны подождать с возвратом, до момента торжества правосудия.

– И сколько метров?

– В зависимости от того, как пойдут суды. Если решим все в первой инстанции – то совсем немного.

– А если нет?

– Тогда придется отдать поболее.

– Мои законные метры?

– Ты уже начал жадничать – это хорошая примета. Но согласись – лучше отдать половину, чем не получить ничего.

– Согласен. А что с литрами?

– Я люблю односолодовое виски. Для друга не пожалеешь?

– Для друга – нет.

– Тогда подписывай.

Алексей подписал. В задумчивости отправил золотую ручку в свою борсетку, но Баграт попросил инструмент вернуть. Пообещал после завершения дела купить Алексею сотню таких. А эта ручка Баграту пока нужна – она счастливая. Еще Баграт напомнил, что о деле не должен знать никто. Так что не следует трепаться. Трепаться Алексей не собирался – боялся гнева Чистякова. Три раза напомнил Баграту, что Чистяков ничего знать не должен. «Само собой», – отвечал Баграт. Но Никодимыч все равно про доверенность проведаль.

Чистякова одевала супруга. Хорошо, но без изысков. Ее практичная деревенская логика не позволяла покупать вещи втридорога лишь за то, что на них висели модные ярлыки. Она доводила до инфаркта консультантов бутиков, пробуя материал на прочность, проверяя, не тянутся ли швы, задавая вопросы, уместные в деревенском универсаме. Все выяснив, Никодимовна не ленилась идти в другой магазин и в третий. Покупала вещи крепкие, ноские, недоро-

гие. Обнаружив протертые локти на пиджаке, вздыхала огорченно, но не из жадности, а больше для порядка.

В своих простеньких нарядах Чистяков смотрелся в дорогих корпоративных офисах белой вороной, но к нему быстро привыкали. Привыкли даже к тому, что в новенькой ведомственной столовой Никодимыч разворачивал судочки с домашними щами, пахнущими печным дымком, или аппетитно наворачивал разжаренные супругой котлетки. Котлетки исходили соком и ароматом чесночка. Служивцы сглатывали слюну и демонстративно отворачивались в сторону. Домашняя еда приносилась не из экономии, а потому, что Никодимовна помыслить не могла, чтобы ее супруг питался безликими произведениями общепита. В ее картине мира общественное питание стояло где-то рядом с публичными женщинами. Муж, изменяющий стряпне жены в общественных столовых, был обречен на измены все более тяжкие.

В день последней дружеской встречи Никодимовна наколдовала гуляш по-венгерски. Никодимыч отвинтил крышку термоса и, шаркая ложкой по металлической колбе, выложил Алексею половину порции. Алексей хотел отказаться, но благоухание специй парализовало его волю.

– Это у тебя поздний обед или ранний ужин? – заговорил Алексей. Просто чтобы заговорить. Уж больно неприятно рассматривал его Чистяков в упор.

– Это обед. Поэтому я отдал тебе половину.

– Почему поэтому?

– По поговорке. Надеюсь, что в следующий раз не придется отдавать весь ужин.

– Полагаешь, и до этого может дойти? – спросил Алексей, наконец сообразив, что за поговорку имеет Чистяков в виду.

– Боюсь, что может. Я подлецам рук не жму.

– Ты так и остался шероховатым. Я к тебе за советом пришел, а ты сразу меня с дерьмом смешиваешь.

– Я тебе еще три года назад, на той встрече, все сказал. С Багратором работать нельзя, он бессовестный человек.

– Он нормальный предприниматель.

– Предприниматель нормальный. А человек бессовестный. Хищник без стаи. К тому же голодный. Если деньгами запахло – он ни перед чем не остановится.

– Есть доказательства?

– Есть. Твое дело, например. Про домик в центре. Ты как себе это представляешь?

– Как Баграт объяснял, так и представляю. Вступлю в права акционера, назначим своего директора в совет директоров. А может, и генерального со временем. Такого, чтобы деньги умел зарабатывать. Кому нужна полоумная старуха, которая досиживает на моих площадях до пенсии с кучкой соратников-старперов? Площади в аренду сдает, а прибыли не показывает. Где мои законные дивиденды?

– Про директоршу и старперов тебе Баграт рассказал?

– Да, он. Но я и в газетах читал то же самое.

– В газетах ты много и не увидишь – все статьи заказные.

В июне темнеет поздно, но грозовая туча приволокла покрывало ярких сумерек – изменчивой поры, когда фонари уже зажглись, но машины не включили фары, когда серый фон загустил, но краски не обесцветились, когда поток прохожих стал плотным, но не расплылись еще в текучую массу отдельные контуры. Алексей молчал и пытался осмыслить сказанное Никодимычем.

– Это недоказуемо, – продолжал тот. – Сложно доказать, но в данном случае уши явно торчат. Видать, с деньгами у подлеца туго, поэтому он все статьи одному журналюге заказал. Почитай. По существу, это одна статья, только несколько адаптированная для каждого издания. Материал позорный, стиль убогий.

– Да хрен с ним, со стилем. С фактами-то не поспоришь. Бабка все под себя гребет, здание разрушается, вид города портит.

– Это не бабка, а доктор наук – Динэр Камилла Андреевна. Исследователь с мировым именем. Сохранила коллектив уникальных специалистов. Их разработки спасли тысячи жизней. В мире таких команд нет. Их пытались купить лучшие западные институты, а вот остались на идею работать. Из арендных денег она им и зарплаты платит, и исследования оплачивает.

– И где же результаты от этой звездной команды?

– Это академическая наука. Тут на результат работают десятилетиями. Ты знаешь, что такое индекс цитируемости?

– Ну, приблизительно.

– Так вот, на исследования этой команды ссылаются ведущие ученые мира. Я могу тебе назвать десятки препаратов, которые качественно изменили жизнь всей планеты.

Алексей встал из-за стола, прошелся между столиками и остановился у длинной стойки раздачи. Увидел в разделе напитков «Боржоми» – с грузинскими буквами, в тяжелой стеклянной бутылке. Спросил у карикатурно-розовощекой девушки на раздаче, настоящий ли «Боржоми». Девушка вопроса не поняла и даже обиделась: мысль о том, что в их специальной корпоративной столовой что-то может быть ненастоящим, показалась ей издевательством. Хотя многие посетители пытались завязать знакомство и с более дурацких вопросов.

– Не обижайся, Никодимыч, но это твои домыслы. – Алексей вернулся за столик с бутылкой минеральной воды.

– Замолчи, Алексей. Пока есть шанс остаться друзьями. Ты хоть понимаешь, зачем Баграту нужны твои заявления в суд?

– Чтобы ввести меня в законные права.

– Там твоих законных прав – пять процентов. И никто тебя их не лишал, тебе было самому лень до Камиллы доехать и с ней переговорить. Звонил ты ей?

– Нет. Но Баграт с ней говорил. Пытался по-мирному уладить, прежде чем в суд подавать. Три месяца пытался договориться.

– Тот самый случай, когда простота хуже воровства. Твой Баграт ничего по-мирному решать не пытался. Ему надо было формальный повод для судебных разбирательств получить. И выиграть хоть в первой инстанции, чтобы Камиллу из здания вышибить.

– Как вышибить?

– С треском, штурмом и, возможно, стрельбой.

– Врешь, Никодимыч. Чего тогда Баграт три месяца ждал, а не сразу пошел на штурм? Или хотя бы в суд?

– Он три месяца бегал по друзьям, команду собирал, с нужными людьми договаривался. Денег с тебя на суды взял?

– Нет.

– Значит, кому-то уже запродавал твой домик в центре.

– Не верю.

– Знаешь, что я прав, но не хочешь верить. Дел ты уже натворил, но, думаю, можно еще все исправить. Подумай. Хоть ради памяти твоего отца – он ведь у Камиллы первым замом был. Эти исследования дело и его жизни.

– Заткнись, Никодимыч. Ты не в теме! – выкрикнул Алексей и добавил уже тише: – Мне на храм нужно. Не для себя.

За окном посерело. Расходился дождь. По высоким окнам корпоративной столовой змеились первые капли.

Никодимыч аккуратно взял двумя пальцами свою тарелку с остывшим гуляшом и брезгливо отодвинул ее к Алексею:

– Считай, что сегодня мы ужинали.

Гроза вдарила, сумерки за окном сваялись в мокрую вату. Зонты уличных фонарей отжимали темноту вверх, за крыши сталинских домов, но мрак прибывало к земле крупными каплями, ошметки ночи забивались в щели, лохмотья тьмы прижимались к мокрому асфальту, и прохожие безразлично пинали их к новому вестибюлю метро «Белорусская».

Алексей ругаться в тот день с Чистяковым не планировал: во-первых, потому что разногласия в бизнесе не должны влиять на личные отношения, а во-вторых, Бальшаков собирался у Никодимыча заночевать. Звонить прочим друзьям было уже поздно, да особо и некому.

Алексей полистал записную книжку – настоящую бумажную, с затертым алфавитом по правой кромке – и не нашел подходящей кандидатуры для внезапного визита. Задумался у телефона Анастасии. Бывшая однокурсница года три назад прислала на телефон короткое сообщение, выдержанное в телеграфном стиле: «Развелась с мужем. Зпт. Во вторник свободна. Тчк». Алексей тогда был весь посвящен Ольге и на сообщение не ответил. Значительно позже, пролистывая историю на телефоне, он заметил, что сообщение Анастасии было разослано целому списку адресатов, надежно отделенных друг от друга точкой с запятой. В длинном списке получателей Алексей с непонятной ревностью узнал телефон Баграта – тот всегда шутил, что понты дороже денег, и еще на начальном этапе телефонизации всей страны купил за бешеные деньги красивый, легко запоминающийся номер. Остальные номера из списка Анастасии были Алексею неведомы.

Алексей представил себе, как возьмет и зайвится сейчас к Анастасии. Та наверняка откроет дверь в легком халатике – жена секретаря экспонировала наготу по мере необходимости, и будет улыбаться благосклонно, и, наверное, предложит выпить, и будет рассказывать про жизнь, перебирая подробности прошедшего десятилетия острыми белыми зубками. Если халат полупрозрачный и Анастасия, чокнувшись, допьет стопку, а не вернет ее на стол полной, то, наверное, нужно будет Анастасию поцеловать. Алексею удалось это в институте лишь однажды, во время медленного танца на квартире с пыльной кладовкой и двумя балконами. Других подробностей Алексей сразу не вспомнил. Припомнились лишь губы Анастасии, которые внимательно ощупывали его верхнюю губу, как раздвоенный хобот слона пробует незнакомое кушанье.

Если Анастасия позволит себя поцеловать, то все дальнейшее более чем вероятно. Алексей ощутил, что бег его фантазии наполнил тело мелким трепетом. Это было не глубокое основательное чувство, но острый азарт, подростковый зуд, требующий незамедлительного действия.

Преград для визита к Анастасии он не видел, Ольга была предупреждена, что сегодня останется одна. К своим редким визитам в город Алексей всегда старался добавлять ночевку. Не столько по необходимости, сколько из желания поделиться с Ольгой той тревогой одиночества, которая поселяется в их деревенском доме, когда машина Алексея одиноко ночует у крыльца. Мысль об Ольге покрыла образ полуголой Анастасии кислотными пятнами. Длинные ноги под прозрачной сорочкой скукожились, подбородок, и без того мелкий, стесался в плоскость под нижней губой, вспомнилась родинка на шее, проросшая двумя черными волосками. Зачем-то всплыло слово «измена».

Случайное приключение с Анастасией изменой Алексею не представлялось. Анастасия была из иного времени, и выдуманное приключение принадлежало прошлому, а значит, настоящего испортить никак не могло. Вот если бы, например, Алексей на третьем курсе умел понимать намеки и переспал с первой красавицей – случай был: ощупав Алексея поцелуем, она сказала, что зубная щетка с ней в сумочке, – то воспоминание о той ночи ведь не было бы изменой. И поэтому сегодняшний визит к Анастасии тоже можно рассматривать лишь как воспоминание. Воспоминание о неслучившемся, незакрытый гештальт. Ночь с Анастасией даже следует считать необходимой терапией – ведь гештальт, он как перелом – закрытый гораздо безопаснее открытого.

Здравые рассуждения не помогали – ехать в гости расхотелось, образ рассыпался, и опять включился в работу мозг, стало очевидным, что за три года практичная и красивая Анастасия нашла себе кого-нибудь годного.

Тут же вспомнилось, что целовались они единственный раз на квартире друга – в дорогом генеральском доме. Квартиру в тот раз Алексей выдал за свою, но не из корысти, а по просьбе хозяина жилища – друга детства. Друг детства страдал комплексом перспективного жениха и проверял чувства возлюбленных, представляясь полным бессребреником. В тот вечер друг как раз пригласил, якобы к Алексею, свою новую подружку, и Алексей даже не помнил, пришла ли та. Лучший студент курса был поглощен неожиданным приливом чувств, вспыхнувших в груди первой красавицы факультета. Хорошая могла бы получиться пара.

Выпивая после в общаге с Баграмом и Чистяковым, Алексей с хохотом фантазировал, как взбесилась бы Анастасия после свадьбы, узнав про обман с квартирой.

– Ты обманул лучшие чувства честной девушки, – изображал Анастасию Баграма, заламывая руки и выдвинув из-под полы халата волосатую ногу на середину комнаты.

– Перестаньте, – морщился Чистяков, – это непорядочно.

– Мерзавец, ты достоин самой страшной смерти, – продолжал дурачиться Баграма. – Совет города предлагает тебе выбрать между чашей яда и каторжными работами по вычерчиванию деталей вертолетного двигателя на восьми листах формата «А ноль».

– Я выбираю яд, – голосом Сократа из одноименного фильма отвечал Алексей.

– Так умри же, – Баграма протягивал Алексею пиалу с неразведенным спиртом.

Воспоминание об обожженном спиртом горле окончательно вернуло Алексея на землю, он завел автомобиль и двинулся по Ленинградскому проспекту к некогда отдаленному, а ныне престижному району Строгино, чтобы выскочить на МКАД недалеко от истоков Рижской трассы, по развороту «бабочка», не оборудованному еще стационарным постом ГАИ.

Через пару часов уже ввалился в комнату, где в ожидании прикорнула Ольга – вся такая теплая, уютная, любимая, что Алексею стало очевидным, что про Анастасию он думал несерьезно. Да что там несерьезно – просто никогда, ни про кого, кроме Ольги, не думал.

В комнате догорал камин, на проигрывателе крутилась виниловая пластинка – древний механизм забывал возвращать иглу на место, у окна стоял мольберт с холстом, иссеченным серой безнадежностью дождя.

– Ты меня не слушаешь! – возмутился Алексей и захлопнул том Большой Советской Энциклопедии.

– Искусство должно быть изоморфно реальной жизнедеятельности человека, – повторила Ольга.

Они проводили вечер, как обычно: Ольга за компьютером, Алексей с книгой. Читал он много, беспорядочно и часто себе в тягость. Выбирал самые толстые, непонятные и занудные произведения. Заставлял себя преодолеть хотя бы пятьдесят страниц в день. В душе верил, что искупает епитимьей самообразования грех повседневной лени – все-таки рановато уходить в тридцать пять на пенсию.

– И что ты про это думаешь? – начал Алексей с фразы, которой обычно открывал их философский час.

– Про что? – Ольга захлопнула крышку компьютера, понимая, что поработать не удастся.

– Про изоморфность искусства.

– Я думаю, что ты любишь все усложнять.

– Введем лоботомию в программу высшего образования?

– Не утрируй. Но все, что должно быть сказано, может быть сказано просто.

– Это ты придумала?

– Нет. Кто-то из великих. Возможно, Витгенштейн, за точность цитаты не ручаюсь.

- Насмеши меня простым определением искусства.
- Искусство – это процесс непосредственной передачи образа.
- Тоже кто-то из великих?
- Да. Возможно – я.
- Чушь.
- Потому что это сказала я?
- Нет, потому что все, относимое нами к искусству, – это предметы: книги, картины, памятники. Предметы сами по себе – это медиумы, посредники между художником и зрителем. Про какую непосредственную передачу тут можно говорить?
- Ты усмотрел самую суть, о великий жрец БСЭ, позволь наградить тебя тройным поцелуем в ухо.
- Сначала ответь, а то мы опять...
- Что опять? Мне нравятся опять. Еще два поцелуя.
- Отвечай.
- Про что?
- Про непосредственный процесс.
- А если вот так?
- Щекотно. Перестань. Отвечай на вопрос.
- Ты уже сам про все ответил.
- Объясни.
- Зануда. Все действительно просто. Если ты видишь, например, полотно, то есть раму, холст, сгустки краски и картинку, сложившуюся из этих красок, то ты рассматриваешь вещь, а не произведение искусства. Неважно, насколько точно переданы цвета и прорисованы контуры.
- А что я должен видеть?
- Не видеть, а, скорее, ощущать. Эмоциональный образ. Восторг заката, флирт фокстрота с крепдешиновой юбкой, тоску венчания юной девы со стариком.
- Так все же искусство – процесс или ощущение?
- Процесс передачи образов, переданных свыше.
- Откуда свыше?
- От бога, от Абсолюта, из ноосферы.
- Переданные как?
- Через откровение, красоту природы, случайное обнажение истины.
- То есть художник все же посредник?
- Не пытайся меня запутать. Художник – неотъемлемая часть процесса. Резонаторный ящик, усиливающий благую весть и отливающий ее в форму, удобную для восприятия: в книги, картины, скульптуры.
- Зритель – это конечная точка процесса?
- Хороший зритель равновелик художнику – он способен воспринять образ и транслировать его дальше.
- Откуда ты все это знаешь?
- Это знают многие. Просто я умею это просто объяснить.
- Откуда ты умеешь это просто объяснить?
- От профессии. Я дизайнер. Переводчик с языка высокого на язык вещей. Беру болванки прекрасного и обтесываю их до форм, удобных потребителю.
- В точности формулировок тебе не откажешь.
- Я сдала экзамен на право быть сегодня твоей любимой наложницей?
- Да.

– Тогда поцелуй меня... Здесь. И здесь. Не спеши – за каждую расстегнутую пуговицу ты должен говорить по нежности. За молнию – три нежности. Нет. «Птица-говорун» – это не нежность. Даже если любимая.

В последний раз перед штурмом Алексей видел Чистякова в пластиковом раю ресторанного дворика. Встречались на третьем этаже крупного торгового центра, где внизу растеклись полки супермаркетов, а на втором уровне бутики предлагают предметы роскоши представителям среднего класса.

Баграт примчался в деревню с утра пораньше, усадил Алексея в машину и погнал в город, обещая объяснить все по дороге. На Рижское шоссе выскочили после десяти, когда поток легковых машин ослабел, а правый ряд плотно забился бесконечным караваном фур. Если в цепочке грузовиков попадался неторопливый водитель, то начиналась чехарда с резкими забросами большегрузов во второй ряд, вилянием прицепов, злой матерщиной клаксонов.

Баграт орал в голос на фуры, на женщин-водителей, на малолитражки, путающиеся под колесами его внедорожника.

– Хоть объясни, что случилось.

– А сейчас друг твой нам все объяснит. – Баграт поддал газа, чтобы не пропускать «Рено», запросившее место в их ряду.

– А ты уже не друг?

– А вот это ты сам реши, пожалуйста, кто тебе друг – я или Чистяков.

– Опять поругались?

– Ругаются писуны в песочнице.

– А вы?

– Мы, выражаясь литературно, на тропе войны.

– Чудите на старости лет?

– Никодимыч чудит, а я действую в пределах допустимой самообороны.

– Хватит орать, рассказывай, что случилось.

– Твой друган недоделанный все же влез в судебные разборки. На стороне потенциального противника.

– Чем мелкий клерк может быть опасен?

– Во-первых, он совсем не мелкий и много про наши дела знает. Во-вторых, он дотошный как черт и какие бумаги сумеет выкопать – никто заранее не угадает.

– Если закон на нашей стороне, то чего волноваться?

– Закон, Алексей, он как дышло. Камилла эта вся в науке, ей бумагами заниматься некогда. В учредительной и в отчетной документации ее конторы такой бардак, что судье даже с формулировками мучиться не надо – все нарушения на поверхности. Причем пока бабка уверена, что права, то сама же все документы предоставит.

– А Никодимыч чего?

– А Чистяков уже что-то там перекопал, документы подчистил, Камиллу просветил. Она же бабка толковая, если бы не наука ее дурацкая, еще тем бы директором быть могла.

– Ты откуда все это знаешь?

– От верблюда. Хотя сам понимаешь, что, по нынешним временам, и верблюд за так работать не будет.

– Осведомитель?

– Союзник. Ты что думаешь, с твоими жалкими процентами можно серьезную кашу заму- тить?

– Ты говорил, можно.

– В общем, можно, но и всякая сволочь, типа: обиженные сотрудники, уволенные секретарши, недовольные арендаторы – тоже ценный материал.

– Даже арендаторы?
– Даже они. Я к ней свою конторку полгода назад посадил, чтобы в доверие втерлись и на лапку занесли.

– И чего?

– Ничего. Не берет. Такая вот бабка с чистыми лапками.

– Ты же говорил, что директорша непорядочная?

– Я и сейчас так говорю. Порядочный человек – это кто по установленному порядку живет. Все берут, и ты бери. Друзей подкармливай, наверх положенное отдавай – и будет тебе счастье. И всем вокруг будет счастье. Потому как порядок, он во всем важен.

– А на поговорить тебя Чистяков пригласил?

– Никуда он меня не приглашал. Наш тайный друг во вражеской конторе по секрету рассказал, где нашего правдолюба сегодня можно найти.

– И где?

– Да вот уже приехали.

«Гелендваген» свернул на паркинг при торговом центре, на скорости пролетел вдоль плотных рядов автомобилей и с разбега въехал на только что освободившееся место. Хозяин черного пикапа, ожидавший место с включенным поворотником, зло выругался, но связываться с хозяином дорогого джипа не стал.

– Млин, вот откуда здесь среди дня столько тачек? В городе вообще, что ли, никто не работает?

Миновали вертушку входной двери. По эскалатору Багра́т шагал вверх, а Алексею было лень тратить силы, если и так везут в нужном направлении. К моменту, когда он поднялся, юрист уже обнаружил нужный столик и потащил к нему Алексея. Проход через зал мог бы получиться эффектным, но Чистяков их не замечал, уткнувшись в газетный разворот. Он не обращал на пришедших внимания, даже когда они подошли к столу почти вплотную.

– Здравствуйте, Петр Никодимович. – Багра́т не придумал эффектного вступления и решил быть официальным.

– Не могу пожелать вам того же. – Чистяков аккуратно сложил газету, проминая ладонью сгибы листов.

– Не ожидал нас увидеть? – Багра́т уселся напротив Никодимыча. Алексей тоже хотел сесть, но не смог сообразить, с какой стороны.

Хотел пристроиться с торца, но пластиковые стулья были приделаны к столам намертво.

– Ожидал, но не знал, где. Давай считать вступительную часть завершенной. Переходи к делу.

Чистяков изучал Багра́та через толстые линзы очков, словно биолог иные формы жизни через стекла микроскопа.

– Люблю деловых. – Багра́т достал из внутреннего кармана пиджака толстый конверт и положил перед Чистяковым.

– Что это?

– Гонорар. Мы нанимаем тебя консультантом.

– Часы работы?

– Двадцать четыре часа в день, семь дней в неделю.

– Что надо делать?

– Пропасть и не отсвечивать.

– Хочешь меня купить?

– Пусть так.

– Не маловато ли за семь дней в неделю?

– Я не могу тебя купить за большую сумму, чем стоит убрать. Такова экономика процесса. Ничего личного, только бизнес.

– Это угроза?

– Пусть так.

– При свидетелях?

Алексей все еще стоял у столика.

– Какой из Алексея свидетель? Если он побежит доносить прямо сейчас, то никто не дернется. Над ним лишь посмеются. Алексей умный человек и себя в дурацкую ситуацию ставить не будет. Верно я говорю, товарищ Бальшаков?

Алексей молчал.

– А если с тобой, не дай бог, чего нехорошее случится, – продолжал Баграт, – то Алексей уже будет не свидетелем, а соучастником. Ведь знал заранее, но не сообщил.

– Очень спорный тезис.

– Ну вот он со следователем пусть и поспорит.

– Ты все сказал?

– Почти. Никодимыч, ты пойми, что влез не в свое дело. Тебе эта бабка – никто. Тем более что ни ее, ни науку мы обижать не собираемся. Пусть ковыряются в своих пробирках. Зачем академикам на хозяйственные вопросы отвлекаться? А мы средства изыщем, здание подлатаем, дорогу отремонтируем. Даже вывеску менять не будем, пусть висит.

– Баграт, я это уже много раз видел. Вывеску, может, и оставите, а людей сгнобите. Это уникальный научный коллектив. Пойми, они всем действительно необходимы.

– Из бюджета денег не дают – значит, стране они на хрен не нужны. А кто я такой, чтобы со страной не соглашаться?

– Меня тошнит от этой твоей фальшивой державности.

– Времена такие ныне. Раньше модно было страну ругать и говорить за свободу. Теперь пьем за державность и порядок.

– Да ты хоть знаешь, за какие деньги Камиллу Андреевну в Штаты работать приглашали?

– Слышал.

– А она не поехала. Верила, что здесь нужнее. В ее ежедневной работе больше патриотизма, чем во всех речах с высоких трибун.

– Петр Никодимович, ты меня за советскую власть не агитируй. Я такой ученый, что аж хрен крученный. Ты решай по-быстрому, с нами или против нас?

– Да я-то уже решил давно, теперь пусть Алексей решает.

За все время разговора Чистяков к Алексею ни разу не обратился и как бы его не замечал. Алексей тоже не вставил в беседу ни слова, хотя в голове рождались аргументы в пользу обеих сторон. Сформулировав свою точку зрения, Алексей начинал в ней сомневаться, думать над точностью формулировок. Пока он размышлял, беседа катилась дальше без оглядки на позицию Бальшакова.

– Ну, смотри, я предупредил. – Баграт сгреб со стола конверт и с трудом вылез из тесной пластиковой щели. – Алексей, тебя до электрички подвезти?

– Подожди, я сейчас. – Алексей хотел договорить с Чистяковым.

– Жду внизу семь минут. – Баграт направился к эскалатору, шагнул на ступеньку и начал уходить под пол.

Алексей выдерживал паузу, пока за железной гребенкой не скрылась кепка Баграта.

– Мне кажется, можно все по-хорошему уладить. – Алексей присел на краешек стула напротив.

– Алексей Павлович, я вижу, вы уже все решили. Мне с вами говорить не о чем.

– Ну зачем ты так?

– Как так?

– Не по-товарищески.

– А ты, значит, по-товарищески? Ты хоть понимаешь, что твой друган – обыкновенный бандит?

– Мне кажется, ты утрируешь.

– Мне кажется, тебе пора идти.

– Слушай, ты же ничего не изменишь. Бабка не в тренде.

– Следи за языком.

– Хорошо. Камилла Андреевна абсолютно вне системы. Здание у нее все равно отожмут – не я, так другие. И уж лучше я, с университетским дипломом, чем пришельцы с тремя классами образования.

– У тебя осталось три минуты.

– Ты прешь голым задом на танки. Победить невозможно, можно лишь отойти. И спокойно жить.

– Не выйдет спокойно жить под нежитью.

– Это как?

– Беги, опоздаешь.

Алексей похлопал себя по карману, сообразил, что денег на такси до электрички у него нет, побежал к эскалатору, прыгнул на ступеньку, заспешил вниз.

Чистяков пропал. Ремонт храма не продвигался. Ольга работала два дня в неделю.

Время перестало быть плавным. Коротким тире проносились дни от четверга до вторника, и длинно тянулось многоточие от темноты утра во вторник до темного же вечера среды. Пять дней короткого счастья и два дня бесконечного безумия. Чем ярче было счастье, тем глубже погружение в темноту. Тире – точка, точка. Тире – многоточие.

Между отъездами Ольги в доме по-прежнему было уютно, по-прежнему сливались они в единое целое перед желтым глазом камина, по-прежнему ночью тела повторяли изгибы друг друга.

Но сквозь скорлупу, защищавшую их уютный мирок, стали проклеиваться новые опасности. Самая страшная называлась «будущее», и все чаще Ольга стала о нем вспоминать. О том, что время идет, что она не молодеет, что у всех ее подруг уже по второму ребенку. А еще про то, что хорошо бы иметь еще один паспорт – так, на всякий случай. И опять же, пусть у их ребенка будет выбор. Алексей соглашался во всем. Но чуть позже, когда наступит время, когда они будут готовы, когда, когда, когда...

Ольга не спорила, но монолит их плоти давал трещину, в узорах горячих углей они начинали видеть каждый свое. В спальне холод непонимания разворачивал их спинами друг к другу.

Несогласие прорастало из мелочей. Пытались решать спорные вопросы голосованием, но Алексей всегда оказывался в меньшинстве. Мстил за это мелкими пинками перебежчику-коту.

Не получая помощи, Ольга все решала сама. Звонила уехавшим друзьям. Искала нужных знакомых. Три вечера заполняла какие-то анкеты, когда Алексей отказался их подписать, спорить не стала. Отправила в посольство как есть.

Тот вечер Ольга начала с восклицания «Сегодня!». Ни с того ни с сего. Сидела в своем кресле, стучала по клавишам, потом отправила страницу на печать и воскликнула: «Сегодня!» Алексей оторвался от газеты и обстоятельно ответил:

– Пятнадцатое апреля, две тысячи четвертого года.

– Что – пятнадцатое апреля?

– Ты спросила, какой день сегодня?

– Я сказала, что это должно произойти сегодня или никогда.

– Произойдет что?

– Придумай сложноподчиненное предложение из трех слов.

За три года многое в их жизни изменилось. Алексей покрасил калитку. Про него, в общем-то, все.

Зато дом поменялся. В борьбе за должность алтаря любви победил новый ортопедический матрас. Продавленный диван, в течение двух лет подвывающий каждой пружинкой протажному Ольгиному «оооох», был отправлен доживать свой век за сараем.

Появился в доме телевизор, как-то сам собой, без отдельного на то решения. Телевизор сразу занял половину комнаты и забубнил новостями. Сантехника начала от старости сдавать и при нажатии клавиши спуск присоединялась к какофонии милицейских сирен, которую обильно транслировали по всем телевизионным каналам. В перформанс с удовольствием включался кот со своим двухоктавным «миаву-миаву». Рыжий гений научился подражать сирене так талантливо, что Алексей порой просыпался в ночи от тревожных милицейских трелей где-то в подполе.

После того как кот подался в артисты, гонять мышей стало некому, и они шуршали ночью по кухонным полкам. Однажды заснув перед включенным телевизором, Алексей даже обнаружил перед экраном пару крыс. Дикторша вещала про похищение в особо крупных размерах и гуманность районного суда. Грызуны рассматривали ведущую своими умными черными глазками, понимающе терли мордочки лапкой и окриков Алексея больше не боялись.

Ольга перепрыгнула через пару карьерных ступенек, шагая вверх по профессиональным сертификатам. Теперь в резюме вместо «талантливый дизайнер» она писала «дизайнер сертифицированный», и предложений стало больше.

– Обидно, – делилась Ольга, – дарование интересует издателей меньше, чем бумажка от непонятной конторы.

– А что тут обидного? Ты же сама выискиваешь в магазине сертифицированные продукты.

– Я не продукт, а художник. И на курсах меня не научили, а обрезали под рамку их убогих стандартов.

– Теперь тебе гораздо проще транслировать в массы образ, полученный свыше.

– Откуда свыше?

– Из штаб-квартиры мультинациональной корпорации.

В их гардеробе завелись яркие обновки. Ольга осадилась своей воздушностью тяжелой бижутерией. Грудь придавила бусами из яшмы: шесть ниток пестрых самоцветов, разбитых на сегменты длинными коричневатыми камнями. Такие камни назывались «чертов палец». Запястья Ольги обросли массивными браслетами. К белой блузке Ольга надевала сережки нежно-розового жемчуга, и этот наряд казался Алексею особенно бесстыдным.

Все меньше Ольга спрашивала, все больше делала. Расшевелить Алексея почти не пыталась – боялась неожиданных вспышек гнева. Любая попытка изменить их жизнь требовала тщательной подготовки.

Например:

– Придумай сложноподчиненное предложение из трех слов.

– Дай подумать. – Алексей подался вперед и принял позу мыслителя, оперев локоть на коленку Ольги.

– Ты думаешь уже три года.

– Над чем?

– Я тоже не понимаю. Итак, твое предложение?

– Я не знаю, что сказать, потому что тебя не понимаю.

– Не подходит – больше трех слов.

– Нет потому что.

– Что это?

– Сложноподчиненное предложение из трех слов.

– Оно не имеет смысла.

– Ты не требовала со смыслом. Мне надо посоветоваться с другом. – Локоть Алексея заскользил вверх по бедру Ольги задирая полу халата.

– Ты уже истратил дозволенные попытки.

– Тогда прошу подсказку зала.

– Подсказка под ногами.

Алексей сполз с дивана и наклонился над выброшенным принтером листком.

Струйный принтер громоздился у стены на старой табуретке. Через пару лет совместной жизни Ольга прозвала прибор «Алексей Второй» за то, что принтер, перед тем как приступить к любой работе, сначала долго скрипел и ворчал всеми шестеренками, делал пробный прогон, потом драматическую паузу. Лишь полностью завладев вниманием аудитории, прибор принимался за работу, жалобно постанывая и раскачиваясь на шаткой табуретке в такт движениям каретки. Алексей долго грозился изготовить для тетки подставку понадежнее, но не успел – пластмассовая коробка рухнула на пол, и Ольга констатировала открытый перелом лотка приема бумаг. С того дня листы уже не складывались прибором в стопочку, а ловко разбрасывались по полу. Лист с подсказкой принтер ловко швырнул к кошачьим мордочкам на ногах Ольги.

– Не поднимайся, это читают на коленях. – Ольга надавила ладонью на плечо Алексея.

– Ого, ты хочешь доминирования?

– Я хочу равноправия. Итак, каким будет твое предложение?

Алексей поднес лист к глазам:

– Будь моей!

– Я и так твоя, дальше.

– Не могу прочитать?

– Что-то со шрифтом?

– Да, полная неразбериха.

– Какие буквы непонятны?

– Вижу все буквы, но не могу угадать фразу.

– Веские причины?

– Нет реквизита. В такие моменты положено дарить кольцо.

– Ты мне уже дарил.

– Когда?

– При знакомстве в магазине. Черный бархатный футляр. Там были обручальные кольца.

– Откуда ты знаешь?

– Я так загадала. И была весь год хорошей девочкой. Ты же сам обещал хорошим девочкам исполнение желаний.

– А если там не кольца?

– Кольца. Два красивых дорогих кольца. Женское усыпано бриллиантовой крошкой.

– Хорошо, договорились. Открываем футляр, и если там не кольца, то вопрос откладывается.

– На сколько?

– На еще подумать.

– Алексей, мне некогда уже ждать. Я хочу ребенка. Обычно, по-человечески, по-бабьему.

Это очень физиологичное и тянущее «хочу». Как голод. Очень сильный голод.

– Я просто не должен спешить. Сейчас совсем не вовремя.

– Ты это говорил и год назад.

– Хорошо, если в футляре кольца – мы поженимся.

– Так нечестно, футляр заперт, ключа у нас нет.

– Я сломаю замок.

– Не надо. Пожалуйста, не надо.

– Это просто. – Алексей приставил толстое жало силовой отвертки к черной бархатной щели между половинками футляра.

Он размахнулся, чтобы вогнать стержень между створками, но Ольга схватила его за руку:

– Не надо. Я прошу.

– Ты что? Надо же когда-то узнать.

– Ладно. Я согласна. Попозже. Только не ломай – я боюсь.

– Чего?

– Если там нет колец, то, наверное, лежит утка.

– Какая утка?

– В которой яйцо. В котором игла. А на кончике иглы – сам знаешь что.

Много позже, в кабацкой беседе, Алексей пытался объяснить эту фразу одному ненастоящему иностранцу. Тот любил в разговоре путаться в ударениях, коверкать русские слова и искать скрытые смыслы.

– Смерть? – спрашивал иностранец.

– Да, смерть, – повторял Алексей.

– Почему в утке должна быть смерть?

– Смерть – в игле, игла – в яйце, яйцо – в утке.

– Мы встречаемся уже который раз, но я все меньше вас понимаю.

– Тут нечего понимать, надо знать историю.

– Все русские очень странный народ, если смерть приходит от утки.

– Смерть у нас приходит отовсюду.

Накануне судебного заседания мобильный телефон Алексея надрывался полчаса подряд.

Этот телефон Баграт вручил Алексею сразу после подписания доверенностей. Поддержанный аппарат, легкий, с небольшим цветным экраном. Баграт пояснил, что олигархам положено быть на связи – вдруг срочный звонок из Кремля. Еще пошутил, что входящие бесплатно. Да и исходящие тоже. Дорого обходится, только если абонент не отвечает. Алексей пытался было отказаться, но Баграт настаивал. Просил держать телефон заряженным, номер направо и налево не раздавать.

Раздавать было особо уже и некому, поэтому, если телефон и оживал трелью, было ясно, что звонит Баграт. Звонил он не часто, иногда просто перекинуться парой слов, но Алексею казалось, что партнер приучает его всегда быть на связи.

Пластиковая мобильная трубка проникла в мир Ольги и Алексея мелким злобным зверьком, который пробрался в дом и постоянно следит за ними. Когда телефон перезагружался, на экране возникали две руки, и Алексею казалось, что это Баграт тянется за ним через сотню километров. У Ольги был свой аппарат, который, возвращаясь в деревню, тихонько прятался в женской сумочке.

День накануне суда Алексей провел на огороде. Разглядывал горизонт, устанавливал подпорки под вытянувшиеся кусты помидор.

От мечтаний Алексея оторвала Ольга, которая несла на вытянутой руке мобильник:

– Поговори, это тебя.

Руки у Алексея были по локоть в черноземе, и он прижал аппарат плечом к щеке.

– Але, чудила, ты что трубку не берешь? – Баграт был взбешен.

– Не слышал звонка, на огороде копаюсь.

– Ты му... – Баграт орал так громко, что Алексей инстинктивно отдернул ухо, трубка свалилась с плеча и воткнулась в жирную землю. Алексей понимал, что надо поднять, но смотрел на аппарат и ничего не предпринимал. С грядки потянулись короткие гудки.

Алексей смотрел на трубку, но так и не решился перезвонить. Не знал, чего боится. Возможно, самого голоса Баграта. Злого, требовательного голоса. Пытался вспомнить, откуда в его жизни взялся голос, который может ему, свободному человеку, приказывать.

– Вот ты где, мля, прячешься, – голос раздался за самой спиной.

Алексей обернулся и увидел черный джип. Прямоугольный драндулет с хромированным кенгурятником. Баграт орет из-за калитки. Парализованный страхом, Алексей не догадался подойти и открыть.

С водительского сиденья вышел страшный человек. Высокий, бритый, с горбом мышц у загривка. Обвисшие диагонально тряпицы век. Страшный гость подошел к калитке, подергал, и Алексей был уверен, что приехавшему стоит легонько потянуть за штaketник, чтобы петли с щеколдой осыпались на траву. Но гость лишь нагнулся над калиткой, протянул длинную руку к задвижке, и калитка отворилась без обычного своего скрипа.

Приехавшие шагнули во двор. Страшный человек оценил взглядом палисадник, дом, огород Алексея. Убрал ручищи в карманы.

Баграт был рядом и орал что-то очень грубое. Алексей смысла не понимал, до него только долетали ошметки слюны. Вдруг Баграт потянул интонацией вниз, сбился в слюнявом своем речитативе, замолчал. Алексей обернулся и увидел за спиной Ольгу. В свободных мягких брюках, клетчатой рубашке Алексея. В широких, закатанных до локтя рукавах тонкие руки Ольги казались усохшими, и вся фигурка выглядела беззащитной.

– Здравствуйте, – Баграт зазвучал глубоко. – Извините за шум, мы институтские друзья Алексея.

– Добрый день. Хотите чаю?

– Нет, спасибо, – Баграт смешался, – мы на минутку.

Страшный человек повернул голову и уголками глаз теперь оценивал Ольгу.

– Зайдете в дом?

– Спасибо, мы на воздухе, погода замечательная.

Баграт кивком пригласил Алексея пройти за ними.

– Погоди, документы возьму, – Алексей шагнул к двери на террасу.

– Да не нужны тебе документы, – Баграт приобнял Алексея за плечи.

Вроде дружески, но так, что не вырваться. В обнимку довел миноритарного акционера до калитки.

Алексей думал, что сейчас запихнут в салон, но Баграт извлек с заднего сиденья папку, раскрыл на заложенной странице и, положив документ на капот джипа, приказал:

– Вот здесь фамилию-имя-отчество целиком и дату прописью.

– Что это?

– Расписка.

– Какая расписка?

– В получении средств.

– Каких средств?

– Горюче-смазочных!

– Чего на двести тысяч зеленю смазывать собрались?

– Механизм фортуны.

– Ты же говорил, что деньги не моя забота.

– Не твоя, я все добыл. Но кредиторы хотят быть уверенными, что ты их после суда не кинешь.

– Ну я же обещал.

– Вот про это и подпиши.

– Да не брал я этих денег.

– Брал, Леша, брал. На твое дело взято и потрачено.

– Не мое это дело, – хотел отказаться Алексей решительно, но дал «петуха» и закашлялся.

– В доле был? – Голос раздался откуда-то из-под земли. Алексей догадался, что глухой, без интонаций, рокот исходил от страшного гостя, хотя рта тот почти не раскрывал.

– Мои пять процентов.

– Ну, значит, все. – Страшный человек вопрос решил.

– Не видел я никаких денег! – взвизгнул Алексей.

– Поехали, посмотришь.

Страшный человек прихватил Алексея за запястье двумя пальцами и как будто вытянул из предплечья все сухожилия. Воздух перед глазами Алексея пошел темными пятнами.

– Алексей, твоя подпись ничем не грозит, поверь мне как другу. – Багра́т опять говорил спокойно. – Выиграем суд, отдашь пару этажей – причем даже не в собственность, а в аренду. Получишь обратно расписку.

Алексей пытался восстановить дыхание после болевого шока. Опять голос сверху:

– Ну что, ломаю?

– Не надо, он подпишет.

Черные пятна перед глазами Алексея стали надуваться фиолетовыми пузырями и лопаться багровыми вспышками со звонкими ударами где-то в височных долях...

В том месте у калитки, где джип пробуксовывал перед стартом, трава так и не выросла. У забора до зимы красовались три проплешины с впитавшимся в них запахом бессилия и бензина.

Багра́т позвонил в среду вечером и сообщил как ни в чем не бывало:

– В первой инстанции все путем, – пояснил Багра́т, – одевайся во все чистое и дуй на электричку, я за тобой заехать не успею, нужно тут процессом руководить. В пятницу утром должен быть здесь.

– Сегодня только среда.

– Ты не спеша одевайся.

– А что в пятницу?

– Музыка, торжественный парад, введение тебя в должность и танцы. Хотя не могу заранее сказать, в какой последовательности.

– Багра́т, мне звонил Чистяков.

– И что?

– Он говорит, что мы не должны.

– Даже не думай про это, чудила. – Длинные гудки.

Страх проник в дом дребезжанием стекол на террасе. Алексей ждал Ольгу и слушал тишину, но вместо ровного жужжания с шоссе сполз низкий грохот. Звук вдарил по тонким переплетам рам, и темные окна завибрировали. Трасса вспыхнула. Из-под капота по развороченному дорожному полотну палили двухсотмиллиметровые жерла галогенных ламп, и сверху ослепляла ночь прикрученная к крыше крупнокалиберная люстра. Машина ехала неровно, свет фар вилял по сторонам, выискивая что-то в придорожных кустах. Алексей знал, что, как только машина свернет на проселочную дорогу, его тут же схватят яркие щупальца прожекторов и будут держать, пока не подтянется к дому тяжелый черный джип, привязанный за ту сторону светового пучка. Алексей присел, но тонкая вагонка под окнами тоже трусливо вибрировала. Пригибаясь, Алексей пробрался в дом, захлопнул дверь, заперся в спальне и перестал дышать. Так продолжалось минуту. Или вечность. Грохот не свернул на проселок и покатился дальше по шоссе. Почти затих, но Алексей в свое спасение не верил. Звук возник снова, но тональности было не разобрать. Звук приближался, Алексей плотнее закутался в одеяло.

В эту среду Ольге впервые пришлось самой открывать ворота и в полной темноте нащупывать замочную скважину входной двери.

В пятницу рано утром черный джип подобрал Алексея на платформе Дмитровская. За рулем – страшный человек, Багра́т рядом с ним. Алексею досталось место сзади вместе с мальчиком в форме судебного пристава. Тонкая шея соседа болталась в воротнике форменной рубахи. Под мышкой мальчик держал толстую папку потертой кожи. Как только Алексей захлопнул за собой дверь, машина дернулась, перепрыгнула в левый ряд, обошла затор до светофора по встречке, увеличила отрыв от потока, проехав на еще один красный. У светофора к джипу привязалась машина ГАИ с пестрой иллюминацией. Громкоговоритель требовал прижаться вправо и остановиться. Водитель джипа принял к обочине у съезда с Савеловского моста, дождался появления автоматчика в зеркале заднего вида и последующего подхода вежливого инспектора к тонированному окну. Страшный человек, не поворачивая головы, приоткрыл стекло на четверть, сунул в нос милиционеру какой-то документ и рванул дальше, не дожидаясь, когда страж порядка пожелает счастливого пути.

До института ехали переулками, тротуарами и подворотнями. Машина мелко завибрировала на брусчатке, подпрыгнула на трамвайных путях и остановилась через улицу от бетонного забора. Такие заборы – из чешуйчатых плит – огораживали в детстве Алексея все, что можно было огородить. Перелезть через бетонную плиту было почти невозможно, если рядом не росли деревья или горы мусора. Заграждения, через которые лазить было совсем нельзя, помечались по верху бахромой колючей проволоки.

Забор института прерывался темно-зелеными воротами и дверью проходной. Метрах ста от калитки, перекрыв тротуар, притаились два «пазика» с зашторенными окнами, милицейский «козелок» и пара внедорожников подешевле. Багра́т выскочил из машины, прошелся вдоль рядов припаркованной техники, переговорил с милицейским нарядом, протянул руку в автобус и забрал ее назад уже пожатой. Остановился на тротуаре напротив железной калитки, достал сигареты, но не закурил. Страшный человек и пристав стояли рядом, никакого внимания на закрытую калитку не обращая.

Мимо припаркованной вдаль милицейской машины прошла женщина с хвостом пегих волос. Икры женщины облегали высокие бордовые сапоги, а волосы были прихвачены высоко на макушке. Дама несла спину так прямо и так хлестко выкидывала бедро рывком костлявого таза, что казалось, за пегий пучок волос ее подвесил и тащит невидимый кукловод.

Милиционеры мирно болтали, поникнув автоматами. Проходя мимо автоматчиков, женщина покосилась на длинные стволы и зашпорила к железной калитке. Стражи порядка неторопливо тронулись следом.

– Внимание, – сказал Багра́т, глядя на противоположную сторону улицы.

Алексей тоже хотел выйти из машины, но Багра́т велел сидеть. Женщина с хвостом подошла к калитке и постучала. Алексей видел, что стучит она по-особому, а после отвечает на вопросы вахтера через прямоугольное окошко. Калитка приоткрылась, женщина проскользнула внутрь. Створ начал закрываться, Багра́т сделал быстрое движение и придержал железную дверь. С той стороны дверь пытались закрыть, но страшный человек взялся за верхний угол калитки и вытянул на улицу трех вцепившихся в ручку охранников. Охранники были одеты в голубую униформу и вид имели совсем не героический.

Не обращая внимания на охранников, Багра́т сделал приглашающий жест судебному приставу, и тот приступил к исполнению своих обязанностей под рукой страшного человека. Мальчик в форме двинулся на охранников кожаной папкой вперед. Те от папки отступили, но с прохода не ушли. Представитель власти развернул бумаги. Охранники попытались пригласить пристава внутрь и закрыть за ним калитку, но в узком проходе уже застрял наряд милиции. Милиционеры поговорили с приставом и охранниками. С охранниками строго: те отвечали,

вытянувшись в струнку. За спинами милиционеров просочились внутрь человек восемь в черной униформе с вышитым золотом названием охранного предприятия.

Алексей через открытую калитку мог видеть, как мужчины в черной униформе выстроились в цепь и отсекли от ворот охранников в голубом. Защитники ворот пытались обойти захватчиков, но те вновь появлялись на пути. Толкались плечами, прихватывали за форму, но по-настоящему рук никто не распускал. Пихались тощими животами, как плохо откормленные сумоисты. С обеих сторон стояли усталые мужчины, приехавшие на работу в Москву из далеких пригородов на дежурство сутки через трое. Убиваться за скромную зарплату никто не хотел, однако семьи в далеком Подмоскovie надо было кормить. Поэтому толкались добросовестно, но без азарта.

Меланхоличные милиционеры стояли в сторонке и наблюдали за соблюдением правил в этой новой для Алексея игре.

Черные мундиры отгеснили охранников, распахнули ворота, и на территорию проникли два зашторенных автобуса. Железные створки сомкнулись. Минут десять снаружи нечего не происходило. Потом калитка распахнулась, и из нее вышел плешивый человек. Вышел спиной вперед и все тянулся руками в направлении проходной, пока не осел тощим задом на грязный асфальт. Следом выскочил по-крабьему, боком, еще один, в очках. Пролетел пару шагов и завалился бы, не поддержи его сидящий на асфальте. Удивительно легко выпорхнула через щель дородная дама с мужским зонтом. Притормозила у бордюра, с достоинством прошла пару шагов и долго оттирала дебелие руки от следов чужих ладоней. В спину брезгливой даме влетела растрепанная шатенка с кровавым ртом. Сначала Алексею показалось, что алое вокруг рта от размазавшейся помады, потом увидел, что губы шатенки расцарапаны. Шатенка отерла рот рукавом и выплюнула на дорогу черный шмат. Толпа росла, и за спинами Алексей уже не видел, как покидают территорию свежесвыдворенные ученые.

Беспорядочное шатание людей постепенно переросло в митинг. Красногубая фурия взобралась на бетонную тумбу и к чему-то призывала коллег. Дородная дама привязала алую косынку к зонту и размахивала ею, как знаменем. Тощий мужчина поднялся с асфальта и собирал подписи. Изгнанные вытекли на проезжую часть, мешали движению машин. Толпа обрастала случайными прохожими. Разъехались в стороны створки ворот. В проеме показались шестеро охранников и один грузный человек навывнос. Из особых примет на влекоме были галоши. Алексей не видел людей в галошах уже лет десять, а так чтобы летом – вообще никогда. Выйдя за ворота, охранники с облегчением опустили неподвижное тело на асфальт и ретировались. Толпа замерла в ужасе. Дама с зонтиком приспустила флаг. Выступающая заломила алый рот в крике отчаяния.

– Убили! – закричала она со своей тумбы.

Толпа ахнула. Недалеко от Алексея затряслись в рыдании рыхлые плечи. Мужчина из прохожих плечи успокаивал:

– Кем приходился вам погибший?

– Завхозом.

Лежащий на земле человек вдруг зашевелился. Открыл глаза и, выкинув руку вверх, показал средний палец отступающим охранникам. По толпе прошелестело еле слышное: «Жив!». Прохожий приобнял рыхлые плечи и увел их в безопасное место.

Через забор Алексей рассмотрел, что введение его в права собственника достигло верхних этажей. С улицы было видно, как в помещениях распахиваются двери. Некоторые двери открывались плавно, другие разлетались створками по стенам, как от удара молотом. В распахнутые двери входили люди в черной униформе, и сразу окна ослеплялись опавшими жалюзи. Глазницы окон затягивались белыми бельмами одно за одним, комната за комнатой, этаж за этажом. Алексею подумалось, что так последовательно и бесстрастно выкалывали глаза зод-

чим, создавшим храм Василия Блаженного. И тут же убедил себя, что аналогия неуместна. Там художники от бога, а здесь сухари с пробирками.

Иногда план захвата давал сбои. На третьем этаже бородач в белом халате кинулся к подоконнику с коробкой в руках, распахнул окна и закричал охранникам: «Не приближаться!» Грозил, что уничтожит результаты научной работы за двадцать лет. Бородач орал на всю улицу, но угрозы не действовали. Четыре черных рукава оплели локти шантажиста, ладони его разъехали, и коробка перевернулась. Засверкали в воздухе блестящие пробирки. Алексей не мог видеть стеклянных брызг на асфальте, но слышал звон и видел, как бородач при каждом ударе вздрагивал, словно в него попадала пуля. С последним выстрелом бородач безвольно обвис в объятиях черных мундиров.

На покоренном третьем этаже ожили жалюзи, разошлись рамы, и в оконном проеме вырос страшный человек: гора мышц со скошенной лобовой броней. Сквозь щели глазниц он рассматривал толпу и что-то говорил в огромный правый кулак. На много уровней выше страшного человека стояла женщина. Тоже смотрела в окно: маленькая, подтянутая, сильная. Высокий чистый лоб, морщины у рта, лицо с распахнутыми глазами. В руке женщина держала трубку. Скорее всего, оба главнокомандующих в этот момент пытались вызвать силы, которые могут решить исход операции. Лобовая броня нервничала, видимо, план не предусматривал митинга за воротами. Маленькая женщина выглядела спокойной. За спиной у страшного человека появился Баграт. Он ткнул пальцем в сторону Алексея и поманил рукой. Алексей вылез с заднего сиденья и, распахивая толпу портфелем, стал пробираться к воротам. Баграт в окне пропал. Женщина с верхнего этажа Алексея тоже заметила.

Проталкиваясь между людьми, Алексей видел, как сдаются последние кабинеты. Калитка скрипуче отхаркивала на улицу новых людей.

В группе митингующих появились маргинальные личности ненаучной наружности. Кто-то кинул в ворота бутылкой. В задних рядах возникли люди с плакатами. Пара лозунгов политического содержания, один – в защиту меньшинств и написанный от руки плакат с требованием выселить жильцов из сорок восьмой квартиры. Люди с транспарантами в давку не лезли и охотно позировали случайным фотографам.

Перекрывая плакаты, в кадр залезали девицы с задранными майками и загадочной надписью «ПО» «ОР» на оппозиционных бюстах. Появились новые ораторы и оседлали соседние тумбы с требованием пригласить депутатов, написать президенту, разрешить продажу пива около метро. Гул толпы нарастал. Наряд милиции из-за забора пытался восстановить порядок – через громкоговоритель призывали всех разойтись и опомниться. Женщина в окне выглянула в сторону проспекта и подняла руки в жесте, требующем внимания. Она показывала пальцем вдаль и что-то кричала. Слов Алексей не разобрал, но кто поближе, видимо, все понял. Над толпой пронеслось: «ОМОН».

Люди заволновались, началась паника, маргинальные личности и те, что с плакатами, организованно исчезли. Толпа рванула в одну сторону, потом в другую, но каждый раз откатывала назад, словно натываясь на глухую стену.

Самого побоища Алексей не видел – Баграт приоткрыл калитку и втянул Алексея внутрь. С улицы раздавались крики и сытые чавканья литой резины по летней беззащитности тел. Кричали ученые невыразительно, тонко. Даже не ругались, а скорее скулили от собственного бессилия.

– Это новый хозяин, – представил Баграт Алексея начальнику поста, державшему оборону ворот, – прошу любить и жаловать.

– Пожалуем, – ответил охранник и обмял Алексея взглядом.

Баграт проволоч Алексея мимо поста у входных дверей и впахнул в холл первого этажа. С застекленного стенда на Алексея уставились фотографии передовиков, пожелтевшие от вре-

мени. Перед фотографиями на натянутом красной материей стояла огромная голова Ленина и пялилась на вошедших мраморными бельмами. Голова смотрела далеко в будущее поверх жирных комьев грязи, втопанных в мраморный пол рифлеными подошвами штурмовиков.

Операция подходила к концу. Оставшихся сотрудников выводили через боковой выход, под конвоем людей в черном доставляли к воротам и оттуда, тщательно обыскав, выпроваживали на улицу. Коридор первого этажа был зачищен – из кабинета в кабинет деловито ходили человек с блокнотом и сопровождающий его фотограф. Деловитый человек что-то записывал, фотограф взблескивал вспышкой, потом они пропадали внутри и через пару минут повторяли действие у следующей двери.

– А вот и наши герои, – радостно заулыбался фотограф. – Позвольте ваш портрет на фоне Ильича. Прекрасная получится композиция. Даже подпись уже придумал: «Вожди новой эпохи».

Фотограф находился в том возбужденно-восторженном состоянии, которым часто прикрывают смущение люди по воспитанию приличные, но вынужденные участвовать в деле не совсем красивом. Когда Алексей был богатым, он не раз наблюдал восторженный стыд рафинированных знаменитостей, привлеченных для украшения банкетов жрущих руками нуворисшей.

– Меня не надо, а вот представителя акционеров, пожалуй, зафиксируй. – Баграт отошел в сторону.

– С удовольствием. – Фотограф прицелился в Алексея и сложился локтями и коленями в охоте на нужный ракурс. – А теперь на фоне передовиков производства.

Вспышка сверкнула еще пару раз. Баграта позвали, и он заспешил по коридору частым перебором коротких ног.

– Ой, да вы уже в передовиках! – продолжал радоваться фотограф.

– В смысле? – удивился Алексей.

– Да вот, фотография ваша на стенде.

Алексей обернулся и увидел фотографию с подписью «Бальшаков». Не свою, конечно, фотографию, а отца. На той фотографии отцу под сорок, почти как сейчас Алексею. Отец с фотографии глядел строго, жестко, как и другие снимки, – осуждающе.

– Не надо больше фотографировать, это не я, – попросил Алексей, загородился портфелем от новой вспышки и бросился по коридору догонять Баграта.

– Да как же не вы? Одно лицо! – не верил фотограф.

– Не я! – кричал из глубины коридора Алексей.

Алексей поднялся на два лестничных марша и заглянул в коридор – Баграта нигде не было. Алексей побежал на четвертый этаж – там охранники ломались в какое-то особо укрепленное помещение – возможно, кассирша забаррикадировалась за сейфовой дверью.

У входа на пятый этаж была пара охранников, но штурм сюда еще не докатился. Около охранников стоял Баграт и командовал в трубку прислать подкрепление для штурма директорского этажа.

– Камилла заперлась, – пояснил он Алексею. – Придется дверь выбивать.

– Это ужасно! – возмутился Алексей. От быстрого подъема по лестнице дыхание его сбилось, выкрик получился каким-то писклявым.

– Ничего, выьем, – успокоил Баграт.

– Ужасно, что происходит вокруг. Это зверство!

– Не спеш с выводами, – предостерег Баграт. – Восторженную оценку событий даст завтра пресса.

– Мы не имеем права!

– Хорош истерить. – Баграт посмотрел на Алексея с презрением: – Ты, похоже, так и не вырос.

– Пустите, я должен сам. – Алексей протиснулся между охранниками и побежал к кабинету Камиллы. Охранники вопросительно посмотрели на Баграта, но тот только пожал плечами: «Пусть ломится».

Алексей добежал до тяжелой двойной двери приемной и постучал. Ответа не было. Алексей загромыхал кулаком. Тишина. Тогда Алексей пихнул дверь ногой и закричал:

– Откройте! Это я!

Замок щелкнул. Потом еще один, и навалившийся на дверь Алексей влетел в помещение. Там стояла Камилла Андреевна. Одна. Прижимая к груди тяжелую картонную папку, будто собиралась обороняться ею от захватчиков.

Женщина была бледна, но собрана. На Алексея смотрела с тем же презрением, что и Баграт.

Баграт в это время совещался с телефоном и посматривал на директорскую дверь.

Дверь эта запахнулась через пару минут, и Алексей вылетел в коридор. Бросился к Баграту. Схватил его за кожаную куртку свободной рукой:

– Прикажи охране уйти.

– И солнцу остановиться. – Баграт ударом по запястью скинул руку Алексея.

– Это незаконно!

– Или торжество закона. – Баграт смотрел мимо. – Я убью тебя. Проводите товарища, – он показал взглядом на Алексея, – велите на воротах, чтобы выпустили.

Охранник что-то сказал в рацию и, жестко прихватив Алексея за плечо, подтолкнул к лестнице. На первом этаже запахнул дверь и выставил Алексея на крыльцо.

Захлопнул дверь. Внутри проскрежетала задвижка.

Алексей, растирая плечо, пошел к воротам, охранник его узнал, но на всякий случай переспросил рацию. Видимо, Баграт был занят, новых инструкций не последовало, и охранник выпустил Алексея равнодушно – без того уважения на лице, которым он встречал нового акционера, но и без унижительной процедуры обыска, которому подвергались остальные сотрудники.

Новый собственник выбежал за ворота, когда мостовую уже очистили от бунтовщиков. Было много мусора. В мокрый бордюр некрасиво вцепилась вставная челюсть. От дородной дамы остался растоптанный зонт. Высоко на ветке висела одинокая галоша. Сложно было представить, как тучный бунтарь мог вскарабкаться на такую высоту. Вокруг валялось много раздавленных оправ.

Силуэты в черных шлемах еще двигались по полю сражения. Стражи порядка подошли к джипу Баграта, проверили номера и ничего не сделали.

Алексей оглянулся на здание – оно приняло капитуляцию белыми полотнами жалюзи. Осмотрелся и метрах в ста увидел, как уминают в автобус последних демонстрантов. Трое пихали в салон грузного человека в галоше. Он что-то орал и упирался растопыренными конечностями. Потом наткнулся печенью на черный жезл, съезился и засипел, как надувная кукла, из которой выпустили воздух.

Два милиционера, приняв Алексея за бунтаря, двинулись к нему. Алексей ждать не стал и сам решительно пошел к автобусу, продумывая на ходу вступительную фразу – начало должно быть энергичным, чтобы все поняли, кто тут главный. Замедлил шаг, нащупывая в кармане документ о собственности – без документа они не разберут, кого надо слушать. Подошел сбоку к самому толстому милиционеру – решил, что тот здесь командует.

– Простите, – начал Алексей твердо.

– Тебе, мля, чего? – развернулось к нему широкое лицо.

– Я акционер.

– Да у меня уже три автобуса таких акционеров.

– Вы должны меня выслушать.
– Лезь в автобус, там всех выслушают. – Черная крага больно сдавила плечо. Рация стража порядка нечленораздельно захрипела, и он ослабил хватку.
– Гуляй лесом. – Черная рука оттолкнула Алексея в сторону.
– Как акционер я обязан... – продолжил Алексей, отступив на всякий случай пару шагов к скверу. – Как гражданин... и как порядочный человек.
– Мля, ты сначала сам реши, кто ты. – Собеседник развернулся к Алексею широкой спиной с надписью «Милиция». После влез на подножку, поговорил в рацию. Двери закрылись, колонна тронулась. Алексей сделал еще пару шагов к скверу, обернулся на автобусы, отметил краем глаза Баграта в распахнутом окне – тот по рации командовал зачисткой недовольных.
Алексей подобрал чьи-то разбитые очки. Побежал за удаляющейся колонной. Заорал в никуда: «Вы не имеете права!» Поднял с газона вывернутый кусок дерна, вместе с оправой бросил вслед автоколонне. Задохнулся. Постоял, упершись грязными руками в новые брюки, размазал влагу по потному лицу. Снова побежал. Перешел на быстрый шаг. Остановился и посмотрел назад – погони не было.

Город укорачивает человека на расстояние от переносицы до горизонта. Отбирает перспективу. Лишает взгляд свойства бесконечности. Загнанный в отсеки комнат, глаз топчется по стенам, крошится деталями интерьера, запутывается в клубок. Разбежавшись в желобе проспекта, взор кромсается на лоскуты острыми углами рекламных щитов, с разгона разбивается об отбойник небоскреба.

Взору в городе пойти некуда. Глазам в толпе тесно, они ныряют вниз. Натеревшись до красноты о серый наждак асфальта, поднимаются по спинам прохожих, ищут разнообразия во встречном потоке лиц и тут же опадают, подрезанные прищуром подозрительных век.

Пространство мегаполиса разбито на короткие отрезки: от дома до магазина, от магазина до метро. Вакуумный шприц метрополитена протягивает по подземным туннелям сочные гирлянды в натуральной металлической оболочке. Спрессованные вагонами люди не жаждут единения. Нормальный пассажир желает отлепиться от рыхлого, кислого, с острыми костями локтей человеческого холодца. Состоятельные горожане консервируют личное пространство в порционной жестяной упаковке. Но в машине вместо подвешенной за поручень влажной подмышки в нос водителя упирается кудрявыми испарениями выхлопная труба грузовика. Именно в часы пик, в бесконечных пробках придумывал Алексей, как замечательно и бесконечно будет жить вдали от колючего ошейника МКАД.

В деревне все наоборот. Пространство шероховато, но монолитно. Взгляд прыгает на жирных гребнях пашни, обтекает тощие жерди ограды, процарапывается по плоским пикам трав. Дальше шероховатости пейзажа растушевываются законами перспективы, и трение о мелкие детали взора не тормозит. Разогнавшись до скорости света, глаз сшивает мироздание в единое лоскутное полотно. Оттолкнувшись утром от тугого восточного горизонта, око может бесконечно скользить по монотонному пейзажу, пока не упрется в оранжевый занавес заката.

За закатом наступает ночь. Про деревенскую ночь – густую, непроглядную, жутковатую – Алексей до переезда сюда ничего не знал.

Деревенские сумерки скатывают рулон горизонта к наблюдателю, как нерадивый муж пинает ковер. Пропадает перспектива, пейзаж становится плоским. Размытые контуры передвинуты от горизонта к забору. В безлунные ночи темнота перехлестывает через ограду и заклеивает окна черным бархатом. В такие вечера Алексею казалось, если он захочет выйти, то вязкая темнота не позволит отворить дверь. В дни черного новолуния Алексей хотел сбежать в столицу. Вспоминал, что после заката город совсем другой.

Город ночью щедрый. Пространство, одолженное у человека при свете, город ночью возвращает сполна. Раздвигает горизонт до далеких огней телебашни. Запаляет свечи небоскре-

бов, воткнутые в маслянистые ломти кварталов. Приставляет косые подпорки прожекторов к шпилям сталинских высоток.

Ночной мегаполис похож на освежеванную тушу. Вывернут наружу. Выставил внутренности напоказ. На максимум выводит контрастность в витринах бутиков. Высаживает ярких женщин за окнами ресторанов. Оживляет шторы квартир силуэтами людей, обнаженных до полутени.

Кровеносная система мегаполиса насыщается темнотой. Красные тельца стоп-сигналов пульсируют в артериях магистралей, продираются сквозь тромбы дорожных пробок, рассасываются по тонким сосудам переулков. Ярко-рубиновый центр прокачивает через свои предсердия эритроциты автомобилей, заряжает их и выдавливает через клапаны мостов. Ночной город – это бешеный драйв, пульс сто пятьдесят ударов в минуту, глаза, выскивающие ответный взгляд в барном зеркале. Мегаполис разливает суррогат жизни в кофейные чашки, в запотевшие бутылки, соленые бокалы с долькой лайма и щедро подпаивает злой силой выжатых днем горожан.

Вне города энергия жизни существует в натуральном, непереработанном виде. Сила сочится из земли, свободной от смирительной рубашки асфальта, из деревьев, у которых небо-скребы не крадут солнца, из воздуха без свинцовой отдушки выхлопного газа. Горожанин не может жить этой силой, как не могут дышать в воде млекопитающие, покинувшие океан миллионы лет назад. Алексей задыхался разреженным воздухом деревни. Полного вдоха не хватало, чтобы насытить мозг. Сидел, сгорбившись, на ступеньках. С трудом доходил до деревянного сарая. О походе на обрыв даже подумать боялся.

Прошло две недели после захвата НИИ. Про Алексея словно забыли. Трубка молчала, черный джип не приезжал. Алексей знал, что приговорен.

Он больше не встречал Ольгу у калитки. Прятался от света фар в спальне за занавесками. Страх перехватывал горло. Лишь убедившись, что приехал маленький «Пежо», Алексей мог вздохнуть и проглотить спазм. Услышав голос Ольги, страшные видения прятались за занавеску. Ольга пыталась поговорить, понять, помочь. Алексей лишь злился и орал, что она во всем виновата. Ольга плакала. Рисовала углем грустных людей под проливным дождем. Алексею становилось стыдно, он садился на ковер и прятал лицо в ее коленях. Она перебирала его волосы, что-то рассказывала. Как в детстве, когда между страхами мира и маленьким человечком стоит самая сильная и самая бесстрашная на свете мама. Алексей засыпал в объятиях Ольги, но близости не было. Чтобы овладеть, нужен кураж, а Алексей был пустым. Ольга уезжала, и страх опять хозяйничал в доме.

Алексей защищался, расставлял по углам иконы, жег в комнатах освященные свечи, высыпал на пороге соляной крест. За этим занятием как-то застал его Василий.

- Ты что это, дом на зиму засаливаешь? – удивился сосед.
- Бабка научила, – пояснил хозяин, – чтобы нечисть в дом не ломилась.
- Зря продукт переводишь, нечисть, она изнутри лезет.

Сосед оказался прав – ужас не проходил. Истекал ужас из страшного человека и густой массой двигался к лежащему на кровати Алексею. Он пытался бежать, но не мог выпутаться из простыней. Барахтался, пробовал вырваться или хотя бы понять, что его держит. Потом догадался, что держит Ольга. Она лишала его свободы, воли, силы. Она своими тонкими щиколотками оплетала его ноги и мешала бежать от страшного человека. Она была причиной его несвободы. Стоит ему заснуть, и страшные руки проникнут через стену и выжмут в лоскуты острые конусы ее грудей. Он вскрикивал, ощупывал пустую кровать рядом с собой.

Грязно-зеленая желчь страха выплескивалась наружу и отравляла ночь, мозг, дом Алексея. Он не мог заснуть, вскакивал, метался по дому и, найдя женскую вещь, с силой швырял ее об стену. Засорял эфир короткими упреками сообщений. Набирал молчавший номер без

перерывов. Утомившись, засыпал в кресле. Проваливался в новый кошмар, выжатый истерикой, бессильный дойти до кровати.

Сон не дарил успокоения. Ужас перед черным человеком смешивался со страхом потерять Ольгу. Яд проникал в ночные видения сценами ее измен. Сцен безобразных, грязных, противоестественных и в то же время возбуждающих его воображение до кульминации, когда мозг отключается и дарит узнику страха несколько часов забвения.

Просыпался Алексей никем. Очнувшись, долго нащупывал себя – собирал человека божьего из осколков детской памяти, солнечных зайчиков на простыне и запаха Ольги, пропитавшего подушку. Выдирает спину из лужи черного безумия, смывал остатки ночи ледяной водой и тащил тело к обрыву.

Молитва сотворялась все реже. Если вдруг начинала звучать, то вытягивала скрюченное тело вверх, и из перемешанных страхом осколков восставал человек. Светлый восставал человек, с огромной нежностью к миру. Так после тяжелой болезни человек способен на простое сострадание к беспомощности всего, в миру живущего. В такие моменты ангел стоял за спиной и смеялся. Алексей не решался обернуться и посмотреть.

Ночью страх брал в союзники темноту. Алексей, стараясь обмануть время, пораньше укладывался в кровать, но лишь разметывал себя по простыням. Бредил наяву, вслух разговаривая с воображаемым милиционером, недалеко от развальцованного бетонным молотом «Пежо»:

– Где ночевала погибшая?

– Где-то у подруги.

– Знаете, что женщина погибла не совсем одна?

– Нет. И не хочу. Бред. Я тут ни при чем. Прекратите этот допрос немедленно! Я имею право на адвоката.

Алексей знал, что это случится километрах в пятидесяти от деревни, там, где дорога резко изгибается под мостом, и малейшая ошибка, замерзшая лужа, неверный маневр в продавленной большегрузами колее сделают встречу автомобиля и опоры неизбежной.

Приехав поздним вечером, Ольга обходила комнаты и подбирала с полу свои покалеченные вещи. Не тряпок было жалко. Треснувший пополам фен или сжавшаяся на полу блузка приводили ее в отчаяние, как приводит в отчаяние проявление новых симптомов смертельного заболевания у любимого человека. Кот оказался ябедой и, встречая Ольгу, плаксиво жаловался на ужасы, пережитые в мире чужого безумия.

Никодимыч трубку не брал. Алексей звонил в течение трех дней после штурма, писал сообщения с просьбой перезвонить. Без результата жал кнопки домофона на железной двери подъезда.

Тишина. Звонил опять. «Абонент вне зоны связи». На следующий день пробовал повторно. «Номер не обслуживается».

Два дня караулил Чистякова у подъезда – без результата. Ждал еще два дня – не может же бесследно раствориться женатый человек с тремя детьми. Оказалось, что может. Много позже из обрывочных рассказов бывших одноклассников узнал, как Никодимычу угрожали, как бегал тот с семьей из города в город, как однажды не успел сменить места до приезда Баграта с бригадой.

Были и хорошие слухи – что Чистякову удалось уйти, да и вообще он никуда не бегал. Рассказывали в деталях, как Никодимовна огрела сковородкой мелкого питекантропа, зашедшего покошмарить Чистякова, что нашлись хорошие люди, которые бухгалтера спасли. Алексей хотел верить хорошим слухам, про Никодимовну со сковородкой звучало очень правдоподобно, да и хорошие люди у Никодимыча действительно ходили в друзьях.

Последний год их деревенской жизни начался преступлением Ольги, разбитой топором калиткой и воспалением легких у Алексея.

Преступление было тяжким – Ольга осталась на новогодний корпоратив и тем превысила разрешенный ей срок отсутствия. Калитку по этому поводу приговорил к порубке он сам. Немедленно привел приговор в исполнение и долго корежил лезвие топора о тяжелую щеколду, вымазанную прикосновением страшной руки. Воображал, что рубит пальцы, протянувшиеся к его мирку. Пальцы не поддавались, лезвие отскакивало от них, покрываясь зазубринами. Алексей выдохся, ополз на снег, задремал. Чуть не замерз в месиве из снега и щепок.

К счастью, год был теплым, и Ольга приехала не слишком поздно. Над Алексеем не рыдала, а зло била по щекам, отволокла в дом, поливала сморщившееся на поддоне тело из горячего душа, завернула в одеяло и, влив насильно литр горячего чая, всю ночь согревала собой. Перепеленывала, натирала грудь водкой, заматывала вновь, вливая горячий чай. Без слез. Без упреков. С сухим отчаянием. Взяла отпуск за свой счет, нянчилась с Алексеем, и он поправляться не спешил. Оплетал слабыми руками ее бедра, твердил, что Ольгу любит, умолял его не бросать. У ее лона окреп и восстановился в своих мужских правах.

В феврале Ольга все же вышла на работу. Во вторник спросила у Алексея, как бы он хотел назвать их дочь. Вернувшись в четверг, ночью нашла дом полуразрушенным. Убирать не стала. Пробралась в спальню, перешагивая следы разрухи. Долго и жалостливо гладила по волосам Алексея, который, отвернувшись к стене, притворялся спящим.

– Я пошутила про дочь, – успокоила она его во время завтрака.

– Дурацкая шутка.

– Прости, я больше так не буду.

– Обещаешь?

– Честное дизайнерское.

Алексей поверил.

– Мама неважно себя чувствует, я съезжу к ней на пару недель, – сообщила Ольга на следующий день.

– На пару недель! Ты шутишь?

– Но, может, она пораньше поправится.

– Ты спрашиваешь или просишь?

Алексей не ответил. Ольга уехала, как обычно. Алексей боялся, что она не придет уже тогда, но в ночи среды услышал влажное шуршание шин.

– Еле доехала, кажется, что-то с тормозами, посмотришь? – Это Ольга вспомнила позже, за пару дней до отъезда.

– А вчера не могла сказать?

Алексей пошел во двор, открыл желтый капот, долго светил фонариком в металлическое чрево, с трудом залезал в тесный салон, жал на педали, заглядывал под днище. Похоже, надломился закопченый от времени тормозной патрубок. На земле смертельной метастазой разрасталось иссиня-черное пятно. Видимо, деталь надо было менять – это совсем не сложно, два часа поездки в город да еще минут сорок на сервисе.

Алексей захлопнул крышку капота. Размял в пальцах сигарету. Долго курил, закинув голову вверх и поплеывая в небо дымными кольцами. Вернулся в дом. Тщательно оттирал на кухне руки. На столе в комнате обнаружил древний чемодан. Ольга укладывала вещи, оглаживая каждый предмет пальцами. Алексей прошелся по комнате, шумно пнул замешкавшийся стул, подошел к окну и сообщил результаты технического осмотра:

– Да вроде все нормально, можно ездить.

– Спасибо, милый.

– Не за что. Правда, не за что.

– Я тебя люблю. Бесконечно, безнадежно, за двоих.

- Я тебя тоже.
- Ты не сказал как.
- Безумно, без тормозов, смертельно. Как никто другой уже не будет.

Потом Ольга ходила по дому, кажется, без цели, но за ней исчезали вещи. Те вещи, что не стали еще жертвами ночных истерик Алексея, спешили выскользнуть из дома и спрятаться в салоне желтого седана.

Накануне отъезда Ольга вытащила Алексея прогуляться. Шли молча. Алексей смотрел в землю и втапывал в пыль проворотом подошвы чахлые ромашки. Дошли до храма. Конец толстой цепи раскачивался на ветру и отбивал глухую дробь на ржавой решетке ворот. За оградой вошли в силу сорняки. Расчищенную Алексеем тропу к алтарю пожрали жирные кусты чертополоха.

Ольга подошла к почтовому ящику, оттянула кверху металлический язычок, произнесла:

– Откройте рот. Вот так. Не дышите.

И засунула в узкую щель конверт.

– Что это? – спросил Алексей.

– Угощение для почтового ящика.

– Зачем сейчас бумажные письма? – удивился Алексей.

– Если не кормить, то ящики умирают. Ты видел, сколько их подохло на заборах пустых домов?

– Не смешно, – проворчал Алексей. – Кому письмо?

– Человеку, которого я очень любила.

– И теперь еще любишь?

– Теперь я живу с тобой.

– Если меня не станет, ты вернешься к тому?

– Какого тебя? – переспросила Ольга.

– Такого, какой я есть, – ответил Алексей раздраженно.

– Вернусь обязательно, – подтвердила Ольга.

– Куда дальше? – спросил Алексей.

– Не знаю, – и уже ящику: – Можете закрыть рот. Приятного аппетита.

– Сюда не ходят почтальоны, – произнес Алексей из вредности.

– Обними меня.

Постояли сомкнувшись. Глядели в разные стороны: Алексей – на незакрытую калитку своего дома, Ольга – на дорогу из. Внезапно она подобрала локти, оттолкнулась от шинели Алексея и побежала по улице. Обернулась, крикнув: «Догоняй». Остановилась.

Алексей догонять не пустился. Постоял. Сделал пару неторопливых шагов к Ольге. Она отбежала еще. Он ускорил шаг – она отбежала, широко раскинув руки-крылья. Из-за заборов показались лица любопытных дачников. Алексей развернулся на каблуках и зашагал к дому. Резко обернулся и поглядел назад. Ольга не пошла следом. Перед тем как зайти на двор, еще раз оглядел пустую улицу.

Встретились уже дома. Часа через два. Алексей сидел, уставившись в выключенный экран. В руке стакан. На столе – полупустая бутылка.

На скрип открывающейся двери спросил: «Зачем удрала?»

С тем же скрипом дверь захлопнулась. «Потому что ты не смог меня удержать».

Поставила в стакан букет диких маргариток. Пошла в душ. Алексей слушал шум воды из приоткрытой двери. Босые шаги в спальню. Уронила полотенце, проходя мимо. Он продолжал сидеть неподвижно. Так в кресле и заснул.

Ранним утром Ольга пробежалась по комнатам в последний раз. Нашла забытые бусы и накинула их поверх шубки. Тяжелые камни сразу утонули в глубоком меху, и лишь центральный медальон отливал на груди пуговицей-переростком.

- Борщ в холодильнике.
- Жрать – дело свинячье.
- Я поехала.
- Да, пока.

Фаршированная сумками машина не хотела ехать и проскальзывала ведущими колесами по мокрой траве. Алексей уперся грудью в багажник, сильно толкнул, завалившись на колени.

Когда автомобиль начал удаляться, Алексей попытался все вернуть, потянув машину за бампер назад. Но руки сорвались с обтекаемой поверхности, порезались о края номерного знака.

От деревни до места катастрофы ехать было тридцать три минуты. Все это время Алексей сидел в гостиной, упершись локтями в стол, подняв сочащиеся кровью ладони вверх и слушая метроном секундной стрелки. Время стало жестким, холодным, с металлическим привкусом. Привкус времени он ощутил, поймав языком алую каплю, которая спешила вниз по грязной линии жизни. Алексей считал удары. Цифры росли в голове и позволяли не думать.

Счет дошел до одна тысяча девятьсот восьмидесяти. Раздался взрыв, взметнулось пламя. Алексей очнулся от оцепенения и уставился на печку, где прогоревшее полено исходило огненными языками.

– Товарищ милиционер, я все рассказал, честь имею. – Мужчина за столом произнес это громко, в никуда, и, приложив руку к вязаной шапочке, отдал честь невидимому собеседнику.

Затем встал, прошел в ванную, отер кровь о розовый халат и запихнул его в печку. Позже за халатом отправились тапочки-котятка и зубная щетка. Когда от женщины ничего не осталось, в топку отправилась фланелевая рубашка Алексея. Ее любимая.

На верхней полке в шкафу нашел Бальшаков незаконченную картину. Черный осенний лес, и только дорога, высланная алыми кленовыми листьями, светится в ярких лучах.

Холст прогорел моментально, потом бока подрамника. Центральное перекрестье пылало дольше всех.

Расправившись с вещами, Бальшаков взял тряпку и начал выводить следы. Брызгал подоконники аэрозолем, широко проводил по ним сукном, а потом, нацепив материю на отвертку, выскабливал щели, в которые могла забиться память.

В ночь после катастрофы Алексей спал спокойно. Знал, что ничего не случится. Приступов безумия не было. Не было кошмарных снов. Черного джипа не боялся – теперь у Алексея нечего было забрать.

– А на-ка, брат, выкуси, – совал Бальшаков кукиш в нос страшному человеку. – Нет у меня ничего. Нет!

Никогда больше не снился Алексею злополучный мост. Уставший милиционер, наконец, получил освобождение от еженедельных изнуряющих допросов. Напрасно Алексей кричал служивому вслед: «Не убивал ее. Не ходите за мной!» – и в доказательство своей правоты тянул вслед капитану отмытые от крови руки. Все напрасно. Капитан дело уже закрыл, Бальшаковым не интересовался и лишь уходил от криков по ночному шоссе. Догнать сутулую серую спину до пробуждения Алексею не удавалось. Оправдаться было не перед кем.

Утром начиналась обычная размеренная жизнь. Ранний подъем. Холодный душ. Хлопоты по хозяйству, но без особого рвения. Много книг-губок. Мягких, пористых, толстых томов.

Книги-губки впитывали время. Алексей брал книгу с полки и широким движением от утра к вечеру стирал из жизни еще один день. Так хозяйка стирает жирную грязь со столешницы. Только после плохих книг слой грязи становился еще толще.

После чтения он сидел в гостиной под ровное тиканье часов. С каждым «тиком» отлетали сутки. Пил много. Водка пахла нехорошо. Бальшаков зажимал нос и закидывал стакан в

воронку рта. Утром нехорошо пахло от Бальшакова. Первые недели он запах замечал. После перестал, но кот брезгливо обходил хозяина и ночевал неизвестно где.

– А кто сейчас не пьет? – оправдывался Алексей перед котом. – Ты же должен понять. Ты же мое мясо жрешь.

Кот не понимал. В Бальшакове вдруг поднималось бешенство, он хватал, что попало под руку, и швырял в кота. В приступе ярости метнул кочергу так сильно, что она вошла на пару сантиметров в деревянную стену, да так и осталась торчать.

Жить стало не страшно, да, в общем, и незачем.

Футляр был по-прежнему заперт. Бальшаков поднялся, выбрал из ящика с инструментами толстую силовую отвертку и, придвинув острый край к коробке, приставил металл к отороченной бархатом щели. Надавил. Створки не поддавались. Схватил молоток, замахнулся, но не ударил. В последний момент вспомнил, что в коробке может быть яйцо, и кто знает, чья жизнь хранится на конце иглы.

Допил водку прямо из бутылки и тут же заснул: сидя, скрючившись в кресле вокруг футляра, прижимая его к животу, словно и вправду теплилась на кончике иглы крошечная жизнь.

Прекратил одеваться. Бродил по дому нагишом, а во двор за дровами выходил, набросив старый халат. Шел по двору неровно, задевал оторванным носком ботинка землю и заваливался набок, рассыпался по двору вместе с охапкой дров.

Малейшая неудача приводила Алексея в ярость, он знал, кто виновен, и кричал хрипло: «Подписывать не буду. Зря приехали. Никто тут не живет. Нету здесь ничего, нету».

В подтверждение своих слов Бальшаков распахивал полы халата и выставлял себя – грязного, голого, заросшего – под холодный осенний дождь. Молотил по штакетнику скрученными концами грязного пояса.

Кот ушел. Василий пропал. Ни одна труба в деревне не оживала с утра смолистым витым дымом.

Настало первое безлунье сентября. Днем солнце прихватывало, под утро дом выстывал. Алексей зябнул, но топить ленился. Он простыл и просыпался по ночам от собственного трескучего кашля. Наконец заставил себя дойти до дровяного сарая. Выбрал самые тяжелые чурки – дуб. Горит жарко, языки пламени раскаляет добела, прокаливает жилище запахом сухих желудей.

Прихватил несколько палочек помельче. Набрал с влажного пола щепы. Обшарил поленницу, но не нашел ни клочка берестяной коры. В летней круговерти не позаботился о предстоящей зиме.

Натаскал дров с запасом. Сложил поленья в очаг. Щепу шалашиком под низ. Охлопал себя по карманам. Нашел растрепанный коробок. Внутри пять целых спичек и еще три прогоревшие засунуты в щель под выдвижной короб.

Чиркнул серной головкой. Поднес к растопке огонь. Держал долго, удивлялся, как пламя прижимается к кончикам пальцев. Боли не чувствовал. Дерево не занялось. Алексей зажег вторую спичку и следующую вслед за ней – щепка снизу потемнела, задымилась, подразнила недолго вялым огненным язычком.

Алексей схватил последнюю спичку, занес над коробком, но остановился. Посмотрел вокруг. Не нашел ни клочка бумаги, годного на растопку. Пошарил в сенях – лампочка перегорела, и вещи прятались в темноте. Дошел до калитки, открыл почтовый ящик. Газет Алексей не выписывал, рекламодатели им не интересовались. На землю из ящика вывалился одинокий конверт.

Алексей нагнулся. Странное письмо. Адрес получателя прописан неразборчиво, вместо имени адресата слово «Победителю».

Зато обратный адрес прорисован печатными буквами, по-английски, словно он и есть в этом письме самый главный. Над индексом надпись: «Вскрыть первого января двухтысячного года».

«Глупость какая», – подумал Алексей, но уже ни в чем не уверенный, заспешил в дом, посмотрел на календарь. Все нормально. Он еще не сошел с ума – на дворе осень две тысячи четвертого.

Конверт тощий. Алексей надорвал его посередине и нашел сложенный пополам лист бумаги. Чистый лист.

– И то польза.

Алексея знобило. Он не мог сейчас думать ни о чем, кроме огня. Для городских жителей огонь редко является синонимом жизни. Чаще даже наоборот. А для людей деревенских и для скитальцев нет ничего важнее горсти тепла. Тому, кто не промерзал подолгу и насквозь, невозможно представить, как жар можно пить, хватать пригоршнями, растирать по телу, запасать впрок в прожаренных насквозь подошвах и толстых покрывах свитеров. Как может спасти жизнь горсть тепла, спрятанная за пазуху горячими ладонями.

Алексей положил половинку бумажного листа поближе к щепе и зажег последнюю спичку. Бумага почернела, выгнулась, пошла синеватыми язычками. Прогорела моментально, и Алексей поспешно бросил пламени вторую половину листа. Язычки перекинулись на растопку. Такие несмелые, что пришлось сразу бросить в огонь еще и половину конверта. Дерево занялось поувереннее. Пламя взошло лохматым колосом. Зацепилось за обрез дубового полена, осело вниз и завязалось плотным оранжевым узлом под перекрестьем шалашика. В руках Алексея остался обрывок конверта с заграничным адресом.

В дымоход потянулись смоляные нити. Раздался шорох. Затем стук. Алексей оторвал взгляд от огня – стук повторился. Выглянул в окно – на крыльце никого не было. Побежал к входной двери – стук повторился за спиной. Сомнения не было – звуки раздавались из печной трубы, из дополнительно колена, выгнутого буквой «Г».

Алексей бросился к крану, налил кастрюлю воды, размахнулся, чтобы плеснуть воды, но поперек движения заметил на полу пустой коробок спичек, и замерзшие руки не посмели удушить пламя – вода пролилась мимо, на угол камина. Лишь пара капель попала в топку. Огонь недовольно зашипел, но не погас.

Алексей схватил отвертку. Поспешно выкрутил из трубы восемь саморезов – по четыре с каждого торца кривого колена. Схватился за трубу. Обжегся, но рук не отпустил, пока не выломал из печного стояка изогнутую секцию. Более терпеть не мог и отбросил железо на пол. На ковер вывалился ворох прутьев и задохнувшийся дрозд. Возможно, птицы свили гнездо еще весной – камин не топился с мая. Из сломанного дымохода в комнату повалил дым. Сухие дубовые поленья принимались хорошо, дымили в меру, но все равно через несколько минут потолок затянуло дымом.

Алексей распахнул окна. Дым не выходил. Алексей схватил поварские варежки – неуклюжие, тупые, однопалые – и, вытряхнув из кривой железяки остатки мусора, нахлобучил звено на дымоход. Ударом рукавицы воссоединил целостность трубы с верхними секциями. Распахнул двери в спальне, и ветер вытянулся через комнаты насквозь, увлекая за собой удушливый дым. Алексей помогал сложенным полотенцем.

Чуть не наступил на дрозда – успел заметить краем глаза, что птица зашевелилась. Бросил полотенце, нагнулся, и несколько секунд птица изучала Алексея черным, подернутым пленкой глазом. Алексей протянул руку. Птица дернулась, криво взлетела, ударилась о потолок и стремительно ринулась к окну. Не к распахнутому оконному створу, а к застекленной по-зимнему раме на западной стене, куда звал беглянку последний отблеск заходящего солнца.

Алексей попытался остановить птаху, но еще больше напугал, та на полной скорости ткнулась в стекло клювом. Упала на подоконник без движения. Алексей взял птицу в ладони. Отругал: «Дуреха ты, дуреха». Вынес на улицу.

Птица лежала в ковшике ладоней без движения. Алексей зачем-то подышал на нее, но сам отшатнулся от смрада, отраженного ладонями. Поместил птицу в луч солнца – тоже не помогло. Тогда он подкинул птаху в воздух, в надежде, что та полетит, замашет крыльями, как начинает работать руками сброшенный в воду пловец. Чуда не произошло – пернатая тушка рухнула в траву. Упала упруго, как на пружины – жесткие травинки уже прихватило вечерней изморозью.

Алексей вернулся в дом. Огонь горел. Из изгиба трубы вились под потолок тонкие струйки дыма. Алексей затянул винты. Встал перед камином на колени – расстегнув рубаху до пупа, широко расставив руки, зажмурил глаза. Обожженные ладони припекало. Он раскачивался на волнах тепла, прятал ладони и повторял: «Дуреха ты, дуреха».

В следующий день Алексей дома не покидал. Может, и в следующую неделю – кто их без дела будет разбирать. Пил вместе с камином – огонь ярко распахивал пасть навстречу выплеснутым в него остаткам. Спал, где упадет. Иногда вскакивал, словно прислушивался.

Через неделю, а может, и через месяц проснулся от птичьего пенья за окном. Прошептал, улыбаясь: «Дрозды поют. Зажила, дуреха». Выбежал на улицу. Причитал: «Жива птаха, жива». Высматривал знакомую птицу. Но взгляд Алексея искал не на небе, а на траве.

Секундная стрелка с хрустом перебирала недели. Он смотрел в окно и ждал. Лежал, скрючившись на кровати под подоконником, мечтал услышать тихое «Привет, милый», знал, что подобное уже невозможно, но на каждый звук подтягивался к подоконнику. На обрыв идти боялся. Прятался дома. Пил. Ждал ангела. Чтобы тот унес его в небытие на широком размахе своих белых крыл.

К счастью, ангел Алексея оказался с руками. Холодными жесткими пальцами он схватил человека за сердце и держал крепко, не давая вздохнуть, пока маневрировал по бездорожью разбитый «пазик» «Скорой помощи». Слепящими глазами ламп в операционной рассматривал ангел человека, когда врачи отскребали из груди грязный налет. А после сердце отпустил и провел по глазам ладонью.

В больнице Бальшакова навещать было некому. Лежал, уставившись в потолок, в своей восьмиместной палате. Завидовал соседу-старичку, к которому ежедневно с древним китайским термосом приходила такая же древняя жена – стучала по коридору облупившейся клюкой: пять ударов, длинная передышка, еще пять ударов. На Т-образной ручке болтался выцветший пластиковый пакет, который раскачивался, словно маятник, и шуршанием своим напоминал Алексею шум песка в огромных песочных часах.

Старичок был слаб, лежал почти без движения, лишь сипло дышал да перекачивал глазные шары под пергаментными веками. Заслышав удары клюки в коридоре, дедушка оживал, приподнимался на подушке и подмигивал Алексею заговорщически: «Слышь, моя идет». Говорил это с гордостью, как будто войдет сейчас в палату красавица писаная и все ахнут. Алексею сначала было смешно, а потом он сам эту красоту увидел. Для своей ненаглядной пыжился дед, старался сидеть прямо, хлебал жидкий супчик с деланным аппетитом и все нахваливал еду, докторов, больницу. Нахваливал и гладил на краю кровати ссохшуюся женскую ладонь. Когда жена уходила, дед в бессилии сползал по подушкам и почти не жил до следующего ее визита.

Узнав, что к Алексею не ходят, старушка взяла шефство и над ним. Прибрала у тумбочки. Заставила медбрата поменять белье. Без денег заставила, хотя все в палате говорили, что такое невозможно. Супчики Алексей не любил, но понял, что может отказом задеть хрупкую гордость людей, тихо несущих свою аккуратную нищету. Поел аккуратно, от сердца поблагодарил, отвернулся к стене и скрючился от жалости к своей недоделанной жизни.

Про прошлое старик почти ничего не рассказывал. Лишь вздыхал. Да перекачивал глазами. Иногда дыхание превращалось в сплошной хрип. Алексей сначала пугался и звал врача, а потом привык и не успел попрощаться.

Очнувшись от дурного димедролового сна поздно утром, Алексей нашел кровать рядом пустой. Перестелить еще не успели – лишь голый матрас с застаревшими ржавыми разводами. У кровати сидела жена деда. Тихо сидела, не плакала. Встретив взгляд Алексея, лишь сказала:

– Вот так-то. Первым мой успел. Всегда был шустрым, вот и теперь. Как один там будет меня ждать?

– Дождется обязательно, – утешил Алексей.

Старушка посмотрела на него так строго, что стала понятна бестактность Алексея.

– Конечно, дождется, зачем говоришь? Он меня тут знаешь сколько ждал? А там, на небесах, попроще. Хотя мог бы еще пожить, если бы не эти черти.

– Что за черти? – Алексей видел, что старушке надо выговориться.

– Да самые натуральные. Все в черном да с рогами.

– На голове?

– У этих на спине были.

Алексей решил, что старушка бредит, но всплыл в памяти захват института и эмблемы охранников: вышитые золотом длинные кривые сабли, расходящиеся из круглого щита.

– И верно, черти, – сказал Алексей, скорее себе.

– Самые натуральные и есть, – подхватила старушка. – Пятьдесят лет люди работали, всю страну станками обеспечивали. А вот ворвались ироды, людей повыкидывали, станки разворовали.

– Какие станки? Там же лаборатория была, – удивился Алексей.

Теперь уже старушка решила, что бред у Алексея.

– Какая лаборатория? Завод! А Сергей мой, Спиридонович, упокой Господи его душу, тридцать лет был директором.

– Когда же это было?

– Да уж и не припомню. Когда у нас президент менялся?

– Давно уже не менялся. Точнее, менялся, но ненадолго.

– Вот, милый, незадолго до этого и случилось. Сергея Спиридоновича моего прямо подкосило. А ведь молодцом всегда был, фронтовик, боевой офицер. Рядом с Трудовым Красным Знаменем всегда Боевое носил.

– А что же тогда бороться не стал с чертями, если боевой офицер?

Старушка опять посмотрела на Алексея строго и пожевала губами.

– А вот не стал, мил человек. Сначала поверить не мог, что по фальшивым бумажкам можно государственный завод отобрать. А потом разобрался, в чем дело, газеты почитал и руки опустил. Вот, говорит, дражайшая моя Вера Андреевна, где грех мой вернулся. Кривой дорогой, да верной.

– Какой грех-то, Вера Андреевна? – спросил Алексей.

– А грех он, милый человек, у каждого свой. Есть у тебя тарелка? Давай супчик переелю, не выбрасывать же теперь. Кремация через три дня, тут, внизу, через корпус. Ты приходи попрощаться. Все же последний его попутчик. Сергей Спиридонович на смерть сотни людей проводил – там и война, и еще всякое. А ты, значит, проводил его. Уж доведи до конца. Не зря же все на свете, не зря, мил человек.

На панихиду Алексей пошел. В спортивном костюме проскочил мимо медсестры на вахте, навалился на стеклянную дверь, и даже голова закружилась от свежего воздуха. У ритуального зала нашел Веру Андреевну.

– Ты позволь, я на тебя обопрюсь. Спасибо, Господи, последние силы ушли, значит, недолго тут одной мучиться.

Вместе подошли к гробу, Алексей помог поаккуратнее разложить вдоль тела цветы: пришедшие на панихиду клали их в общую кучу и тут же отходили – стеснялись вялой убогости последних подношений. Крышку гроба закрыли, прощание закончилось. Провожающим подали целый автобус – не поспешил завод.

– Хоть и черти, – пояснила Вера Андреевна, – а к покойникам у нас всегда с уважением.

Алексей помог старушке подняться в автобус, потом ждал, пока вскарабкаются остальные. Проход перегородила инвалидная коляска, и Алексей оказался на поминках.

Провожали в двухкомнатной квартире сталинской семиэтажки. Большие подъезды, высокие потолки, забитый люк мусоропровода прямо в квартире. На столе жесткая белая скатерть, а по ней сверху тонкая кружевная. Из угощений – блины, винегрет, много водки. Таких бутылок Алексей не видел уже лет двадцать. Сказал об этом хозяйке.

– Это после майского указа по талонам запасали. Жидкая валюта была тогда самой твердой.

Помянули упокоившегося блинком. Угостились винегретом – все ели ложками, подгоня жирные рубиновые кубики куском черного хлеба. Пить было некому. Пришедшие помянуть Сергей Спиридоновича были уже не едоки, а скорее бесплотные тени, с дряблыми провалами щек и прозрачными руками. Глаза гостей выцвели от старости, и, разговаривая, они смотрели не на собеседника, а прямо перед собой.

Вот так, глядя невидящими глазами, каждый вспомнил про ушедшего что-то хорошее. Из мелких фрагментов сложился человек. Пустая хрипящая оболочка из-под больничного одеяла наполнилась живым. Поднимал человек колхозы, колол врага штыком, восстанавливал завод голыми руками и вдруг сложился, наткнувшись на свой былой грех. Расспрашивать Алексей не решался, но Вера Андреевна сама рассказала, что, когда завод отобрали, покойный сперва погоревал, а потом даже успокоился. Вроде как грех искупил. Так и жил дальше, тихо, бедно, но без греха.

Среди гостей было много заводчан, для которых прошлая жизнь закончилась в тот день, когда предприятие отобрали бойцы с золотыми саблями на спине. Никто не жаловался, но по потертым брюкам и бахромах на лацканах было видно, что достаток в дома так и не вернулся. Сетовали на старость, на цены, на новые порядки, но что удивительно – захватчиков никто не ругал.

– Как же так, – удивился Алексей, – неужели не держите на них зла?

– Зло оно тяжелое, всего не удержишь. В рот не положишь, а на дно утянет. Сперва была ненависть – аж в груди болело. Да тех, кто жил только ненавистью, она первыми и забрала.

– Тут также необходимо принять во внимание, – отчеканил старик в чеховском пенсне, – что большего зла, чем они себе нажили, человек даже в сердцах пожелать врагу не в состоянии. Поверьте мне как бывшему доктору бывшего Четвертого управления. Они там все душевнобольные или как минимум психопаты. Без наркотиков и лошадиной дозы алкоголя не могут заснуть. Ночные клубы, заседания, непрекращающиеся застолья, лишь бы не оставаться наедине с собой. Потому что в одиночестве к ним сразу такие демоны лезут, по сравнению с которыми твои, Вера Андреевна, черти – дети малые. Злой человек, он в сердцах пожелать может врагу увечья, ну, может, лютой смерти.

– Мой Сергей Спиридонович как-то в сердцах пожелал недругу соседа с перфоратором, – вернулась к поминанию хозяйка.

– А эти господа в таком аду живут, – не сбился с темы старичок, – что самая лютая смерть за избавление.

Остальные участники поминок доктора не поддерживали и смотрели пустыми глазами перед собой. Заметив, что доктор крепко оседлал своего любимого конька, хозяйка снова напомнила про сегодняшний повод:

– Жаль, любимого портрета Сергей Спиридоновича не вернули, он там весь в орденах и такой еще красавец.

– Кто же не вернул, Вера Андреевна?

– Да новый директор завода и не вернул. Оприходовал вместе с кабинетом. Очень ему мой Сергей Спиридонович приглянулся – каждый год на патриотические марши новый директор с нашим портретом вышагивает.

Старики за спиной закивали, и непонятно было, одобряют ли они выходы портрета на патриотические марши или осуждают нового совладельца.

Две шеренги людей на длинных лавках, лицом друг к другу, но друг друга как бы уже не видят. Смотрят в пустоту или, скорее, в себя. Алексей вспомнил, где видел эту картину раньше: на аэродроме их института, куда ездили прыгать с парашютом. Так же сидели они, тогда еще вроде молодые, но скованные страхом перед неизведанным. Их долго готовили к прыжку, инструктировали, пытались подбодрить, но когда самолет оторвался от земли, каждый был один на один со своим страхом, каждый думал лишь о том моменте, когда он окажется перед открытой дверью и уже нельзя будет передумать, вернуться обратно. В брюхе самолета было сумрачно, а из открытой двери бил до боли яркий свет и глушили хлопки ветра. Один за одним исчезали за дверкой товарищи, приближалась очередь Алексея, а он сидел и пытался собраться на этот шаг. Он прыгал не первым, но судьбу покинувших салон он знать не мог, пока не сделает свой шаг за борт.

– Получается, Сергей Спиридонович первым выпрыгнул, – ответил Алексей своим мыслям вслух, но Вера Андреевна его поняла:

– Да, первым. И вверх пошел. Если без греха, то всегда вверх.

– Пойду я, Вера Андреевна, дай бог вам здоровья.

– На что оно мне, здоровье? Устала уже. Зачем человека зря заставлять ждать?

– Я на такси еду. Может, кого подвезти? Доктор вон совсем больной, как доберется?

– Блаженный всегда дорогу найдет... Да и какой он доктор.

– Из Четвертого управления.

– Из управления, да из заводского. А доктора он себе придумал, когда дочку у него забрали.

– Кто забрал?

– Да кому надо, те и забрали.

– Кому же надо было?

– Да такая девка всем была нужна. Светлая девка: глазища ясные, высокая, ладная, как засмеется – все вокруг радулыбается.

– И что случилось? – спросил Алексей.

– Да ничего нового не случилось. Подманили смазливym уродом, заарканили на красивую жизнь, прикрутили гадостью разной. А потом пришли в дом и говорят, что долги отдавать надо.

– Прямо в дом?

– В квартиру его пришли. Девку увели, а его даже не били – лапищей своей облапил мохнатый урод старику-отцу лицо и толкнул легонько. От этого легонько старик всю прихожую пролетел да о стол головой грохнулся. А как пришел в себя – ни дочки, ни жизни. Другой-то жизни, кроме дочки, у него и не было – он ей ножки все целовал, сказки добрые придумывал. В сказках его принцесса всегда за принца выходила. Жила долго и счастливо. Злодеи перевоспитывались. В жизни все наоборот получилось. Тут любой умом сдвинется. Этот наш стал доктором, да и пусть будет, если ему так легче.

- Не дай бог, Вера Андреевна.
- Мне уже не даст, да другим не дал бы. Иди, Алексей, иди. Ты еще живым годишься.
- Я все исправлю, Вера Андреевна. Помните, я про Камиллу Андреевну рассказывал?
- Запомняла. Да и что мне? Тебе же исправлять. Только постарайся без цирка.

Совсем без цирка не получилось. План Алексея состоял из трех пунктов. Для исполнения пункта первого нужны были наручники. Наручники продавали в магазине оружия. В магазине оружия наручники продавали не всем.

Молодцеватый консультант в болотного цвета униформе потребовал документ. Алексей предъявил паспорт, но продавец отрицательно покачал головой.

– А как-нибудь так, нельзя? – предложил Алексей, сделав ударение на слове «так» и показав продавцу тысячную бумажку.

– Как-нибудь «так» не хочется, – ответил продавец и показал Алексею решетку из четырех сложенных пальцев.

– А как же мне быть? – поинтересовался Алексей.

– Тебе для работы? – увидев деньги, охранник интимно перешел на «ты».

– Для работы, – соврал Алексей.

– Тогда пусть начальство разрешение оформляет.

– Ну, точнее, мне для личных нужд, – изменил Алексей показания.

– Для личных нужд наручники в другом магазине продаются, – поведал продавец с ухмылкой и показал на дверь через дорогу. Там над входом в полуподвал светилась надпись «Интим» и, чуть выше, «Ломбард».

– В ломбарде? – удивился Алексей.

– Ты придурок. Теперь ясно, чего тебе лицензию не дали, – обиделся продавец и ушел в подсобку.

В ломбарде наручников действительно не было. Там вообще ничего не было, кроме толстого лица в полукруглом окошке. Алексей спросил лицо про наручники, за окошком захихикали. Смех был визгливый, с храповитыми перебивками, и Алексей не понял, какого пола лицо находится за амбразурой окна.

Алексей осторожно заглянул в соседнюю дверь. Там за стеклянным прилавком сидела женщина средних лет и вязала. Сиреневые ногти, позолоченные пылью, резво фехтовали спицами, пучок волос на затылке покачивался в одном ритме с пальцами, закрытое платье с белым отложным воротничком больше подходило учительнице младших классов, чем продавщице секс-шопа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.